

Вятский государственный гуманитарный университет

**В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 2

Киров
2016

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор, ректор ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Е. М. Вечтомов, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Л. В. Калинина, доктор филологических наук, доцент, ВятГГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

H. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГГУ (г. Киров);

М. С. Судовиков, доктор исторических наук, доцент (г. Киров);

С. В. Чернова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26,
тел. (8332) 208-964 (Издательство ВятГГУ)

Редактор **Т. Н. Котельникова**

Компьютерная верстка: **К. А. Ашихмина**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Редактор выпускающий **М. А. Харунжева** (кандидат философских наук)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)

ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Юлов В. Ф.</i> Перспективы развития интегративной теории познания.....	5
<i>Тимшин В. А.</i> Творческий акт как соединение чувственного и рассудочного в теоретических работах Р. Вагнера.....	6
<i>Насртдинова В. М., Азлей Е. А.</i> К вопросу об особенностях мифогенеза современности и мифологизации общественного сознания (обзорный контент-анализ).....	10
<i>Михайлова Н. В.</i> Системная целостность концепции обоснования современной математики.....	16
<i>Сухих Н. И.</i> Три уровня рассмотрения категории «информация».....	20
<i>Харунжева М. А.</i> Человеческая телесность и физическая культура: философские аспекты.....	25

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Бугров К. Д., Киселев М. А.</i> Насколько регулярным было «регулярное государство» в России XVIII в.? Принципы работы по входящим делам в Екатеринбургском уездном суде (1785) [1].....	29
<i>Литвинова О. Н.</i> Партизаны и Коммунистическая партия: особенности взаимодействия на оккупированных территориях Брянщины в годы Великой Отечественной войны.....	37
<i>Чернышева Н. В.</i> Социальная поддержка эвакуированного населения в Кировской области в 1941–1945 гг.	45
<i>Соловьев Р. А.</i> Некоторые аспекты участия подразделений Советской армии в пресечении массовых беспорядков в 1950–1980-х гг.	51
<i>Гудов А. Я.</i> Военный историк А. А. Печенкин.....	57
<i>Федянин В. И., Ершов Б. А., Зубов И. В.</i> Духовно-нравственное воспитание курсантов в институтах ГПС МЧС и высших военных учебных заведениях в современной России: история и современность.....	63

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Матвеева Г. Г., Ханина Е. А.</i> Игра с образностью в текстах немецкого политического дискурса.....	68
<i>Бачурин В. Д.</i> Формирование дискурсивного образа «врага» в политическом языке (на материале речей Тони Блэра, посвященных войне в Ираке).....	75
<i>Ильченко Н. М., Пепеляева С. В.</i> «Сикстинская мадонна» Рафаэля в восприятии В. А. Жуковского и Ф. М. Достоевского.....	79
<i>Исламова А. К.</i> Эпическая перспектива в романе У. Голдинга «Тесное соседство».....	84

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	93
INFORMATION ABOUT AUTHORS.....	95

CONTENTS

- Yulov V. F.* Prospects of development of integrative theory of cognition
Timshin V. A. The creative act as the compound sensuality and rationality in theoretical works by R. Wagner
- Nasrtdinova V. M., Agley E. A.* With regard to the features of the genesis of myths of contemporaneity and mythologizing processes of the social consciousness (a synoptical content-analysis)
Mikhailova N. V. System integrity of the concept of substantiation of contemporary mathematics
Sukhikh N. I. The three levels of consideration of category "Information"
Kharunzheva M. A. The human corporeality and physical culture: philosophical aspects
Bugrov K. D., Kiselev M. A. Was 'regular state' in 18th century Russia really regular? The working reglement of ekaterinburg district court
Litvinova O. N. The guerrillas and the Communist Party: features of interaction in the occupied territories of Bryansk region in the Great Patriotic War
Chernysheva N. V. Social support for evacuees in the Kirov region in 1941–1945
Soloviev R. A. Some aspects of participation of units of the Soviet Army in riot control in 1950–1980
Gudov A. Y. The Military Historian A. A. Pechenkin
Fedyanin V. I., Yershov B. A., Zubov I. V. Spiritual and moral education of cadets in the institutes of State Fire Service of Emercom and military higher educational establishments in the modern Russia.
Matveeva G. G., Khanina E. A. Imagery game in the texts of the political discourse
Bachurin V. D. Forming an image of «enemy» in political discourse (a study based on «War in Iraq» political discourse of Tony Blair)
Ilchenko N., Pepelyaeva S. "Sistine madonna" by Raphael in perception of V. A. Zhukovsky and F. M. Dostoevsky
Islamova A. K. The epic perspective in the novel "Close quarters" by W. Golding

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 101.1

В. Ф. Юлов

Перспективы развития интегративной теории познания

В статье речь идет о направлениях дальнейшего развития авторской концепции, объединившей три основных типа познания: познание животных, практическое познание, научное исследование и мировоззрение. Особое внимание уделено углублению генеральных идей и взаимодействию между типами познания.

In the article it is spoken about further development of the author's concept, which has united the three main types of cognition: animal cognition, practical knowledge, scientific research and philosophy. Special attention is paid to the deepening of the general ideas and the interaction between types of knowledge.

Ключевые слова: тип познания, наука, практика, духовность.

Keywords: type of knowledge, science, practice, spirituality.

Основой интегративной теории познания является модель познавательного агента. Она необходима для должной широты анализа. Принципиальная ограниченность большинства теорий познания – заикленность на человеке. Авторская концепция устранила этот недостаток. Учтен основной вывод эволюционных теорий познания – не только человек, а все единицы жизни занимаются познанием. Без познания нет должной адаптации к внешней среде и, стало быть, жизни. Вот почему все животные познают и благодаря этому успешно выживают. В главе «Познание животных» (Юлов В. Ф. Интегративная теория познания. М.: Современная музыка, 2014. С. 8–50) подробно рассмотрены сущностные признаки данного типа познания. Отсюда понятно, почему автор ввел понятие «познавательный агент», оно объединяет животных и человека.

Познавательный агент является носителем общих познавательных способностей. Они представлены физическим телом, чувственной психикой и интеллектом. Как таковое тело выступает биологической площадкой (ареной), где существуют и действуют все познавательные способности. Так, если взять чувственную психику, то ее рецепторы расположены на поверхности тела. Но их действие не является физическим, сенсорные рецепторы зрения, слуха, тактильности фиксируют сигналы внешней среды и делают внутренними репрезентациями познавательного агента. Сигналы внешней среды становятся внутренними достояниями агента. В отличие от чувственной психики способ действия интеллекта иной. Здесь знания формируются в две структуры: предмет, это может быть проблема, несущая в себе несвязное и противоречивое знание, а также метод, состоящий из истинных и высококачественных знаний. Инструментальное воздействие метода на предмет составляет содержание способа познания, который в каждом типе познания специфицируется. Конечно, главная работа состоит в уточнении особенностей отдельных типов познания. Так, если суть практического познания сводится к тому, что главной его целью выступают жизненные блага – пища, жилище и т. п., то познание обслуживает жизненную прагматику. Форм практического познания весьма много – здравый смысл, или обыденное познание, профессиональный опыт: опыт рабочего-станочника, опыт повара, опыт врача, военное искусство и многое другое.

Высокой значимостью отличается научное исследование, главной целью которого являются знания, имеющие самостоятельный характер. Формы научного познания также крайне разнообразны. Взять хотя бы дисциплинарную специфику: естественнонаучное (математика, физика, химия, биология и т. п.) и гуманитарное знание (история, политология, социология и т. п.). Особым типом познания является мировоззрение, или духовные знания, берущие всё через призму отношения: человек – мир. Формы духовности разнообразны: миф, религия, философия, искусство

во. Особой перспективой развития интегративной концепции отличаются взаимодействия форм из разных типов познания. Если взять современность, то явную актуальность демонстрируют наука и философия. Многие видные ученые-теоретики активно обсуждают традиционные философские проблемы. К таковым, безусловно, относится проблема сознания. Ныне можно считать, что она стала частью предмета науки. У книги американского математика и космолога Р. Пенроуза «Тени разума» есть второе название: «В поисках науки о сознании», где автор проводит мысль – для новой физики нужна новая наука о сознании. В качестве способа исследования ученые используют мысленный эксперимент. Его своеобразие состоит в том, что конструируются смелые воображаемые ситуации, где возможное и невозможное определяются с позиции известных и уже познанных законов. Так, английский ученый Ст. Хокинг, разбирая проект машины времени, исходит из того, что скорость передвижения на такой машине не может превысить скорость света в вакууме (это один из постулатов специальной теории относительности). Также здесь ученый рассматривает закон соотношения энтропии и информации. Такая опора на законы науки даёт плодотворные результаты, возникли смелые и оригинальные модели. Интересны соображения Хокинга в ситуации попадания нас как макротел вовнутрь черной дыры. Что касается философских выводов из подобных мысленных экспериментов, то они тяготеют к идеям диалектической философии с особым упором на единство противоположностей: связь порядка и беспорядка, случайное сочетается с необходимостью и т. п.; связь возможного и невозможного.

Если подходить ко всему этому исторически, следует признать, что мысленный эксперимент впервые был открыт и использован в лоне философии. Уже античные философы продемонстрировали познавательные достоинства мысленного эксперимента. Так, Зенон Элейский сконструировал свои знаменитые парадоксы со стрелой, черепахой и Ахиллом в особых ситуациях, где мышление обсуждает проблемные ситуации с применением законов логики. Подобный способ был типичен и для других школ. Что привело Демокрита к выводу о существовании атомов как наипростейших элементов? Мысленные эксперименты с уменьшением объема и делением больших предметов на части. И действительно, если мы вообразим ситуацию уменьшения объема физических тел, то есть ли тут граница – предел? Демокрит такую границу признал в виде атомов, атом есть нечто неделимое, нерассекаемое.

Философия является одной из форм мировоззрения, и взаимодействие философии с современной наукой остается важной отличительной чертой науки. Здесь ярко видно, как один тип познания позитивно влияет на другой. С другой стороны, очевидно и воздействие науки на философию. Из всех структурных элементов философии наибольшим динамизмом развития обладает теория познания как эпистемология научного исследования. Философская рефлексия над историей науки дает ученым понимание тенденций научного поиска, что позволяет планировать прогресс науки, а также оптимизировать подготовку научных кадров.

Особо актуальна тема взаимосвязи типов познания при обсуждении сути возможного внеземного разума, при определении признаков которого придется так или иначе его сравнивать с типами земного познания.

УДК 1(091):123

В. А. Тимшин

Творческий акт как соединение чувственного и рассудочного в теоретических работах Р. Вагнера

По мнению Вагнера, главным движущим стимулом, побуждающим художника творить, является нужда. Непроизвольная и необходимая потребность вызывает чувственную деятельность, что может стать предметом мышления и знания. На этом пути могут возникнуть трудности, связанные с необходимостью соединения чувственного и рассудочного. Но настоящий художник, истинный гений способен войти в состояние, при котором происходит соединение этих противоположностей, связующим звеном между которыми выступает фантазия. Такой творческий акт сравним с чудом. Он происходит спонтанно, когда отключаются рассудочные процедуры. В такой момент рождения произведения искусства через само это произведение автор познает самого себя. Образно данный творческий процесс можно представить как любовь мужчины и женщины.

According to Wagner, the main driving incentive inducing the artist to create is the need. The involuntary and necessary requirement causes sensual activity that can become a subject of thinking and knowledge. On this way there can be difficulties connected with need of connection sensual and rational. But the true artist, the true genius is capable to enter a state at which there is a connection of these contrasts as a link between which the imagination acts. We will compare such creative act to miracle. It occurs spontaneously when rational procedures are disconnected. At this moment of the birth of a work of art through this work the author learns himself. Figuratively this creative process can be presented as love of the man and woman.

Ключевые слова: Р. Вагнер, явление, творческий акт, познание, рациональное, чувственное, фантазия, воображение.

Keywords: R. Wagner, phenomenon, creative act, cognition, rational, sensual, fantasy, imagination.

Рихард Вагнер привлекает внимание не только своими новаторскими идеями в музыке, но и в не меньшей степени своей философской рефлексией, размышлениями на тему художественного творчества и творчества в целом. Объем теоретических работ композитора сопоставим с объемом работ Гегеля, а также Фейербаха и Шопенгауэра [1]. Его идеи находят отражение в философии жизни, экзистенциализме, психоанализе, феноменологии. Так, явление – одно из ключевых понятий, который Вагнер использует в своих философских построениях, близко к гуссерлевскому понятию феномена.

Главный движущий стимул, заставляющий художника творить, по мнению Вагнера, – это потребность, нужда. Он пишет, что именно нужда заставляла его быть то писателем (зарабатывать себе на жизнь), то музыкантом (желание написать музыку к своим стихам и поэмам), то мыслителем (страстное стремление познать собственное творчество). Остановимся на последнем подробнее.

Вагнер называет причину, побуждающую художника отказаться на время от своего бессознательного творческого процесса и приступить к теоретическим умозрительным рассуждениям. Он описывает это так: «Необходимость в длительном размышлении наступает только тогда, когда художник наталкивается на значительные трудности в применении нужных ему выразительных средств, то есть тогда, когда ему затрудняют, а то и вовсе запрещают пользоваться средствами, нужными для воспроизведения его художественного замысла» [2].

В случае Вагнера для реализации идеи музыкальной драмы ему необходимо было найти оправдание соединения в единое целое разных элементов искусства: поэзии, музыки и сценического пения (оперы). Сделать это было настолько трудно, что состояние, в плен которого попал композитор, он называет болезненным, судорожным, ненормальным. Пережить такое состояние художник может только один раз, и повторить его вряд ли решится. Трудность заключается в том, что творец вынужден встать на путь профессионального теоретика, то есть спокойно, обстоятельно и аргументированно представить результаты проведенного анализа. Но для художника характерно иное мышление: «...его подгоняет страстное нетерпение, не оставляя ему времени, необходимого для тщательной обработки стиля. Ему хочется полностью передать в каждой фразе свой взгляд на искусство, которое всегда предстает перед ним целиком; неуверенность в том, что это ему удалось, понуждает его все снова и снова повторять ту же попытку, и под конец он становится раздражительным и запальчивым, что совершенно недопустимо для теоретика. Он сознает все свои недочеты и ошибки и, снова обеспокоенный этим, торопится закончить работу, вздыхая о том, что, по всей вероятности, его поймет только тот, кто разделяет его взгляд на искусство» [3].

Такие возникающие трудности, муки творчества можно объяснить еще и тем, что в подобные моменты художник пытается соединить совершенно разно проявляющие себя в обычной жизни полярности (Гете), сгустить две сложно уживающиеся противоположности: чувственное и рассудочное. И это происходит при переходе в особое состояние, когда, как говорит Вагнер, душа художника мечется между небом и адом. Желая освободиться от этого бремени, сгущая чувственное и рассудочное, творец и создает, рождает что-то новое. Это новое – чреватый пункт, зреющее правило (Гете), в концентрированном виде упакованная мысль, которая ждет своего разрешения в чувственно проявляемом акте создания художественного произведения.

Вагнер говорит, что вернуться к прежнему уровню, исцелиться от тяжелого недуга ему помогла появившаяся возможность снова предаться художественному творчеству и создать такое произведение, которое отвечало бы первоначальной задумке и смогло воплотить в жизнь теоретические рассуждения. Речь идет о его музыкальной тетралогии «Кольцо Нибелунга».

Но что представляет собой творческий акт? На вопрос о высшей творящей силе Вагнер не дает однозначного ответа. Он не отказывает богу в творении и говорит, что бог творит из ничего. Причем действовать так может только он один.

Природа также творит, но творит по необходимости, произвольно и непреднамеренно. Конечным результатом этого процесса является человек. Он появляется сам собой, как только для этого создаются необходимые условия. После этого природа самоуспокаивается, достигает самоудовлетворения, ее революционные преобразования заканчиваются, и ее жизненная сила больше не расходуется. То необходимое, что нужно было сделать, она сделала – «вызвала к жизни великое многообразие, мужское и женское, вечно порождающее само себя, вечно обновляющееся, вечно пополняющееся, и стала в этой бесконечной взаимосвязи навечно и безусловно сама собой» [4].

По мнению Вагнера, и человек призван решить подобную задачу. Мыслитель не дает прямого ответа, что должен создать человек, однако он говорит о роли техники, об этой могучей, порожденной человеком силе. Не является ли техника и ее высший предел – человекоподобный робот, искусственный раб «свободного творца-человека которому до сих пор этот последний служил, как идолопоклонник служит идолу, которого он сделал собственными руками» [5] – тем самопорождающим началом, который призван реализовать творческий человек? В этом случае, освобожденный от забот человек, точно так же как грек, взваливший всю рутину на раба, может проявить свою активность в виде художественной деятельности. Только в отличие от греков это произойдет на более высоком уровне, сознательном, в ходе исторической борьбы и будет принадлежать всему народу.

Художник, имеющий творческий дар, включает в себя две способности. Во-первых, способность соединять такие противоположности, как чувственное и рассудочное, в концентрированном виде образно изображать внешние явления, «отдаленные от реальной природы» или, как говорит Вагнер, «сгущать в картину внешние явления» [6]. Такую способность Вагнер называет естественной. Во-вторых, способность донести до других людей данное представление об этой картине.

Первая способность связана с деятельностью мозга человека. Точно так же как глаз человека воспринимает удаленные предметы в уменьшенном виде, так и мозг человека воспринимает внешние явления весьма упрощенно в зависимости от индивидуальных особенностей человека. Однако работа мозга может не останавливаться на этом и идти дальше. Необходимость и желание упорядочить, распределить, понять и объяснить многочисленные явления приводят человека в беспокойство. Для преодоления этого он ищет взаимосвязи одних явлений с другими, что позволяет рисовать более общие картины, или, по-другому, создавать образы. Такую деятельность мозга Вагнер называет фантазией. Непрекращающееся стремление фантазии направлено на то, чтобы познать явление во всей полноте. Но ей это не дано, и лишь благодаря воображению находится предполагаемая причина.

Подлинную связь явлений может найти только рассудок. Вагнер определяет его как «воображение, умеренное действительным размером явления» [7]. Именно он на следующем этапе включается в процесс, разбивая и разлагая созданный фантазией образ на отдельные части, представляя явления такими, какие они есть в действительности.

Для того чтобы передать это представление другим людям, рассудку необходимо соединить эти части в одно целое, то есть найти связь явлений. И это возможно при их сгущении. Однако полученная картина (образ) уже будет несколько отличаться от действительности явления (в той мере, в какой человек его мог понять), а те открывшиеся рассудку многосторонние связи приводят его «в смущение». В результате рассудок вынужден снова обратиться к чувству, рисуя с помощью фантазии такую картину явлений, которая и будет понятна чувству. Таким образом, именно фантазия является связующим звеном между чувством и рассудком, посредником между началом и центром, центром и конечной точкой, именно благодаря ей возможно общение между этими двумя противоположностями. Весь этот процесс Вагнер называет чудом, причем отличает его от религиозно-догматического чуда, которое в отличие от первого нарушает природу вещей, ставя божественную волю выше природы.

Сам момент творческого акта, согласно Вагнеру, несвободен, обусловлен необходимостью. Когда художник находится в состоянии поиска, подобно ученому, целенаправленно исследуемому объекту, тогда еще не создается произведения искусства. Это происходит вдруг, спонтанно, когда отключаются рассудочные процедуры и художнику становится все понятно и ясно. В этот момент рождения произведения искусства через само это произведение автор познает самого себя. Таким образом, творческий акт и акт познания сливаются и представляют собой одно неотделимое целое. Вот как описывает это Вагнер: «Вначале художник действует опосредованно, его творчество произвольно именно тогда, когда он стремится быть посредником и сознательно выбирает; созданное им произведение еще не является произведением искусства; его приемы – это, скорее, еще приемы ученого – ищущего, исследующего, – поэтому они произвольны и не ведут прямо к цели. Лишь там, где выбор уже сделан, где он был необходим, где он пал на необходи-

мое, – там, следовательно, где художник находит себя в своем предмете, подобно тому как современный человек находит себя в природе, – лишь там рождается произведение искусства, лишь там оно оказывается чем-то действительным, самостоятельным и непосредственным.

Истинное произведение искусства – непосредственно чувственно воплощенное – в момент своего физического рождения является искуплением художника, уничтожением последних следов творящего произвола, несомненная определенность того, что до тех пор существовало лишь как представление, искупление мысли через чувственное воплощение, удовлетворение жизненной потребности через жизнь.

В этом смысле произведение искусства как непосредственное жизненное действие является окончательным примирением науки и жизни, победным венцом, который с радостной признательностью протягивает побежденный освободившему его победителю» [8].

Представленный процесс Вагнер образно иллюстрирует на примере мужчины и женщины. Импульсом творящего разума является любовь, любовь мужчины к женщине. Желая освободиться от своего эгоизма, мужской рассудок-слово встречается с любящей его женщиной-чувством, которая достигает полной индивидуальности лишь в тот момент, когда отдается. Эта встреча неизбежна, так как каждый из них по отдельности не в состоянии понять и выразить себя. Вагнер резюмирует: «Как рассудок должен снова оплодотворить чувство, как он испытывает потребность быть понятым чувством, найти в нем оправдание, отразиться в нем и в этом отражении узнать себя, увидеть себя понятым, так и слово рассудка стремится познать себя в звуке, найти для разговорной речи оправдание в языке звуков» [9].

И действительно, не только художники, но и великие ученые часто говорили о красоте, гармонии, музыке. Их слово-рассудок нуждался в чувственном понимании, поэтому не случайно они обращались к философии и излагали свои мысли еще и на этом языке. Если уподобить рассудок-слово естествознанию (мужское начало), а чувство-музыку – гуманитарной сфере (женское начало), то можно интерпретировать вышеописанную идею Вагнера как необходимый союз и равноправное участие этих видов деятельности. Одно не может быть без другого. Лишь в соединении этих полярностей и может осуществиться творческий акт и родиться новое. А это значит, что Вагнер будет актуален не только сегодня.

Примечания

1. Ильенков Э. В. Заметки о Вагнере. URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/iki/vagner.html>
2. Вагнер Р. Музыка будущего // Вагнер Р. Избранные работы / сост. и коммент. И. А. Барсовой и С. А. Ошерова, вступит. ст. А. Ф. Лосева. – М.: Искусство, 1978. С. 495.
3. Там же. С. 518.
4. Вагнер Р. Произведение искусства будущего // Вагнер Р. Избранные работы / Сост. и коммент. И. А. Барсовой и С. А. Ошерова, вступ. ст. А. Ф. Лосева. М.: Искусство, 1978. С. 151.
5. Вагнер Р. Искусство и революция // Вагнер Р. Избранные работы / сост. и коммент. И. А. Барсовой и С. А. Ошерова, вступ. ст. А. Ф. Лосева. М.: Искусство, 1978. С. 133.
6. Вагнер Р. Опера и драма // Вагнер Р. Избранные работы / сост. и коммент. И. А. Барсовой и С. А. Ошерова, вступ. ст. А. Ф. Лосева. М.: Искусство, 1978. С. 365.
7. Там же. С. 408.
8. Вагнер Р. Произведение искусства будущего // Вагнер Р. Избранные работы / сост. и коммент. И. А. Барсовой и С. А. Ошерова, вступ. ст. А. Ф. Лосева. М.: Искусство, 1978. С. 146.
9. Вагнер Р. Опера и драма // Вагнер Р. Избранные работы / сост. и коммент. И. А. Барсовой и С. А. Ошерова, вступ. ст. А. Ф. Лосева. М.: Искусство, 1978. С. 422.

Notes

1. Ilyenkov E. V. *Zametki o Vagnere* [Notes on Wagner] // [Access mode] <http://caute.ru/ilyenkov/texts/iki/vagner.html>
2. R. Wagner *Muzyka budushchego* [Music of the future] // Wagner R. Selected works / Comp. and comments Barsova I. A. and S. A. Osherov introduct. art. V. A. F. Losev. M. Iskusstvo. 1978. P. 495.
3. Ibid. P. 518.
4. Wagner R. *Proizvedenie iskusstva budushchego* [Artwork of the future] // Wagner R. Selected works / Comp. and comments Barsova I. A. and S. A. Osherov introduct. art. V. A. F. Losev. M. Iskusstvo. 1978. P. 151.
5. Wagner R. *Iskusstvo i revolyuciya* [Art and revolution] // Wagner R. Selected works / Comp. and comments Barsova I. A. and S. A. Osherov introduct. art. V. A. F. Losev. M. Iskusstvo. 1978. P. 133.
6. Wagner R. *Opera i drama* [Opera and drama] / Wagner R. Selected works / Comp. and comments Barsova I. A. and S. A. Osherov introduct. art. V. A. F. Losev. M. Iskusstvo. 1978. P. 365.
7. Ibid. P. 408.
8. Wagner R. *Proizvedenie iskusstva budushchego* [Artwork of the future] // Wagner R. Selected works / Comp. and comments Barsova I. A. and S. A. Osherov introduct. art. V. A. F. Losev. M. Iskusstvo. 1978. P. 146.
9. Wagner R. *Opera i drama* [Opera and drama] / Wagner R. Selected works / Comp. and comments Barsova I. A. and S. A. Osherov introduct. art. V. A. F. Losev. M. Iskusstvo. 1978. P. 422.

К вопросу об особенностях мифогенеза современности и мифологизации общественного сознания (обзорный контент-анализ)

В рамках настоящей статьи авторы рассматривают миф в качестве вновь ставшей актуальной, значимой составляющей общественного сознания, предлагая феномен современного обращения различных культур к мифу ассоциировать с рядом определяющих их социальных процессов, тенденций, трендов. Кроме анализа конкретных примеров, иллюстрирующих мифологизацию общественного сознания, авторы предлагают собственную классификацию мифа как структурного элемента общественного сознания, в качестве оснований таковой выделяя два основных критерия: хронологическую интенцию вектора мифотворчества и мифопродуцирующий источник в его отношениях с социальностью (этиология мифа). Особое внимание авторы уделяют расцвету мифогенеза в советский период и, считая Октябрьскую революцию отправной точкой поворота к мифотворчеству, исследуют примеры сакрализации действительности. Авторы приходят к выводу, что интерпретационный потенциал мифа как инструмента общественного сознания продолжает оставаться значительным.

Within the confines of the present paper the authors address the issue of myth, claiming its presence in the tissue of the social consciousness of the contemporary communities. Although mythmaking seems to be most commonly referred to as a mental property of the ancient epochs and is also widely viewed as an outmoded way of interpreting and explaining the reality, the authors, conversely, regard it as a relevant element in the structure of the social consciousness of modern communities. Assuming an impressive explanatory and interpretative potential of myth, the authors provide a consistent theoretical framework on mythmaking processes in contemporaneity, designed to throw further light on their perception of the said issue. The brand-new classification of myths, based on two essential criteria is being submitted as well.

Ключевые слова: миф, мифотворчество, мифогенез, мифологизация, современность, общественное сознание.

Keywords: myth, mythmaking, mythologizing, social consciousness, contemporaneity.

На уровне обыденного сознания представителем современного общества миф как явление интуитивно рассматривается, во-первых, в качестве предлитературной вербальной формы нарратива, а во-вторых, безошибочно маркируется как референция к культурной жизни античной, архаической эпохи: «Легенды и мифы Древней Греции». И это, на наш взгляд, своеобразный современный «миф о мифе», так как в силу актуализации в общественных отношениях ряда социокультурных процессов мифогенез становится заметным трендом общественного сознания современности, а миф как таковой вновь обретает статус продуктивного способа освоения действительности. Несомненно, превалирование мифологического сознания является ключевой мировоззренческой характеристикой именно архаической (первобытной) эпохи [1], однако, по мнению ряда исследователей, «функционирование мифологического сознания – факт не только недавнего прошлого, но, во многом, и актуальное для сегодняшнего дня явление» [2]; кроме того, «мифологическое мировосприятие увеличивает сферу своего влияния и местами, в частности в искусстве, политике и даже науке, начинает играть значительную, порой даже определяющую роль» [3], что, в свою очередь, позволяет ряду исследователей говорить о таком явлении, как ремифологизация сознания общества [4].

Популяризация обращения к мифу как к инструменту общественного сознания, обозначившаяся в XX в., является, на наш взгляд, глобальным феноменом. Для европейских стран в качестве причин этой тенденции могут быть выделены смена цивилизационных моделей, переход к информационному, а впоследствии – и к постинформационному обществу, активное течение секулярных процессов, приведшее к кризису традиционных ценностей западных обществ, восходящих к христианству (т. н. постхристианская эпоха). Действительно, в мире, где регламентирующие, предписывающие, табуирующие функции религии рассматриваются как опциональные, где широкое распространение приобретают «вера без принадлежности», религиозный бриколаж, возникают пародийные религии, миф, с его принципиально отсутствующей дихотомией сакраль-

ное/профанное оказывается едва ли не единственно приемлемой формой религиозного, а точнее, религиозноподобного мировоззрения. Кроме того, постмодернистская ситуация «всесказанности», исчерпанности дискурса обусловила логику поворота от полицитатности и синкретизма современного сознания к «примордиальному времени мифа», к первичности, «изначальности» мифического сознания; а от «умершего» субъекта социальности – к находящемуся вне субъект-объектных связей мифологическому «герою» (таков, например, никогда не достижимый, «идеальный» собирательный образ-архетип представителя различных субкультур, во второй половине XX в. появившихся во множестве).

По определению Дж. Шёпфлина, «главное в мифе – это содержание, а вовсе не соответствие историческим свидетельствам» [5]. Кроме того, избирая исходную точку начала повествования, мифологическое сознание склонно как бы вычленять конкретное явление из линейного хронологического контекста, нивелировать причинно-следственные связи, выстраивать собственную систему координат. Риторика мифа – это, в определенной степени, риторика фатума, так как миф инвариантен, наделяет события онтологическим статусом, определяет восприятие их в качестве данности и не допускает ни сослагательного наклонения, ни попыток поиска рациональных оснований произошедшего – всё случилось «именно так, как должно было случиться»; в мифопоэтической картине мира всё предопределено, как предопределен баланс единства и борьбы двух мифологических первоначал – Хаоса и Космоса. Таким образом, хрестоматийные пушкинские строки «И всюду страсти роковые, и от судеб защиты нет» могут быть рассмотрены в качестве методологического первопринципа космологии мифа.

Такой анализ поэтики мифа позволяет нам приблизиться к пониманию процессов и явлений, сделавших миф актуальной составляющей сознания российского общества.

Кроме приведения и анализа конкретных примеров в рамках настоящей работы мы также предлагаем авторскую классификацию мифа как структурного элемента общественного сознания. В качестве оснований классификации мы считаем возможным выделение двух основных критериев: а) хронологическая интенция вектора мифотворчества и б) мифопродуцирующий источник в его отношениях с социальностью (этиология мифа). Под хронологической интенцией вектора мифотворчества мы понимаем обращение преобразующего, креативного начала мифологического сознания к определенному историческому периоду или временному отрезку, а потому предлагаем различать мифы прошлого, настоящего и будущего. Различными являются как способы конституирования, так и функции таких мифов. Миф прошлого, создаваемый путем ретроспективной интерпретации, переоценки произошедшего с последующей расстановкой новых смысловых акцентов, определения новых связей означающее/означаемое, приобретает, подвергаясь такому ментальному ретушированию, черты эталона; семантический контекст Past Perfect трансформируется в поэтику «the Perfect Past» (англ. – идеальное прошлое. – В. Н., Е. А.): так Николай II становится «идеальным монархом», И. Сталин – эффективным управленцем, а эпоха Л. И. Брежнева – не «застойной», а «стабильной, благополучной»; причем подобные взгляды могут быть и взаимодополняющими. Основными функциями мифов прошлого становятся, таким образом, мировоззренческо-моделирующая функция (использование модели прошлого в качестве образцовой при выстраивании политической/идеологической или иной концепции), а также примиряюще-компенсаторная функция, т. е. создание своеобразной «утопии прошлого», позволяющей легче переносить тяготы и несовершенства текущего момента; апелляция к истекшему периоду как к наиболее счастливому, удачному – «золотые времена», «наше время», «старое доброе время». Примечательно, что в качестве идеального хронотопа может выступать и несобственное, лично не засвидетельствованное прошлое: таков, например, мотив романтизации Октябрьской революции и Гражданской войны, нашедший отражение в искусстве 60-х гг. XX в.: кинофильмы «Неуловимые мстители» (1966), «Новые приключения неуловимых» (1968), «Белое солнце пустыни» (1970), «Корона Российской империи, или Снова неуловимые» (1971), поэзия Е. Евтушенко («Казанский университет», «Братская ГЭС»), Б. Окуджавы: «Я всё равно паду на той / На той единственной – Гражданской, / И комиссары в пыльных шлемах / Склонятся молча надо мной» [6]. Основные артефакты, ставшие достоянием отечественной культуры благодаря искусству 60-х гг., принадлежат авторам, не заставшим эпоху, находящуюся в фокусе их творческого внимания. Именно от чрезмерного увлечения обманчивой притягательностью идеализируемого прошлого предостерегает в своих строках М. И. Цветаева: «Перестаньте справлять поминки / По Эдему, в котором вас / Не было!» [7]. Мифы настоящего, в свою очередь, служат инструментами направления общественного сознания, управления общественными настроениями. Таковы, к примеру, мифы рекламы (регулярное использование/употребление какого-либо товара ведет к достижению такого стиля жизни, который демонстрирует рекламный продукт), мифы глянцевого издания (идеальная любовь, идеальные отношения, красота как самоцель), мифы геополитичес-

кого свойства (американское общество – идеальное и комфортное, основанное на принципах «all right» и «no problem»), мифы широкого спектра т. н. квазирелигиозных организаций – об известном им уникальном рецепте успеха и т. д. Наконец, мифы будущего на уровне как индивидуального, так и общественного сознания могут выполнять функцию программы или проекта такой силы убедительности и привлекательности, который также позволяет переместить фокус внимания индивида или целой социальной группы с настоящего на грядущий момент, тем самым снижая критичность и повышая лояльность ко дню сегодняшнему, делая граждан более управляемыми. Мифы будущего имеют выраженный мотивационный, предиктивный, аффирмативный (утвердительный, в данном случае – жизнеутверждающий) характер. Ярчайшим, пожалуй, примером глобального мифа будущего стал утопический проект «построения коммунизма к 1980 г.»

Рассматривая различные мифопродуцирующие источники в их отношениях с социальной, т. е., иными словами, анализируя «этиологию мифа», мы также предлагаем выделять три основных типа мифов: а) миф как технология управления общественным сознанием, б) миф как продукт ауторефлексии общественного сознания, в) миф как изобразительно-выразительное средство (троп) общественного сознания. Говоря о формах общественного сознания, в рамках которых чаще всего разворачиваются указанные типы мифов, мы полагаем, что в качестве технологии управления общественным сознанием мифы наиболее частотно бывают реализованы в идеологии (политическом сознании), в виде продукта ауторефлексии общественного сознания – в большей степени в морали, религии, частично – в искусстве (художественном сознании), в качестве изобразительно-выразительного средства общественного сознания – почти всецело в искусстве, когда миф становится продуктивным источником художественного творчества (например, рассмотренный выше романтический миф о революции).

Возвращаясь к оценке процессов и явлений, актуализировавших мифотворчество как практику российского общественного сознания и миф как релевантный его структурный элемент, крупнейшим фактором, ознаменовавшим своеобразный мифологический поворот в сознании российского общества, мы считаем Октябрьскую революцию 1917 г. Как уже было сказано выше, риторика мифа в значительной степени эксплуатирует представления о фатальности и, как следствие, принципиально неаналитична, «ставит перед фактом». В связи с этим экспланационный, суггестивный, когнитивный потенциал мифа оказывается чрезвычайно велик. Всё это позволяет мифу выступать в качестве приемлемой кризисной формы рефлексии, преодолевающей лакунарность и дискретность социокультурного контекста, позволяющей осмыслить и принять и то, что, на первый взгляд, «в голове не укладывается». Кроме того, в ситуации масштабных социальных перемен общественное сознание негетерогенно, полифонично, лабильно и миф оказывается востребованным приёмом рефлексии в силу своей пластичности, адаптивности, дополняемости.

Большевиком, пришедшим к власти путем ниспровержения существовавшего строя и радикальных преобразований, миф был необходим для скорейшей интеграции общественных отношений, а потому был создан в кратчайшие сроки. Несмотря на то, что советское государство являлось государством *atheismus militans* (воинствующего атеизма) и проводило политику непримиримо антагонистическую по отношению к любым проявлениям религии и религиозности, ряд исследователей указывают на диалектическую связь между религией и социализмом и предлагают рассмотреть последнего в качестве секулярной религии [8]. Неудивительно, таким образом, что и система мифотворчества социалистического общества демонстрирует очевидные параллели с мифологией религиозной. А. Игнатов, например, указывает, что все составляющие вероисповедного комплекса христианства присутствуют в идеологии ленинского марксизма (мы данный его аспект предлагаем рассматривать как идеологическую мифологию): «коммунизм не признает трансценденции, но у него есть своя замена для нее (история, чьи законы соответствуют предопределению у христиан). У коммунистов есть своя эсхатология, представления о царствии небесном (коммунистическое провозвестие о грядущем бесклассовом гармоничном обществе), своя дихотомия добра и зла (пролетариат и буржуазия), свои великие пророки и апостолы (Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, Мао Цзэдун), свои святые и мученики (пламенные революционеры), свои святыни (Смольный, Кремль), свои обряды и молитвы (партийные съезды, годовщины великих событий, памятные мероприятия, лозунги), своя церковь (партия) с соответствующей церковной иерархией (ЦК) и даже – в дополнение ко всему этому – свои еретики (уклонисты)» [9].

Кроме того, идеологическая мифология большевизма такова, что, согласно ей, вера в новую секулярную религию и стоическая верность идеалам революции оказываются способными сотворить чудеса. В качестве примеров таковых приводятся форсирование пролива Сиваш (Перекопско-Чонгарская операция), зимний переход через Мамисонский перевал, о котором даже местные жители говорили как о невозможном даже теоретически, на что С. М. Киров отвечал: «Теоретически невозможно, а коммунистически возможно» [10], и др. Возникает и жанр своеобразно-

го советского «мартиролога» – пантеон советских мучеников представлен участниками гражданской войны (С. Лазо, Я. Юдин, В. Азин и др.), пионерами-героями (Марат Казей, Валя Котик, Зина Портнова и др.), активными участниками партизанского и антифашистского движения в Великую Отечественную войну (О. Кошевой, С. Тюленин, У. Громова, Л. Шевцова и др.). Почитание «советских святых» масштабно и идеологически выдержанно: их именами называют улицы, школы и дома культуры; памятными становятся даты, связанные с их подвигом, популяризируются их канонические, с расстановкой четких идеологических акцентов, биографии-житии. Например, в биографиях пионеров-героев С. Г. Леонтьева видят многочисленные параллели с агиографической литературой, а также – наличие определенного шаблона: герой наделяется унифицированным набором добродетелей, типично подробное описание раннего детства и мученической смерти [11]. В данном случае мы, несомненно, имеем дело с мифом как технологией управления общественным сознанием, даже – общественными отношениями; однако сверхзадачей его являлась такая трансформация сознания общества, чтобы самим обществом он воспринимался именно в качестве продукта глобальной, направленной на самое себя, рефлексии. Необходимо признать, что в определенной мере задача эта была действительно выполнена: так, в уста героя повести «Гадюка» кавалериста Емельянова А. Н. Толстой вкладывает фразу, раскрывающую суть восприятия народом революционных перемен, их ощущение – не понимание еще даже – как неотвратимой мифологической стихии: «Эта штука – Россия... По всему миру собираемся на конях пройти... Кони с цепи сорвались, разве только у океана остановимся...» [12]. Впрочем, обратной стороной тотального насаждения этого мифа стала его собственная девальвация, вымывание из его ткани эпического и героического начал при остающейся статичной фабуле и, как следствие, мутация мифа: таковы, к примеру, снискавшие всенародную популярность анекдоты о Василии Чапаеве, в которых образ легендарного красного начдива выглядит иным, нежели в романе Д. Фурманова или кинокартине братьев Васильевых; аналогичную природу «зазубренного» мифа широкого потребления имеет и доведенная до абсурда ситуация с аферой «сынов лейтенанта Шмидта», описанная И. Ильфом и Е. Петровым в романе «Золотой теленок»: «Рыжеволосый вполне освоился с обстановкой и довольно толково, хотя и монотонно, рассказал содержание массовой брошюры “Мятеж на Очакове”» [13].

Мифологическое сознание советского общества подробно рассматривается А. И. Куляпиным и О. А. Скубач в работе «В стране советской жить: мифология повседневной жизни 1920–1950 гг.», где авторы указывают на сверхсемиотичность советской жизни: «Человек сталинского времени всегда и всюду одержимо выискивает знаки и символы и создает тем самым совершенно особое пространство, где практически ни одна вещь, пусть даже самая простая и обыденная, не равна себе, но отсылает к чему-то иному» [14]. Добавим, что кроме имеющих положительные коннотации программных символов советское общество предложило и собственную систему «антисимволов»: достаточно вспомнить хотя бы пресловутые «герань, абажур, канарейку» как символы мещанства, чуждого советским людям образа жизни. Кроме того, представление о «портативности» отдельного феномена, т. е. возможности вычленения его из любого социального контекста и рассмотрения отдельно от глобального миропорядка, свойственное логике мифа, позволяющей игнорировать, в силу его – *уже отсутствия* – прошлое, и ввиду – еще отсутствия – будущее; дублируется и в одном из наиболее частотных языковых клише советского номенклатурного аппарата: «в отдельно взятой стране/колхозе/семье». Не исключено, что именно волюнтаризм этоса «отдельновзятости», недопустимого в современном мире, демонстрирующем взаимовлияние и взаимозависимость множества факторов, в мире, являвшемся глобальным и конвергентным даже в эпоху «железного занавеса», оказался причиной несостоятельности многих советских инициатив, а впоследствии – и крушения советского государства.

В качестве эксклюзивного способа освоения действительности и космологической доминанты миф реализуется в рамках религиозного сознания общества. Как форме общественного сознания религии свойственно превалирование индивидуально-эмоционального над рационально-понятийным началом. Также характерным является выстраивание собственной космологии, развертываемой в русле мифологизации и мифотворчества, т. е. интерпретации ранее существовавших и существующих феноменов социальной реальности с точки зрения принятой в той или иной религиозной среде мифологической парадигмы, и встраивания в таковую феноменов вновь возникающих. Так, М. Д. Шевченко религиозное сознание определяет как способное воспринять многообразие в мифологическом единстве [15]. Традиционно мифы, причем во многом друг другу созвучные, связываются с т. н. авраамическими религиями – иудаизмом, христианством, исламом. Однако собственную мифологию создают и новые религиозные движения, например миф религиозных сообществ постсоветской России исследует М. В. Ахметова, указывая на эсхатологическую его природу, продиктованную переживанием ситуации глубокого социального

кризиса периода перестройки, преодолением очередной «эпохи перемен» [16]. Мифогенез является одной из ключевых составляющих концептуального оформления деятельности квазирелигиозных корпораций: коммерческих культов, т. е. организаций, построенных на многоуровневом (сетевом) маркетинге, для которых, по определению А. Л. Дворкина, типичен «культ благополучия и богатства» [17], и психокультов, т. е., по данному им же определению, «сект, организованных в виде психологических курсов или семинаров» [18]. И если для первой группы организаций свойственен миф о впечатляющем внешнем преображении или чудесном исцелении благодаря использованию предлагаемого продукта, то для второй – миф о мгновенном достижении успеха во всех сферах жизни после прохождения той или иной тренинговой программы – «настройки сознания на денежный поток», например.

В целом мы считаем, что перспективы и потенциал мифа в качестве интерпретационного инструмента общественного сознания будут оставаться значительными в течение продолжительного отрезка времени, так как миф, в силу своей гибкости, полисемантической, респонсивности, оказывается созвучен лабильному сознанию современных, стремительно меняющихся, перенасыщенных информационным контентом обществ.

Примечания

1. Райкова О. А. Древнегреческий миф классической эпохи: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. Томск: ТГПУ, 2012. С. 20.
2. Косов А. В. «Мифосознание: содержание и структура». Аналитика культурологии // Электронное научное издание «Аналитика культурологии» 2(8)2007. URL: [htm // http://analiculturolog.ru/index.php?module=subjects&func=listsubjects](http://analiculturolog.ru/index.php?module=subjects&func=listsubjects) (дата обращения: 10.09.2015).
3. Райкова О. А. Древнегреческий миф... С. 45.
4. См.: Косов А. В. Мифологизация и ремифологизация как социальный феномен. Калуга: Манускрипт, 2001; см.: Косов А. В. Мифологизация и ремифологизация в процессах социализации и ресоциализации личности. Психология взрослости и старения. Зима 2002. М.: НТЦ «Технограф», 2002. С. 30–40; см.: Сочивко Е. Д. Ремифологизация в культуре XX века и роль мифологического мышления в литературе // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. № 5-3(12). URL: <http://research-journal.org/languages/remifologizaciya-v-kulture-xx-veka-i-rol-mifologicheskogo-myshleniya-v-literature> (дата обращения: 07.08.2015).
5. Шницерман В. А. Очарование седой древности: Мифы о происхождении в современных школьных учебниках // Неприкосновенный запас. 2004. № 5(37). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2004/37/sh13.html#_ftnref9 (дата обращения: 07.08.2015).
6. Окуджава Б. Ш. Сентиментальный марш. URL: http://www.bokudjava.ru/N_4.html (дата обращения: 25.08.2015).
7. Цветаева М. И. «Наша совесть – не ваша совесть...» URL: http://www.tsvetayeva.com/cycle_poems/stihi_k_synu (дата обращения: 25.08.2015).
8. См.: Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. М., 1999; см.: Фромм Э. Здоровое общество // Психоанализ и культура. М., 1995; см.: Тихонравов Ю. В. Религии мира. М., 1996; см.: Касьянов В. Е. Эволюция религиозности в постсоветской России: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Ростов н/Д, 2005. С. 25–28; см.: Игнатов А. Отрицание и имитация: две стороны коммунистического отношения к религии / пер. с нем. Н. Н. Трубниковой // Вопросы философии. 2001. № 4. С. 25–30; см.: Насртдинова В. М. Эволюция религиозного сознания российского общества в советский период: тенденции, закономерности, проблемы // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 1. С. 165–168.
9. Игнатов А. Отрицание и имитация... С. 27.
10. Сергей Миронович Киров в художественной литературе. Л.: Гослитиздат, 1937. С. 187.
11. Леонтьева С. Г. Литература пионерской организации: идеология и поэтика: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08. Тверь, 2006. С. 58.
12. Толстой А. Н. Гадюка. URL: <http://www.ilibrary.ru/text/1538/p.2/index.html> (дата обращения: 26.08.2015).
13. Ильф И. А., Петров Е. П. Золотой теленок: роман. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1973. С. 15.
14. Куляпин А. И., Скубач О. А. В стране советской жить: мифология повседневной жизни 1920–1950 г. // Критика и семиотика. 2007. Т. 11. С. 280.
15. Шевченко М. Д. Религиозное сознание и духовная деятельность. М.: Моск. общественный науч. фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 1999. (Сер. «Научные доклады», вып. № 102). С. 7–9.
16. См.: Ахметова М. В. Конец света в одной отдельно взятой стране: Религиозные сообщества постсоветской России и их эсхатологический миф. М.: ОГИ, 2011.
17. Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Изд. 3-е, перераб. и доп. Новгород: Изд-во братства во имя св. князя Александра Невского, 2002. С. 58–61.
18. Дворкин А. Л. Секту можно создать и вокруг электрической лампочки. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2004/03/02/aleksandr_dvorkin_sektu_mozhno_sozdat_vokrug_e_lektricheskoy_lampochki/ (дата обращения: 10.09.2015).

Notes

1. Raikova O. A. *Drevnegrecheskij mif klassicheskoj ehpoхи / Dis. ... kand. filos. nauk: 24.00.01* [Ancient Greek myth of the classical era / Dis. ... Cand. Philosophy: 24.00.01]. Tomsk. TSPU. 2012. P. 20.
2. Kosov A. V. «Mifoznanie: sodержanie i struktura». *Analitika kul'turologii* ["Myth consciousness: content and structure". Analytics of cultural science] \ Electronic scientific edition " Analytics of cultural science " 2(8)2007.htm // <http://analiculturolog.ru/index.php?module=subjects&func=listsubjects> (reference date: 10.09.2015).
3. Raikova O. A. *Drevnegrecheskij mif...* [Ancient Greek myth...] P. 45.
4. See: Kosov A. V. «Mifologizaciya i remifologizaciya kak social'nyj fenomen» ["Mythology and remythologization as a social phenomenon"]. Kaluga: Manuscript. 2001; See: Kosov A. V. «Mifologizaciya i remifologizaciya v processah socializacii i resocializacii lichnosti» ["Mythology and remythologization in the processes of socialization and re-socialization of the personality". Psychology of adulthood and aging. Winter 2002]. M. Center "Technograph". 2002. Pp. 30-40; See: Sochivko E. D. *Remifologizaciya v kul'ture HKH veka i rol' mifologicheskogo myshleniya v literature* [Remythologization in the twentieth-century culture and the role of mythological thinking in the literature]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* -International research journal No. 5-3 (12) / 2013. [Electronic resource] // Available at: <http://research-journal.org/languages/remifologizaciya-v-kulture-xx-veka-i-rol-mifologicheskogo-myshleniya-v-literature> (reference date: 07.08.2015).
5. Shnirel'man V. A. *Ocharovanie sedoj drevnosti: Mify o proiskhozhdenii v sovremennyh shkol'nyh uchebnykh* [Allure of antiquity: Myths of the origin of the modern school textbooks] // Emergency ration. 2004, № 5(37). [Electronic resource] // Available at: http://magazines.russ.ru/nz/2004/37/sh13.html#_ftnref9 (reference date: 07.08.2015).
6. Okudzhava B. Sh. *Sentimental'nyj marsh* [Sentimental march [Electronic resource]] // Available at: http://www.bokudjava.ru/N_4.html (reference date: 25.08.2015).
7. Tsvetaeva M.I. «Nasha sovest' – ne vasha sovest'...» ["Our conscience is not your conscience..."] [Electronic resource] // Available at: http://www.tsvetayeva.com/cycle_poems/stihi_k_synu (reference date: 25.08.2015).
8. See: Berdyaev H. A. *Novoe religioznoe soznanie i obshchestvennost'* [New religious consciousness and the public]. M. 1999; See: Fromm E. *Zdorovoe obshchestvo* [Healthy society] / *Psihoanaliz i kul'tura* - Psychoanalysis and culture. M. 1995; See: Tikhonravov Yu. V. *Religii mira* [Religions of the world]. – M. 1996; See: Kasyanov V. E. *EHvolyuciya religioznosti v postsovetsoj Rossii: dis. ...kand. filos. nauk: 09.00.13* [Evolution of religiosity in post-Soviet Russia: dis. ...Cand. Philosophy: 09.00.13]. Rostov-na-Donu. 2005. Pp. 25-28; See: Ignatov A. *Otricanie i imitaciya: dve storony kommunisticheskogo otnosheniya k religii* [Negation and simulation: two sides of the Communist attitude to religion] / Ignatov A.; transl. from Germ. N. N.Trubnikova // *Voprosy filosofii* - Problems of philosophy. 2001, No. 4, pp. 25-30.; See: Nasrdinova V. M. *EHvolyuciya religioznogo soznaniya rossijskogo obshchestva v sovetskij period: tendencii, zakonomernosti, problemy* [The evolution of the religious consciousness of the Russian society during the Soviet period: trends, patterns and issues] // *Recenziruemyj Federal'nyj nauchno-prakticheskij i analiticheskij zhurnal Vestnik ehkonomiki, prava i sociologii* - Federal scientific-practical and analytical journal Herald of Economics, Law and Sociology. 2014, No. 1, pp. 165-168.
9. Ignatov A. *Otricanie i imitaciya...* [Denial and imitation...] P. 27.
10. *Sergej Mironovich Kirov v hudozhestvennoj literature* - Sergei Mironovich Kirov in fiction . L. Goslitizdat. 1937. P.187.
11. Leontyeva S. G. *Literatura pionerskoj organizacii: ideologiya i poehtika: dis. ...kand.filol.nauk: 10.01.08* [Literature of the pioneer organization: ideology and poetics: dis. ...Cand. of Philology: 10.01.08]. Tver. 2006. P. 58.
12. Tolstoy A. N. *Gadyuka* [The Viper] [Electronic resource] // Available at: <http://www.ilibrary.ru/text/1538/p.2/index.html> (reference date: 26.08.2015).
13. Ilf I. A., Petrov E.P. *Zolotoj telenok. Roman* [Golden calf. Roman.] Syktyvkar. Komi book publishing house. 1973. P. 15.
14. Kulyapin A. I., O. A. Schubach *V strane sovetskoj zhit': mifologiya povsednevnoj zhizni 1920–1950 g.* [Living in the soviet country: mythology of daily life 1920-1950] // *Kritika i semiotika* - Criticism and semiotics. 2007, vol. 11, p. 280.
15. Shevchenko M. D. *Religioznoe soznanie i duhovnaya deyatel'nost'* [Religious consciousness and spiritual activity]. M. Moscow public scientific fund; LLC "Publishing center of scientific and educational programs." 1999. (Series "Scientific reports", No. 102). Pp. 7-9.
16. See: Akhmetova M. V. *Konec sveta v odnoj otdel'no vzyatoj strane: Religioznye soobshchestva postsovetsoj Rossii i ih ehskhatologicheskij mif* [The end of the world in a single country: Religious communities of post-Soviet Russia and their eschatological myth] / Maria Akhmetova. M. OGI. 2011.
17. Dvorkin A. L. *Sektovedenie. Totalitarnye sekty. Opyt sistematicheskogo issledovaniya* [Sect Studies. Totalitarian sects. The experience of systematic research]. Edition 3rd, revised and enlarged. Publishing house of the Brotherhood of St. Prince Alexander Nevsky. Nizhny Novgorod. 2002. Pp. 58-61.
18. Dvorkin A. L. *Sektu mozhno sozdat' i vokrug ehlektricheskoy lampochki* [Sect you can create also around light bulbs] [Electronic resource] // Available at: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2004/03/02/aleksandr_dvorkin_sektu_mozhno_sozdat_vokrug_elektricheskoy_lampochki/ (accessed: 10.09.2015).

Системная целостность концепции обоснования современной математики

В статье обосновывается необходимость системной целостности концепции обоснования современной математики на основе раскрытия продуктивности основных направлений обоснования и экспликации недостаточности методологических предпосылок программ формализма и интуиционизма в приращении математического знания. Опираясь в обосновании познавательных теорий математики на синтез различных аспектов математической реальности, автор обращает внимание на развитие существующих направлений математики в контексте философского единства современной математики. Поскольку современную математику можно рассматривать как специфическую систему понятий и идей в контексте целостного научного знания, то проблема обоснования математики в работе обсуждается с философской точки зрения в плане общих принципов математического познания.

The article explains the need for system integrity of the concept of substantiation of contemporary mathematics, based on the disclosure of the productivity of the main directions of substantiation and explication of the failure of methodological presuppositions of programs of formalism and intuitionism in increment of mathematical knowledge. Based on the synthesis of various aspects of mathematical reality in the substantiation of cognitive theories of mathematics the author draws attention to the development of existing areas of mathematics in the context of the philosophical unity of contemporary mathematics. So as contemporary mathematics can be regarded as a specific system of concepts and ideas in the context of a holistic scientific knowledge, the problem of substantiation of mathematics is discussed from the philosophical point of view in terms of the general principles of the mathematical knowledge.

Ключевые слова: философия математики, системно-методологический подход, проблема обоснования, системная целостность, современная математика.

Keywords: philosophy of mathematics, system and methodological approach, the problem of substantiation, system integrity, contemporary mathematics.

Слово «обоснование» часто употребляется в научном лексиконе. В литературе по философии и методологии науки проанализированы следующие методы обоснования: доказательство, опровержение, подтверждение, объяснение, интерпретация, оправдание. Для полноты понимания можно привести философское определение, согласно которому обоснование – это «способ рациональной аргументации» в пользу истинности теории. В соответствии с этим определением в обосновании математики выделяются три способа обоснования: доказательство, или дедукция; подтверждение, или индукция; практическая реализация. Если акцентировать внимание на первом способе, то понятие обоснования оказывается производным от понятия доказательства, что не очень способствует философскому выявлению самостоятельного осмысления проблемы обоснования математики. С точки зрения подтверждения, неявно укрепляющего веру в обосновываемое знание, под обоснованием математики в широком философском контексте иногда понимается попытка найти такую содержательную теорию, из которой можно вывести всю математику при предварительном методологическом условии непротиворечивости используемой концепции обоснования. Если говорить о практической реализации, то следует отметить укоренившуюся в математике практику собирательного употребления словосочетания «обоснование математики», которое предполагает обоснование современных математических теорий имеющимися в математике методологическими средствами.

Еще Платон пришел к выводу о необходимости обоснования математического знания, которое понималось как проблема обоснования исходных посылок математических выводов и как проблема правильности этих выводов. Начиная с XVII в., проблема обоснования научного знания становится центральной и называется «эпистемологическим поворотом». Тем не менее необходимо выяснить, что сейчас понимается под словосочетанием «обоснование математики». В философской литературе содержание категории «обоснование» традиционно сопрягается с содержанием категории «основа», или «основание», как целостной сущности, которую составляет основание в концептуальном плане. Продолжавшиеся в течение первых десятилетий XX в. жаркие

дискуссии по поводу оснований математики не привели к решению ни одной из обсуждавшихся философских проблем. В действительности «основание» составляет лишь часть математической сущности, а другую часть, являющуюся важнейшим звеном основания и которую можно рассматривать как «совокупность необходимых свойств и отношений, обусловленных главным определяющим звеном и развивающихся под воздействием этого главного звена (основания), составляет “обоснование”» [1]. Отметим также, что само сочетание слов «обоснование математики» звучит для практикующих математиков, возможно, отчасти парадоксально, так как математика всегда считалась эталоном достоверности научного познания.

Для полноценного анализа проблемы обоснования математики необходимо прояснить различие математической и философской методологий. Если первая стремится определить «дорогу» к математическому знанию, будучи убежденной в его объективной истинности, то вторая пытается выяснить, что считать истиной, как получить истинное знание, то есть каким образом система принципов выявляет философские критерии достоверного знания, которые использует наука в процессе познания. С точки зрения проблемы обоснования математики нельзя абсолютизировать ни один из этих подходов. Можно выделить следующие два понимания методологии. Во-первых, как учения о методах познания, которые являются объектом методологических исследований, что приводит к представлению об их относительно самостоятельном характере. Во-вторых, как инструмента преобразования философского мировоззрения в познавательную деятельность, благодаря чему методологию можно интерпретировать как философскую рефлексию, или «мышление мышления». Более широкое определение методологии и методологии математики состоит в том, что методология понимается как философское учение о методах познания, как применение принципов мировоззрения к процессу познания и к математической практике. При таком понимании методологическая проблема обоснования математики получает общефилософское истолкование. Поскольку математику можно рассматривать как специфическую систему понятий и идей в контексте целостного научного знания, то обоснование следует обсуждать с философской точки зрения в плане общих принципов математического познания.

Основания математики – это реальный пример взаимодействия математики и философии. Но следует отметить, что при наличии выдающихся математических результатов исследование методологических аспектов оснований математики столкнулось с принципиальными философскими трудностями. В такой ситуации обоснованием математики можно также считать любую деятельность, направленную на объяснение оснований таких свойств математического познания, как достоверность, строгость и незаменимость. В разделе «Вопросы обоснования математики» известной энциклопедической статьи «Математика» выдающийся математик А. Н. Колмогоров определяет обоснование так: «Чрезвычайное расширение предмета математики привлекло в 19 в. усиленное внимание к вопросам ее “обоснования”, т. е. критического пересмотра ее исходных положений (аксиом), построения строгой системы определений и доказательств, а также критического рассмотрения логических приемов, употребляемых при этих доказательствах» [2]. Важность такой работы становится понятной, если учесть изменившийся характер взаимоотношений между формированием математической теории и ее практической проверкой. Мы будем исходить из естественного предположения, что предметом обоснования современной математики выступает вся математика как целостная наука.

В таком контексте можно выявить философский смысл изменений в развитии проблемы обоснования математики, а именно отмену одной целостности и замену ее другой, то есть «системной целостностью». Но что представляет собой эта системная целостность? Системность концепции обоснования означает, что она выступает неким неразрывным целым, в котором следствия и посылки взаимно поддерживают друг друга, а целостность, в отличие от «суммативности» системы, означает, что изменения в отдельной части системы вызывают изменения других частей. Математика устроена так, что ее части тесно связаны между собой, и развитие одной части затрагивает другие части. Сведя эти процессы генезиса математики к общей схеме, можно получить концепцию обоснования, анализируемую с различных точек зрения и обеспечивающую целостность восприятия в контексте рассматриваемой методологии. Для экспликации системной целостности в обосновании современной математики необходимо предварительно выявить общую схему, по которой строятся в настоящее время по-философски обобщенные системные концепции. Учитывая разнообразие подходов к исследованию систем и структур, на первых этапах анализа такое исследование, как правило, сопряжено с некоторым приближением к реальной ситуации. Это обусловлено тем, что системный подход – это не созидание, не воссоздание, не конструирование, а реконструкция системы.

Соответственно получают два метода реконструкции системы развития математических теорий, с одной стороны, это ее философский анализ, то есть разложение целого на части, а с дру-

гой стороны, это ее концептуальный синтез, то есть придание системе обоснования упорядоченности, единства и целостности. Например, стремление к целостности неразрывно связано с идеей триадичности, позволяющей замкнуть бинарную оппозицию «формализм Гильберта – интуиционизм Брауэра» в системную триаду, объединяющую три равноправных элемента обоснования, а именно «формализм Гильберта – платонизм Гёделя – интуиционизм Брауэра», каждый из которых позволяет участвовать в совмещении противоположностей как специфическая философская интерпретация компромисса. Философско-методологической аргументации этой системной триады направлений обоснования современной математики на специально подобранных математических примерах посвящена работа автора [3]. Чтобы проиллюстрировать, как реализуется эта триада обоснования математики, в указанной работе рассмотрены различные точки зрения на известные математические объекты, которые способствуют пониманию структуры системной целостности обоснования и которые отражают альтернативность точек зрения на современную математику. Акцентирование системной целостности в обосновании математики можно рассматривать как философскую реакцию на длительный процесс дифференциации в обосновании математических теорий, переосмысливая действующие направления обоснования в контексте методологического единства математического знания.

Целостное познание проблемы обоснования как единство включает в себя множество процессов, состояний и структур. Системная целостность концепции обоснования современной математики позволяет объяснить и познать во всей специфике то, что нельзя вывести, исходя лишь из внешних признаков по отношению к исследуемой проблеме. Необходимость системного подхода в обосновании математики обусловлена: во-первых, утратой целостности структуры обоснования; во-вторых, появлением новых форм математической деятельности; в-третьих, экспликацией единства математического знания. Системные представления в науке, по мнению А. П. Огурцова, характеризуются следующим: «Во-первых, системность научного знания может анализироваться под углом зрения системности понятий, развитых в той или иной теории. Это гносеологический аспект системности научного знания. Во-вторых, системность научного знания может рассматриваться под углом зрения некоторой системной модели предмета исследования – онтологический аспект. В-третьих, системные представления о науке могут получить методологическую форму. В этом случае речь идет об определенных нормах построения систем теоретического знания» [4]. Методологическая особенность целостной концепции системы обоснования математики состоит в системном синтезе направлений обоснования, существующих в философско-методологическом контексте целого.

Исследование системной целостности концепции обоснования математики предполагает решение двух взаимосвязанных задач. Одна из них связана со структуризацией направлений обоснования математики в соответствии с принципом целостности, а другая – с адекватным отображением на предметно-содержательном уровне целостных характеристик развития математического знания на современном этапе. Если рассуждать о целостности системы обоснования современной математики, то, применяя системную методологию, надо предварительно построить ее как идеальный объект. Как справедливо отмечает В. Я. Перминов, «размышляя об универсальности математических образов, об их полисемантичности и полифункциональности, мы затрагиваем, таким образом, общую системную закономерность: во всех этих случаях элемент системы, созданной в конкретной ситуации для определенной цели, оказывается затем более универсальным, пригодным для других целей, предвосхищающих другие требования» [5]. Качественное своеобразие структуры системной целостности в проблеме обоснования современной математики заключается в отказе от полноты, поскольку стремление к полноте – это стратегия философско-методологического поиска в рамках прежней парадигмы обоснования современной математики.

Специфика системного стиля математического мышления как способа познания, обладающего высокой степенью общности, определяется общенаучными понятиями и принципами, характеризующими целостность и взаимосвязь частей, образующих единое целое. С точки зрения методологии системного стиля мышления основной методикой его изучения служит вычленение из реального познавательного процесса обоснования математики обобщающих тенденций, которые, во-первых, констатируют реальное состояние математики, а во-вторых, отчасти неявно прогнозируют методологически возможные пути ее прогресса. В частности, можно утверждать, что системный стиль математического мышления – это рефлексивное мышление математика, предполагающее глубокий анализ направлений математики, выявляющий их взаимодействия и отношения, учитывая целостную природу и единство математического знания, которые философски интерпретируются в системном подходе. К методологическим особенностям системного подхода к проблеме обоснования математики можно отнести его ориентацию на интеграцию различных подходов к обоснованию, реализуемую в компьютерной математике. Отсюда следует важный философ-

ский вывод о том, что стратегия исследования обоснования современной математики должна включать анализ как актуального, так и потенциального состояния этой сложной системы знания.

После различных безуспешных попыток внутриматематического обоснования математики формируется новый уровень рефлексии целостной концепции – системной целостности, то есть такой ее организованности, которая, дифференцируясь в процессе развития математических теорий, порождает новые соотношения в соответствии с философскими и методологическими запросами современных математических теорий. С точки зрения самоорганизующихся систем, категории части и целого включают в свое содержание новые смыслы. Поэтому В. С. Степин необходимость введения понятия системная целостность аргументирует следующим образом: «При формировании новых уровней организации происходит перестройка прежней целостности, появление новых параметров порядка. Иначе говоря, необходимо, но не достаточно зафиксировать наличие системного качества целого, а следует дополнить это понимание идеей изменения видов системной целостности по мере развития системы» [6]. Известно, что удачная философская идея по мере ее развертывания «обосновывает сама себя». Поэтому в контексте философской идеи триадичности наиболее адекватным будет определение такой целостности, которую, вообще говоря, невозможно познать во всей ее специфике, если исходить только из внутренних характеристик по отношению к исследуемой проблеме обоснования современной математики.

Применительно к структурно сложным самообосновывающимся системам, например к системе направлений обоснования современной математики, философские категории части и целого обретают новые характеристики. Новая концепция обоснования математических теорий фиксирует, что в философской дихотомии «часть – целое» разными свойствами обладает часть внутри целого и вне его. Целостная концепция обоснования современной математики уже не исчерпывается только свойствами ее частей, хотя и характеризуется их свойствами. Поэтому возникает методологическая необходимость учитывать системное качество целого. Методологический сдвиг в решении проблемы обоснования математики зависит не только от достижений в логике и генезисе аксиоматических систем, а также от понимания проблем философии математики в контексте расширения допустимых подходов к обоснованию математических теорий. Системная целостность концепции обоснования математики реализуется в философско-методологическом балансе различных компонент перспективных направлений обоснования математики, что отражает общую системную закономерность.

В философии и методологии науки идет смена обосновательного идеала, а именно переход к целостности как более фундаментальному понятию, чем полнота. Системная целостность может служить философским показателем достаточно высокого уровня развития математического познания. Главное отличие нового подхода к обоснованию математики состоит в отказе от устоявшегося «линейного мировоззрения» и освобождении от традиционного «бинарного стереотипа» как разделяющей структуры. Например, как отмечает Е. М. Вечтомов, «на роль современной научной картины мира претендует синергетика, которая в отличие от кибернетики ставит во главу угла математику, синтез математики с диалектикой, при этом в методологии науки оппозиционная бинарность заменяется согласованной тернарностью» [7]. С точки зрения системного синтеза направлений обоснования математики каждый элемент приобретает значение системной целостности, поскольку целое – это всегда отношение, которое не может быть законченным, а, будучи реализованным, открывается для изменения. В этом и заключается суть философско-методологического синтеза направлений обоснования математики на основе имеющегося опыта, в котором потенциально реализуемый синтез является существенной стороной диалектики.

Примечания

1. Билялов А. К. Об определении категорий «основа» и «обоснованное» // Философские науки. 1976. № 5. С. 141.
2. Колмогоров А. Н. Математика // Математический энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1995. С. 29.
3. Михайлова Н. В. Философская интерпретация объектов математики в формализме, интуиционизме и платонизме // Российский гуманитарный журнал. 2015. Т. 4. № 4. С. 257–268.
4. Огурцов А. П. Этапы интерпретации системности научного знания // Системные исследования. М.: Наука, 1974. С. 154.
5. Перминов В. Я. «Предустановленная гармония» Лейбница и системный подход к обоснованию практической эффективности математики // Российский гуманитарный журнал. 2012. Т. 1. № 1. С. 49.
6. Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 7.
7. Вечтомов Е. М. Математика как исследование границ научного познания // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 4. С. 9.

Notes

1. Biljalov A. K. Ob opredelenii kategorij «osnova» i «obosnovannoe» [On definitions of categories "base" and "reasonable"] // Philosophical Sciences. 1976. No. 5. pp. 140–144.
2. Kolmogorov A. N. Matematika [Mathematics] // Mathematical Encyclopedic Dictionary. Moscow: Great Russian Encyclopedia Publ., 1995. pp. 7–38.
3. Mihajlova N. V. Filosofskaja interpretacija ob#ektov matematiki v formalizme, intuicionizme i platonizme [Philosophical interpretation of objects of mathematics in the formalism, intuitionism and Platonism] // Russian Journal of Humanities. 2015. Vol. 4. No. 4. pp. 257–268.
4. Ogurtsov A. P. Jetapy interpretacii sistemnosti nauchnogo znanija [Stages of interpretation of the system of scientific knowledge] // System Research. Moscow. Nauka Publ., 1974. pp. 154–186.
5. Perminov V. Ja. «Predustanovlennaja garmonija» Lejbica i sistemnyj podhod k obosnovaniju prakticheskoj jeffektivnosti matematiki ["Preestablished harmony" of Leibniz and the system approach to the substantiation of the practical effectiveness of mathematics] // Russian Journal of Humanities. 2012. Vol. 1. No. 1. pp. 42–52.
6. Stepin V. S. Samorazvivajushhiesja sistemy i postneklassicheskaja racional'nost' [Self-developing system and postnonclassical rationality] // Problems of Philosophy. 2003. No. 8. pp. 5–17.
7. Vechtomov E. M. Matematika kak issledovanie granic nauchnogo poznanija [Mathematics as an investigation of the boundaries of scientific knowledge] // Vestnik of the Vyatka State Humanitarian University. 2015. No. 4. pp. 6–14.

УДК 167

Н. И. Сухих

Три уровня рассмотрения категории «информация»

Статья носит обзорный характер. В ней разбираются вопросы, которые возникают при попытке дать определение категории «информация». Предлагается рассматривать данную категорию на трех уровнях – формальном, семантическом и прагматическом. Даются обоснования такого рассмотрения. В качестве примера функционирования информации описывается система психологических фреймов в понимании Г. Бейтсона.

The article has a review nature. The article investigates questions that arise when people try to define category of "information". It is proposed to consider this category in three levels – formal, semantic and pragmatic. Arguments for such consideration are provided. Psychological frames system in interpretation of G. Bateson is described as an example of information functioning.

Ключевые слова: информация, сигнал, сигнальная система, система передачи информации, кибернетика, теория информации, фрейм, фрейминг.

Keywords: information, signal, the signal system, the transmission of information, cybernetics, information theory, frame, framing.

...Люди, избравшие своей карьерой сообщение, очень часто не располагают ничем, что они могли бы сообщать другим [1].
Н. Виннер

В своей книге «Стратегемы» древнеримский политический деятель и писатель I в. н. э. Секст Юлий Фронтин описал тактические и психологические приемы, использованные его предшественниками и современниками при ведении военных кампаний. Причем приемы эти не были заранее обдуманы во время стратегического планирования, а применялись из-за возникновения неблагоприятных обстоятельств с целью нивелировать их эффект и даже обратить себе на пользу. Описывая один из таких приемов, Фронтин упоминает о взятии в ходе Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н. э.) богатого города Кизика, расположенного в Малой Азии, афинскими войсками под командованием Алкивиада.

Алкивиад неожиданно подошел к Кизику ночью с целью штурма города. Он приказал своим трубачам подать сигнал к началу атаки, но сменил при этом направление главного удара, введя таким образом противника в заблуждение. В принципе, численность защитников позволяла организовать оборону стен по всему периметру, но все сбежались на тот единственный участок, от-

куда, как они думали, готовится прорыв, и Алкивиад одолел стены в том месте, где не было оказано сопротивления. Город был взят [2].

Для нас приведенный выше эпизод интересен использованием одной из древнейших систем передачи информации – системы сигналов, благодаря которой осуществлялось управление войсками. В древних источниках мы не находим свидетельств о более сложных сигналах, чем сигналы о начале выполнения ранее оговоренных приказов: наступления, отступления или перемещения [3]. Тем не менее уже здесь мы можем говорить о том, что информация (сигнал о начале штурма) и ее передача (сигнал, переданный в определенное время, в определенном месте, в рамках использования заранее известной сигнальной системы) могут воздействовать не только на ход истории, но и определять жизнь и смерть десятков и сотен людей. А это уже «вторжение» в сферу более глубинную, в сферу человеческого существования. Таким образом, «информация» приобретает значение категории онтологической: это нечто, от чего зависит существование человека.

С категорией «информация» мы сталкиваемся постоянно: говорим «данное письмо содержит информацию», «информация передается посредством компьютерных сетей», «философия такого-то периода предоставляет нам крайне важную информацию для размышления». Множество контекстов влечет за собой множество смыслов, которые мы вкладываем в одно и то же слово. Под «информацией» можно понимать сведения, данные, смыслы, знания, суждения.

Термин «информация» употребляется в обыденном языке и философском дискурсе уже не одно столетие. Документальные источники фиксируют его использование с начала нашей эры. Так, латинское слово «informatio» могло употребляться в двух значениях: первое – ознакомление, разъяснение; второе – придание чему-либо формы, свойства. В XIV в. под информацией понимали акт божественного творения, «вложение» Богом жизни и души в тело человека. Однако примерно в этот же исторический период под информацией стали понимать передачу знаний с помощью книг. Со временем второе значение отошло на задний план, а позже было окончательно вытеснено первым: смысловой оттенок, обозначающий «вдохновение», «оживление», уступил место другому – «сообщение», «сюжет» [4]. Далее, в силу развития идеалов позитивной научности (в рамках европейской культуры), категория «информация» употребляется в философском дискурсе и языке повседневности лишь в тех значениях, которые связаны с передачей сообщений, сведений. Хотя изначально можно выделить два аспекта: гносеологический и онтологический, причем последний является наиболее интересным и делает категорию «информация» для исследователей кантовской «вещью-в-себе».

Категория «информация» изучается многими исследователями, работающими в различных областях знания. Естественно, все они по-разному вводят понятие «информация». Мы вслед за Е. П. Велиховым можем выделить три возможных подхода: антропоцентристский, техноцентристский и недетерминированный [5].

Антропоцентристский подход сводит информацию [6] к фактам и сведениям, которые гипотетически могут быть преобразованы в знания, т. е. могут быть получены или переработаны. Существенным недостатком данного подхода является то, что он не уделяет должного внимания роли информации в неживой природе и вычислительных системах, созданных людьми. Этот недостаток наиболее наглядно демонстрируется при анализе программного обеспечения, применяемого в настоящее время повсеместно. Действительно, во время пассивного хранения программного обеспечения может быть интерпретировано как совокупность сведений, хранящихся на каком-либо носителе. Но как только мы приступаем к использованию того или иного программного продукта, мы запускаем сценарий, результат реализации которого считаем заранее известным. Однако в этом случае «совокупность сведений» превращается в «совокупность команд», возможное уступает место действительному, порождая тем самым из огромное количество потенциальных вариантов дальнейшего развития единственно возможный сценарий.

Исследователи, работающие в рамках техноцентристского подхода, интерпретируют информацию как данные, циркулирующие в вычислительных системах и/или неживой природе. Разграничения между понятиями «информация» и «данные», по сути, не делается. Говоря, что «база данных содержит информацию» или «ДНК несет информацию», исследователь имеет в виду, что в базе содержатся данные и ДНК являются носителями некоторых данных. Впрочем, Дж. Пирс, описывая основные положения теории связи (теории информации), напрямую говорит, что «теория информации ... рассматривает очень широко и абстрактно некоторые важные вопросы связи и передачи информации, но это вовсе не значит, что ее можно применять всюду, где только встречаются слова “связь” и “информация” в их многочисленных обиходных значениях» [7]. По сути, это означает, что теория связи (теория информации) имеет сравнительно узкую сферу применения и свойства информации (т. е. данных) изучаются в основном с точки зрения воз-

возможности ее передачи по различным каналам связи. Нам такая трактовка информации кажется узкой, и мы будем вынуждены выходить за рамки теории информации, экстраполируя некоторые ее выводы на другие области знания.

В данной статье мы будем придерживаться недетерминированного подхода к категории «информация». Его применение связано с тем, что крайне сложно дать исчерпывающую, логически непротиворечивую дефиницию этой категории. Это тема для отдельных исследований, и в рамках данной статьи мы ограничимся лишь описанием важнейших свойств информации. Делается это на том основании, что информация является категорией фундаментальной, такой же, как энергия или материя. Знаменитая фраза Н. Винера, описывающая сущность информации, гласит: «Информация есть информация, а не материя и не энергия» [8]. При этом термин «информация», по Винеру, является обоснованием «содержания, полученного из внешнего мира, в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших органов чувств» [9]. Соответственно, для Винера информация – это значения, определяющие характеристики наших представлений о том, что существует, о сущем. Эти значения имеют одну ценностную меру по отношению к внешней среде (семантика), и другую – по отношению к накопленным получателем сведениям, целям познания (прагматика).

Если вернуться к описанному нами эпизоду со взятием Алкивиадом города Кизика, то мы увидим следующее. Поскольку защитники города распознали сигнал к началу атаки, то они имели те же сведения о внешней среде, что и нападавшие – сигнальная система управления войсками (т. е. система передачи информации) у них была идентична или имела незначительные отличия, которыми можно пренебречь. В то же время на уровне накопления знания об использовании сигналов в конкретное время в конкретном месте (на прагматическом уровне) представления защитников Кизика и нападающих отличались, результатом чего явилось взятие города.

Однако Винер интерпретировал любую информацию вне конкретного ее содержания и значения как выбор между двумя и более значениями, наделенными известными вероятностями, что позволяло начать исследование процессов при помощи разработанного им аппарата математической статистики. Отсюда и берет свое начало идея кибернетики как общей теории связи. Определяющее значение здесь имеет понятие «количество информации» (или количество выборов), введенное К. Шенноном. При таком понимании информация – это снятие неопределенности (по Винеру, отрицательная энтропия).

Исследователи, работающие в рамках математической теории информации (теории связи), достигли значительных результатов. Однако, как и предупреждал сам Шеннон, математическая теория информации не охватывает всего богатства содержания понятия «информация», так как отвлекается от семантической и прагматической стороны сообщения. Так, «совокупность 100 букв, выбранных случайным образом, фраза в 100 слов из газеты, пьесы Шекспира или теорема Эйнштейна имеют в точности одинаковое количество информации» [10]. Таким образом, математическая теория связи полностью игнорирует человеческую оценку информации, определяет ее как нечто отличное от знаний или сведений, для которых не существует количественной меры.

Кроме «количественного аспекта» информации в кибернетике нас также интересует еще один аспект: Н. Винер интерпретировал ее как теорию организации, теорию борьбы с возрастанием энтропии, борьбы с мировым хаосом. Винер считал, что информация никогда не создается, но при этом возможны ее прием и передача, при этом она может быть искажена «шумом» (помехами) на пути от приемника к передатчику и внутри последнего. Более того, она может быть потеряна. Борьба с энтропией, таким образом, – это борьба с шумом. Информация не создается, но передается и принимается и при этом может искажаться «шумом» на пути к адресату или внутри него. Для адресата эта информация может быть потеряна. Уменьшая энтропию, мы уменьшаем не только неопределенность, но и количество шумов, искажений информации.

В кибернетике Винером постулируется принцип единства управления и информации. Этот принцип важен для анализа сущности процессов, протекающих в биохимических и технических системах. По мнению Винера, процесс управления, т. е. процесс переработки информации, осуществляется центральным устройством, которую он получает от сенсор-рецепторов (источников первичной информации). Далее информация передается центральным устройством туда, где она воспринимается как требование выполнить то или иное действие или же остаться в состоянии бездействия. После завершения этого процесса сенсор-рецепторы передают информацию об изменении состояния дел, начиная, таким образом, новый цикл управления.

Представляется, что такое понимание процессов управления может быть адаптировано при помощи введения понятия «фрейм» в том виде, в каком его понимал Г. Бейтсон. Бейтсон предполагает, что фреймы являются результатом развития человеческой психики, закономерным итогом ее эволюции. И по сути, фреймы становятся метакommunikационными сообщениями-

ми, задающими шаблоны дальнейшего поведения. Здесь прослеживается явное сходство с вычислительными и биосоциальными системами, о которых рассуждал Н. Винер. Остановимся на трактовке фреймов Бейтсоном более подробно. Необходимо также оговорить, что Бейтсоном употребляется термин «сообщение», но не «информация», поэтому мы исходим из допущения, что эти понятия в рамках нашего дискурса являются идентичными.

Итак, Бейтсон считает, что и фрейм, и окружающий его «контекст» суть психологические концепты. Для их более детального рассмотрения используются два вида аналогий: физическую аналогию рамы и более абстрактную аналогию математического множества. Так, фрейм является классом (множеством) и ограничивает класс (множество) сообщений и/или осмысленных действий. С другой стороны, фрейм рассматривается как сообщение, призванное упорядочить и организовать (по аналогии с рамой, ограничивающей картину) другие сообщения, восприятия и действия. Фреймы также участвуют в оценке сообщений, которые они содержат. Фреймы «подталкивают» сознание к пониманию того, что содержится в сообщении. Они напоминают мыслящему, что сообщения внутри фрейма взаимно соотносятся, а сообщения вне фрейма можно проигнорировать. Бейтсон пишет: «Каждое метакоммуникативное или металингвистическое сообщение эксплицитно или имплицитно определяет множество сообщений, которых оно касается; т. е. каждое метакоммуникативное сообщение является психологическим фреймом или определяет таковой» [11].

Рассуждая о том, существуют ли фреймы в реальности, Бейтсон полагает, что «психологический фрейм в какой-то степени реально существует» [12]. Во многих случаях фреймы распознаются и могут быть выражены вербально, в других – субъектом фрейм может вообще не осознаваться. Однако психоаналитик вполне в состоянии найти такой фрейм в субъективном бессознательном.

Бейтсон иллюстрирует область фреймов на материале поведения животных, где выделяет следующие сообщения:

- сообщения, которые являются знаками состояний (*формальный уровень*);
- симулируют знаки состояний (при угрозе, игре и т. п.) (*семантический уровень*);
- позволяют адресату отличать знаки состояний от знаков, напоминающих знаки состояний (*прагматический уровень*).

Чаще всего, в рамках фрейма эти сообщения коррелируют между собой. Однако такая корреляция встречается не только на до-человеческом уровне, но также присутствует и в гораздо более сложной и богатой разнообразием коммуникации человеческих существ. Миф или фантазия могут симулировать описательное повествование, и для различения этих типов дискурса людям приходится использовать сообщения, устанавливающие фрейм.

В завершение рассмотрения концепции фреймов Г. Бейтсона хотелось бы остановиться на одном предположении. Известные по классификации Ч. Пирса классы знаков (подобия, индексы и символы) [13] вполне могут быть рассмотрены как варианты метакоммуникационных сообщений, устанавливающих фреймы: видя дорожный знак «Пешеходный переход», мы запускаем фрейм, помогающий нам безопасно пересечь проезжую часть; при виде автомобиля с символикой, используемой противопожарной службой с включённой сиреной, запустится совершенно другой фрейм. Довольно сложно представить себе психическую организацию человека, который, умея считывать все эти знаки, будет пересекать проезжую часть в непредназначенном для этого месте перед мчащимся на пожар автомобилем. В любом случае эти рассуждения требуют отдельного, подробного рассмотрения, которое не входит в перечень наших задач.

Итак, категория «информация» является одной из фундаментальных философских категорий и рассматривается в рамках самых разных областей знания. Это приводит к большим сложностям при попытках дать четкое и однозначное определение. Однако рассмотрение категории «информация» возможно на трех уровнях:

- формальном (данные, адаптированные для обработки в вычислительных системах, могут быть формализованы и иметь количественную характеристику);
- семантическом (знания, как правило, не могут быть выражены количественно, но в результате осмысления могут быть интерпретированы познающим субъектом);
- прагматическом (сведения, накопленные получателем, могут быть использованы в зависимости от целей познания и управления).

В результате эволюции биосоциальных коммуникационных систем от простейших ко все более и более сложным, эволюционировали формы передачи информации. Одной из таких форм может считаться психологический фрейм Г. Бейтсона, который представляет собой множество метакоммуникационных суждений, отвечающих за восприятие субъектом других сообщений об-

разов и действий. Фреймы, осознаваемые или нет, определяют не только когнитивные сценарии, но и сценарии поведения вообще. Можно сделать предположение, что эволюция создаваемых человеком информационно-аналитических систем также пойдёт по пути формирования подобных сценариев, облегчающих управление такими системами.

Примечания

1. *Винер Н.* Кибернетика и общество / пер. с англ. Е. Г. Панфилова; общ. ред. и предисл. Э. Я. Кольмана. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. С. 141.
2. *Секст Юлий Фронтин.* Стратегемы. Кн. третья. URL: <http://www.xlegio.ru/sources/frontinus/book-3.html> (дата обращения 23.08.2015).
3. *Советова О. С., Мухарева А. Н.* Об использовании знамен в военном деле средневековых кочевников (по изобразительным источникам) // Археология Южной Сибири. Вып. 23: [сб. к 60-летию В. В. Боброва]. Кемерово, 2005. С. 92–105. URL: <http://kronk.spb.ru/library/sovetova-muhareva-2005.htm> (дата обращения 23.08.2015).
4. *Попов Л. В., Седов А. Е., Чудов С. В.* Развитие концепций информации. URL: http://kirsoft.com.ru/freedom/KSNews_229.htm (дата обращения 23.08.2015).
5. *Велихов Е. П.* Информатика – актуальное направление развития советской науки // Кибернетика. Становление информатики. М.: Наука, 1986. С. 10.
6. *Глушков В. М.* Гносеологическая природа информационного моделирования // Вопросы философии. 1963. № 10.
7. *Пирс Дж.* Символы, сигналы, шумы. Закономерности и процессы передачи информации. М.: МИР, 1967. С. 31.
8. *Винер Н.* Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. 1948–1961. М.: Наука; Гл. ред. изданий для зарубежных стран, 1983. С. 326.
9. *Винер Н.* Мое отношение к кибернетике. Ее прошлое и будущее. М.: Сов. радио, 1969. С. 19–20.
10. *Бриллюэн Л.* Наука и теория информации. М.: Физматгиз, 1960. С. 29–30.
11. *Бейтсон Г.* Теория игры и фантазии // Бейтсон Г. Экология разума. М.: Смысл, 2000. С. 94.
12. Там же.
13. *Пирс Ч. С.* Что такое знак? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3(7).

Notes

1. Sextus Julius Frontinus. [Stratagems. Book three]. [Electronic resource] Available at: <http://www.xlegio.ru/sources/frontinus/book-3.html> (reference date: 23.08.2015).
2. Sovetova O. S., Mukharev A. N. [On the use of banners in warfare medieval nomads (pictorial sources)] // Archeology of Southern Siberia. Is. 23. [Coll. for the 60th anniversary of V. V. Bobrov.] Kemerovo. 2005 [Electronic resource] Available at: <http://kronk.spb.ru/library/sovetova-muhareva-2005.htm> (23.08.2015). Pp. 92-105.
3. Popov L. V., Sedov A. E., S. Chudov S.V. [Development of concepts of information]. [Electronic resource] Available at: http://kirsoft.com.ru/freedom/KSNews_229.htm (reference date: 23.08.2015).
4. Velikhov E. P. [Computer science is an important direction of development of Soviet science] // Cybernetics. Establishing Informatics. M. Nauka. 1986. P. 10.
5. V. M. Glushkov [Epistemological nature of information modeling] // Problems of Philosophy. 1963, No. 10.
6. Pierce J. [Symbols, signals and noise. Patterns and processes of information transfer]. M. MIR. 1967. P. 31.
7. Wiener N. [Cybernetics, or control and communication in the animal and the machine. 1948-1961]. M. Nauka; Chief editorial board of publications for foreign countries. 1983. P. 326.
8. Wiener N. [My attitude toward Cybernetics. Its past and future]. M. Soviet radio. 1969. Pp. 19-20.
9. Brillouin L. [Science and information theory]. M. Fizmatgiz. 1960. Pp. 29-30.
10. Bateson G. [Theory of play and fantasy] // Bateson G. Ecology of mind. M. Smysl. 2000. P. 94.
11. Ibid.
12. Pierce C. S. [What is a sign?] // Herald of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2009, No. 3(7).

Человеческая телесность и физическая культура: философские аспекты

В данной статье рассматривается проблематика телесности в современной философии, а также дается анализ нового направления в философии, связанного с гуманитарным осмыслением теоретических аспектов физической культуры и спорта – философии спорта. отождествление культуры личности с ее «внутренними» качествами, духовными атрибутами свойственно большинству философских и религиозных концепций, а классические теории физической культуры изобилуют методиками воздействия на тело. Такое положение дел вызывает сложность в формировании целостной концепции культуры личности, в которой бы и телесному, и духовному уделялось важное место. В статье подчеркивается, что телесность в спорте основана на непосредственной включенности человека в мир, поэтому вопрос анализа телесности в аспекте философии спорта служит основанием для культурной интеграции.

This article discusses the problems of corporeality in the modern philosophy, as well as an analysis of the new trends in philosophy, connected humanitarian understanding of the theoretical aspects of physical culture and sports - the philosophy of sport. The identification of cultural identity with its "inner" qualities, spiritual attributes common to most philosophical and religious concepts and classical theories of physical training methods abound effects on the body. This situation causes difficulty in forming a holistic concept of culture identity, which would have to corporal and spiritual has been given an important place. The article emphasizes that corporeality in sport is based on the direct involvement of man in the world, so the question of physicality analysis in the aspect of the philosophy of sport is the basis for cultural integration.

Ключевые слова: телесность, телесный опыт, философия спорта, теория физической культуры, гуманитарный подход.

Keywords: corporeality, body experience, philosophy of sport, the theory of physical education, humanitarian approach.

Необходимо признать, что физическая культура и спорт пока не являются популярным объектом философского осмысления. О. Кильдюшов подчеркивает, что, несмотря на «очевидный интерес к спорту у значительной части мыслящей публики, особенно молодой, у многих (статусных) коллег само название этой философской дисциплины будет вызывать в лучшем случае недоумение, в худшем агрессию» [1].

Однако очевидно, что спорт является важной областью исследований различных наук: педагогики, биологии, психологии физиологии, медицины и т. д. Спорт является частью физической культуры общества наравне с физическим воспитанием, рекреацией (физические упражнения для удовольствия), реабилитацией и др. Спорт характеризуется направленностью к высшим достижениям, специализацией, состязательностью, зрелищностью. Еще с периода античности в культуре закрепился состязательный характер спортивных соревнований.

Попробуем очертить круг философских аспектов физической культуры человека, не концентрируя внимание исключительно на факторе спорта.

Обратим внимание на то, что многие определения физической культуры специалистов в данной области (Д. Матвеев, В. Столяров) не предполагают гуманитарного осмысления данного феномена. Н. Н. Визитей даже критически подчеркивает тавтологичность многих определений и наличия в них таких дефиниций: физическая культура как физическое воздействие на физическое в человеке [2]. Продуктивным, с нашей точки зрения, будет подход И. М. Быховской, которая опирается на признание социокультурного характера телесности и рассматривает ее в качестве объекта гуманитарного изучения [3]. В. Лукьяненко находит функции физической культуры в развитии телесности человека, а телесность, в свою очередь, рассматривает как результат социальной модификации естественного человеческого тела [4]. У. Морган отмечает, что в 1960-е в Америке в области спортивных исследований начали дополнять традиционные медицинские и педагогические исследования философскими, историческими и социологическими аспектами [5].

Концептуализируя проблематику философии спорта, Морган выделяет в ней онтологическое (определение спорта, его сопутствующих культурных практик, понятия спорта и игры), эпистемологическое (роль знания и опыта в спорте) и аксиологическое (ценностные и этические

исследования) направления. Как нам представляется, стоит отметить также эстетический, антропологический, социально-культурный аспекты философии спорта и, если рассматривать шире, философии физической культуры. И вот здесь мы видим в качестве центральной проблематику человеческой телесности.

Известно, что познавательная взаимосвязь опыта и интеллекта основывается на чувственных образах, в формировании которых в качестве основных единиц опыта участвуют ощущения и восприятия. Также следует подчеркнуть, что ощущения невозможно рассматривать как нечто совершенно отдельное от деятельности интеллекта. Только совместная работа интеллекта и чувственности ведет к формированию образов. И в этом контексте стоит указать на важную роль человеческой телесности и телесного опыта в познавательной деятельности.

Если обратиться к исследованиям по разработке искусственного интеллекта, то мы увидим, что их результаты касаются моделирования ряда аспектов познавательной деятельности. Но обратим внимание на то, что эти результаты еще далеки от получения того, что можно назвать многогранным человеческим разумом. Как представляется, это связано с недооценкой роли телесного опыта при моделировании мыслительных стратегий искусственного интеллекта. Важность телесно-ориентированного подхода в исследовании искусственного интеллекта и робототехники подчеркивают Р. Брукс и Р. Пфайфер [6]. Речь идет о развитии когнитивных способностей соответствующих устройств посредством совершенствовании их двигательной активности. Подчеркивая перспективность телесно-ориентированной концепции, Е. Н. Князева указывает, что «интеллект требует тела и возникает во взаимной игре мозга как части тела, тела во всей его психомоторной активности и окружающей среды... проявляется в способности движения и взаимодействия с реальным миром, а также в адекватном ответе на изменяющиеся условия внешней среды» [7]. Включение телесного аспекта в познавательную активность человека, таким образом, расширяет и делает более адекватным ее понимание.

В настоящее время в эпистемологии получает развитие концепция энактивизма¹, развиваемая на основании работ биолога и философа Ф. Варелы и его последователей У. Матураны, Э. Роша, Э. Томпсона [8]. В рамках этой концепции открывается возможность создать конструктивный диалог между науками о жизни (теория биологической эволюции, нейрофизиология, теория психомоторного действия) и философской теорией познания, включающей в свою очередь феноменологические исследования личного опыта и субъективности человека.

Философ и историк культуры Х. У. Гумбрехт в своих работах также обращается к вопросам телесности. В работе «Производство присутствия» он предлагает использовать понятие «присутствие» для разработки проблематики телесности в культуре и искусстве. «Присутствие» он рассматривает как «не временное, а пространственное отношение к миру и его предметам» [9]. Присутствующее – это то, до чего можно дотронуться рукой, а это дотрагивание (взаимодействие с присутствующим) оказывает воздействие на человеческое тело.

Стоит также обратить внимание на термин «производство», который употребляется Гумбрехтом в его изначальном смысле – *producers* – выдвигание предмета в пространстве. «Производство присутствия» – это события и процессы, которые вызывают или усиливают воздействие «присутствующего» объекта на человеческое тело. Все предметы, которые «присутствуют», являются элементами вещественного мира. Гумбрехт разводит понятия «культура значения» и «культура присутствия». Если в культуре значения господствующим является дух и человек, соответственно, ставит себя в центральное положение относительно мира материальных объектов, то в культуре присутствия господствующим понятием становится тело, вещественный мир обладает собственным внутренним смыслом, а не просто смыслом, сообщаемым ему посредством человеческого истолкования. Сам человек оказывается частью мира – пространственное и физическое бытие-в-мире. Гумбрехт подчеркивает, что для восприятия культуры уровень «значения» недостаточен, он должен взаимодействовать с уровнем присутствия.

Культура присутствия, по Гумбрехту, гармонична и целостна. Человек включен в окружающий мир, является его частью, преодолевает его чуждость. Отрицание телесности, акцент на рассудочное постижение мира, напротив, увеличивают разрыв в отношениях человека с миром.

Продолжая тему телесного присутствия в мире, Гумбрехт в работе «Похвала красоте спорта» [10] анализирует эстетический аспект спортивных соревнований. Спортивное событие рас-

¹ Энактивизм – направление в эпистемологии, в котором сознание представляется как отелесненное и ситуационное, его когнитивная активность совершается посредством вдействия в окружающую и познаваемую среду, т. е. энактивирования среды.

сматривается им как соприсутствие и соучастие, телесность выступает в этой работе как неотделимый компонент присутствия.

В современной культуре XXI в. утрачивается, выражаясь терминами Гумбрехта, культура присутствия и нарастает тенденция к технологизации и виртуализации. Все большая область деятельности человека связана с уходом от телесного присутствия. Развивается сетевое общение (людям уже не обязательно встречаться, чтобы поговорить), сетевые развлечения (можно, не вставая с дивана, смотреть фильм, театральную постановку или матч в Интернете), сетевое обучение (образование он-лайн посредством дистанционных курсов). В таком положении дел, не смотря на бросающиеся в глаза плюсы, есть один существенный недостаток: телесность человека должна гармонично участвовать в его деятельности, а этого не происходит. Человеческое тело начинает страдать от бездействия, напоминая о себе отсутствием хорошей физической формы и заболеваниями, при этом не только физическими, но и психологическими. Получается, что физическая культура является одним из возможных современных способов сохранения деятельности присутствия.

М. М. Ибрагимов также подчеркивает философский аспект проблематики телесности: «Целеполагающая идея спорта состоит в дерзких намерениях человека выйти за пределы самого себя, на наличном реальном бытии своей телесности реализовать внутренней духовно-физической и творческий потенциал. В этом смысле спорт, как и вся физическая культура, будучи едва ли не главным видом человеческой деятельности, нацелены не только на выживание, адаптивное поведение человека к постоянно изменяющейся окружающей среде, но и на установление господства над внешней и собственной природой» [11].

В философских работах последнего времени отмечается положительная, с нашей точки зрения, тенденция к преодолению дихотомии «тело/душа», все чаще появляются гуманитарные исследования телесности с точки зрения физической культуры человека. И. М. Быховская одной из первых подняла эту проблему, указав не только на теоретические упущения предыдущих поколений, но и на отсутствие необходимого ценностного подхода к вопросу телесности [12]. И «человек разумный», и «человек играющий», и «человек экономический» – все они являются «человеком телесным», и эта телесность должна рассматриваться не только как объект исследования, но как ценность, преодолевая ее привычное рассмотрение только в духовном измерении.

П. Б. Титов в своем диссертационном исследовании (2015 г.) приходит к выводам, что концепт «телесность» выражает, в частности, событийно-актуальный аспект непосредственного присутствия человека в мире [13]. Автор подчеркивает, что телесность в спорте основана на непосредственной включенности человека в мир, и видит в телесности основание для культурной интеграции.

Сведение личности к ее «внутренним» качествам и духовным атрибутам свойственно большинству прежних философских и религиозных концепций. В любом, даже современном, вузовском учебнике по культурологии вряд ли найдется больше пары абзацев о физической культуре. Такое сведение личности к ее внутреннему миру порождает сложность в формировании целостной концепции культуры личности, в которой как телесному, так и духовному уделялось бы одинаково важное место. Рассматривая вопрос телесности через призму гуманитарного взгляда на культуру в целом, мы подчеркиваем важность анализа такого компонента, как физическая культура.

Говоря о здоровье человека в широком смысле этого слова, мы не сводим его только к отсутствию болезней. Здоровье человека – это уровень благополучия, включающий в себя физический, социальный, духовный, интеллектуальный компоненты. Невозможно один элемент компенсировать другим: физическую культуру невозможно подменить карьерным ростом, так же как интеллектуальное развитие – успехами в спорте. Лишь устранив одностороннее рассмотрение: одним наукам – только телесное, а другим – только духовное, можно будет говорить о целостной и гармоничной культуре человека.

Примечания

1. Кильдюшов О. Спорт как дело философии: об эвристической ценности новой аналитической оптики // Логос. 2013. № 5(95). С. 46.
2. Визтей Н. Н. Теория физической культуры: к корректировке базовых представлений. Философские очерки. М.: Сов. спорт, 2009. С. 24.
3. Быховская И. М. Телесность человека как объект социокультурного анализа: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1993. С. 8.
4. Лукьяненко В. Терминологическое обеспечение развития физической культуры и в современном обществе. М.: Сов. спорт, 2008. С. 80.

5. Морган У. Философия спорта: исторический и концептуальный обзор и оценка ее будущего // *Логос*. 2006. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2006/3/mo9.html>.
6. Brooks R. A. *Elephants Don't Play Chess* // *Robotics and Autonomous Systems*. 1990. Vol. 6. P. 3–15; Pfeifer R., Bongard J. *How the body shapes the way we think: a new view of intelligence*. Cambridge; London, 2007. 409 p.
7. Князева Е. Н. Телесное и энактивное познание: новая исследовательская программа в эпистемологии // *Эпистемология: перспективы развития* / отв. ред. В. А. Лекторский. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2012. С. 323.
8. Thompson E. *Mind in Life. Biology, Phenomenology and the Sciences of Mind*. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2007.
9. Гумбрехт Х. У. *Производство присутствия*. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 58.
10. Гумбрехт Х. У. *Похвала красоте спорта* / Ханс Ульрих Гумбрехт; пер. с англ. В. Фещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
11. Ибрагимов М. М. *Философия спорта: предмет, структура и проблемы методологии* // *Актуальні проблеми фізичної культури і спорту*. Киев. № 19 (3). 2010.
12. Быховская И. М. *Человеческая телесность как объект социокультурного анализа (история проблемы и методологические принципы ее анализа)* // *Труды ученых ГЦОЛИФКа: 75 лет: Ежегодник*. М., 1993. С. 58–68.
13. Титов П. Б. *Антропологические аспекты концепта «телесность» в философии спорта: автореф. ... канд. филос. наук*. М., 2015.

Notes

1. Kildyushov O. *Sport kak delo filosofii: ob ehvristicheskoj cennosti novoj analiticheskoj optiki* [Sport as a question of philosophy: on the heuristic value of a new analytical optics] // *Logos - Logos*. No. 5 (95), 2013, p. 46
2. Vizitey N. N. *Teoriya fizicheskoy kul'tury: k korrekcirovke bazovykh predstavlenij. Filosofskie ocherki* [Theory of physical culture: the adjustment of basic knowledge. Philosophical essays]. M. *Sovetskij sport - Soviet sport*. 2009, p. 24
3. Bykhovskaya I. M. *Telesnost' cheloveka kak ob"ekt sociokul'turnogo analiza. Avtoref. diss.... d-ra. filoz. nauk* [The human body as an object of social and cultural analysis. Abstract. Dis.... Dr. Philosophy]. M. 1993. P.8.
4. Lukyanenko V. *Terminologicheskoe obespechenie razvitiya fizicheskoy kul'tury i v sovremennoy obshchestve* [Terminological development of physical culture in modern society]. M. *Sovetskij sport - Soviet sport*. 2008, p. 80.
5. Morgan W. *Filosofiya sporta: istoricheskij i konceptual'nyj obzor i ocenka ee budushchego* [Philosophy of sport: historical and conceptual review and assessment of its future] // *Logos - Logos*. No. 3, 2006. Available at: <http://magazines.russ.ru/logos/2006/3/mo9.html>.
6. Brooks R. A. *Elephants Don't Play Chess* // *Robotics and Autonomous Systems*. 1990. Vol. 6. Pp. 3-15.; Brooks R. A. *Elephants Don't Play Chess* // *Robotics and Autonomous Systems*. 1990. Vol. 6. P. 3–15; Pfeifer R., Bongard J. *How the body shapes the way we think: a new view of intelligence*. Cambridge; London, 2007. 409 p.
7. Knyazeva E. N. *Telesnoe i ehaktivnoe poznanie: novaya issledovatel'skaya programma v ehpiistemologii* [Physical and enactive cognition: a new research program in epistemology] // *Epistemologiya: perspektivy razvitiya - Epistemology: prospects for development* / Resp. ed. V.A. Lektorsky; resp. secretary. E. O. Trufanova. M. Canon+ RSIH "Rehabilitation". 2012. P. 323
8. Thompson E. *Mind in Life. Biology, Phenomenology and the Sciences of Mind*. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2007.
9. Gumbrecht H. U. *Proizvodstvo prisutstviya* [Production of presence]. M. *Novoe literaturnoe obozrenie - New literary review*. 2004, p. 58.
10. Gumbrecht H. U. *Pohvala krasote sporta* [Praise to the beauty of sport] / Hans Ulrich Gumbrecht; transl. from Eng. V. Feschenko. M. *Novoe literaturnoe obozrenie - New literary review*. 2009.
11. Ibragimov M. M. *Filosofiya sporta: predmet, struktura i problemy metodologii* [Philosophy of sports: subject, structure and problems of methodology] // *"Актуальні проблеми фізичної культури і спорту"*. Киев. No. 19 (3), 2010.
12. Bykhovskaya I. M. *Chelovecheskaya telesnost' kak ob"ekt sociokul'turnogo analiza (istoriya problemy i metodologicheskie principy ee analiza)* [Human corporeality as the object of social and cultural analysis (history of problem and methodological principles of analysis)] // *Trudy uchenykh GCOLIFKa: 75 let: Ezhegodnik - Works of scientists of Gtsolifk (Russian State University of Physical Culture, Sports, Youth and Tourism): 75 years: the Yearbook*. M. 1993. Pp. 58-68.
13. P. B. Titov *Antropologicheskie aspekty koncepta «telesnost'» v filosofii sporta. Avtoref. ... kand. filoz. nauk* [Anthropological aspects of the concept "embodiment" in philosophy of sport. Abstract. ... Cand. of Philosophy]. M. 2015.

Насколько регулярным было «регулярное государство» в России XVIII в.? Принципы работы по входящим делам в Екатеринбургском уездном суде (1785) [1]

Авторами публикуется детализированное описание властных практик Екатеринбургского уездного суда, составленное в 1785 г. в ответ на запрос из центра. На его примере рассматривается проблема модернизационных процессов в российской административной системе XVIII в. Это описание демонстрирует, что теоретически всемогущее «регулярное» государство на деле зависело от способности локальных бюрократов изобретать практики власти, чтобы заполнить пробелы в регламентации, исходящей из центра. Концептуальное творчество даже опытных бюрократов, прошедших школу центральных властных органов (как, например, уездный судья А. И. Гизелевский), порой приобретало необычные формы: в ряде случаев администраторы, составившие публикуемый документ, конструировали категории социальной структуры, например в отношении социальных групп крестьянства. Таким образом, за монолитным представлением о «регулярном» государстве оказалась скрыта весьма неоднородная реальность административной рутин, оставлявшей место для импровизации бюрократов.

The authors are publishing the detailed document describing the power practices of Ekaterinburg district court, composed in 1785. This document is serving as an example of modernization problem of Russian administrative system of 18th century. This description demonstrates that theoretically omnipotent 'regular' state was depending upon the capacity of the local bureaucrats to invent the power practices and fill the gaps of centralized documentation. The conceptual creativity of bureaucrats, even those experienced in the central public bodies (like district judge A.I. Gizelewsky), was unpredictable: in some cases administrators, while drawing the documents, were constructing the categories of social structure – for instance, the categories of peasants. Thus, heterogeneous reality of administrative routine was hidden beyond the monolithic concept of 'regular' state, and this routine was providing the space for bureaucratic improvisation.

Ключевые слова: администрация, социальные категории, бюрократия, абсолютизм.

Keywords: administration, social categories, bureaucracy, absolutism.

Магистральной темой в изучении Российской империи XVIII–XIX вв. является – после распада марксистской исследовательской парадигмы в 90-е гг. XX в. – тема «хорошо организованного полицейского государства» (well-ordered police state), разрабатывавшаяся с 70-х гг. XX в. М. Раевым и его учениками [2]. Соответственно, на смену изучению классового характера «дворянской монархии» пришел анализ практик государства в области социального конструирования, рационального упорядочения и модернизации [3].

Рассмотрение функционирования властных практик в Российской империи XVIII в. как модернизационных по своей сути процессов, конечно, сохраняет свою перспективность. Однако модернизаторские усилия российской монархии могут считаться весьма своеобразными. Правомочно задаться вопросом о том, насколько регулярным было государство, созданное Петром I и его наследниками? Постараемся рассмотреть этот вопрос на примере одного локального по значению документа, суммирующего властные практики Екатеринбургского земского суда, созданного в соответствии с реформой 1775 г.

Считается, что екатерининские «Учреждения для управления губерний» 1775 г. упрочили административную систему империи, сделав ее более рациональной и организованной [4]. Однако 27 сентября 1784 г., спустя почти 9 лет после принятия «Учреждений», состоялся именной указ Екатерины II, по которому «для сделания единообразного положения, относительно поряд-

ка канцелярского, хранения дел, разделения Экспедиций... сокращения всего того, что излишним затруднением поче[с]ться может» из губерний было затребованы сведения, «какая именно... по Губернскому Правлению, Палатам и другим местам учинены по означенным частям распоряжения и даны формы». При этом следовало сообщить «об удобствах или неудобствах их и о способах к сокращению излишнего и к поспешнейшему дел отправлению» [5]. Данный указ был получен и в Пермском наместничестве, откуда он был направлен 20 марта 1785 г. в Екатеринбургский земский суд с требованием дать соответствующий ответ на такой запрос [6].

Следует отметить, что к моменту получения этого указа в Екатеринбурге – 27 марта 1785 г. – уездный суд в городе работал несколько месяцев. Само Пермское наместничество было открыто в 1781 г. Однако решение о создании в Екатеринбурге уездного суда состоялось спустя чуть менее 3 лет после этого. Только 3 сентября 1784 г. указом Екатерины II предписывалось «в Екатеринбургской области один уездной суд з дворянскою опекою учредить в таком месте, где способнее, которому и состоять под апелляциею Пермскаго верхняго земскаго суда» [7].

Наместник пермский и тобольский Е. П. Кашкин, приняв к исполнению этот указ, констатировал, что по «Учреждениям для управления губерний» в создаваемый суд судью и заседателей следовало «выбирать дворянством чрез всякие три года» [8]. Действительно, пункт 66 главы III «Учреждений» предписывал следующее: «Уездный, или окружный судья и земский исправник, или капитан, избираются дворянством чрез всякие три года... В тех же уездах, где дворянских имений нет или мало, то земский исправник определяется наместническим правлением из чиновных людей по определению трех достойных людей от верхней расправы» [9]. Однако специфика Екатеринбургской области состояла в том, что в ней фактически отсутствовало необходимое количество дворянских имений, чтобы организовать полноценные дворянские выборы. Как результат, Кашкиным «по неимению таковых дворян, ис которых бы сии выборы делать» было предложено «к таковым должностям ис чиновных людей». В связи с этим он в качестве кандидатуры на должность уездного судьи предложил расправного судью Екатеринбургской нижней расправы Алексея Ильича Гизелевского (он имел чин губернского секретаря, XII класс «Табели о рангах»). Согласно определению Кашкина, Гизелевский, «будучи определен в сию должность с самого открытия наместничества», т. е. с 1781 г., «исправляет оную поныне добропорядочно» [10].

Следует отметить, что А. И. Гизелевский к 1784 г. был довольно опытным управленцем, проработавшим более четверти века в государственных органах империи. Он «родился в семье польских шляхтичей. Гражданскую службу начал в марте 1758 г. копиистом Главной дворцовой канцелярии. 4 сентября 1765 г. в чине подканцеляриста был определен в Правительствующий сенат. 21 декабря 1777 г. получил чин губернского секретаря и был переведен в Канцелярию Главного заводов Правления. После учреждения наместничества 18 октября 1781 г. был назначен на должность расправного судьи» [11]. Сам факт, что он проработал 12 лет в Правительствующем Сенате, должен был свидетельствовать о его неплохой квалификации.

Кроме того, в качестве двух заседателей Е. П. Кашкиным было предложено «поместить служивших прежде по здешнему наместничеству, ныне находящихся не у дел, титулярного советника Павла Филинкова и капитана Ивана Рабенфельта» [12]. В итоге наместническое правление приняло предложения Кашкина. Соответственно, указом правления от 29 октября 1784 г. Было предписано «определить уездным судьей екатеринбургского нижней расправы расправного судьей губернскаго секретаря Гизелевскаго, а в заседатели титулярного советника Филинкова и капитана Рабенфельта». В связи с этим для суда следовало в Екатеринбурге отвести необходимые помещения, а также «снабдить сей суд наместнического правления государственными узаконениями, которых для того из имеющихся в наместническом правлении послать к нему полную коллекцию» [13].

Однако П. Филинков, узнав о своем назначении, подал протест и объявил, что он «определением ево заседателем во оной уездной суд недоволен, потому что... Гизелевской чином ево младше, а определен уездным судьей, а он будучи ево старее заседателем при нем быть не желает» [14]. Действительно, А. И. Гизелевский с чином губернского секретаря (XII класс) был ниже рангом Филинкова с чином титулярного советника (IX класс). Более того, Филинков, чья карьера в значительной степени была связана с управлением уральскими казенными горными заводами, в конце 1781 г. при открытии Пермского наместничества был даже назначен губернским казначеем, каковым числился по 1783 г. [15] Впрочем, его карьера в администрации наместничества не сложилась, так как он не смог справиться должным образом со своими новыми служебными обязанностями. На его протест Пермское наместническое правление сочло возможным дать следующий ответ: «Помянутой Гизелевской хотя Филинкова чином и моложе, но будучи определен расправным судьей с самого открытия наместничества находился по нынешнее время при оной

безотлучно и исправлял с прилежанием добропорядочно, то в воздаяние трудов иначе определить его не можно было как уездным судьей. Филинков же, хотя был употреблен с начала открытия наместничества в должность против Гизелевского уважительнее, но по безопасности своей сделав по оной упущению от службы, следовательно против упражняющихся в трудах и не может употреблен быть к заступлению такого места, которые трудящиеся заслуживают». В итоге было принято решение оставить на некоторое время должность второго заседателя Екатеринбургского уездного суда вакантной [16].

Таким образом, к концу марта 1785 г. Екатеринбургским судом руководили два человека – судья А. И. Гизелевский и заседатель И. И. Рабенфельд. Под их руководством Екатеринбургский уездный суд и подготовил документ с невнятным заглавием «В Екатеринбургском уездном суде по вступаемым во оной делам производится нижеследующим порядком». В нем были описаны затребованные «распоряжения и формы», а по сути – детально рассмотрены те властные практики, которые должен был реализовывать суд. Именно этот документ мы и публикуем ниже.

В своей работе уездный суд – теоретически – должен был руководствоваться петровским «Генеральным регламентом», пункты которого продолжали действовать. Кроме того, «должность» уездного суда была прописана в XV главе «Учреждений» 1775 г. Однако, как показывает публикуемый документ, для организации деятельности суда его руководителям приходилось иметь дело с обширным и слабо систематизированным массивом разнородных указов и иных актов, накопившихся с XVII в., подбор которых в итоге оставался всецело на усмотрение конкретных канцелярских служащих. Так, в параграфе 3 публикуемого документа описываются властные практики, которые в логике «Учреждений» 1775 г. должны были бы располагаться между 199 и 200 пунктами XV главы. Пункт 199 «Учреждений» говорил о том, что суд вместе с присяжным землемером должен осматривать границы спорных земельных участков, а с пункта 200 начиналось подробное описание процедуры переноса дела в высшую инстанцию [17]. Но между этими двумя пунктами оказалось пропущенным само судебное разбирательство, о котором в «Учреждении» не говорилось! Екатеринбургскому уездному суду пришлось описывать в деталях, *как именно* нужно осматривать границы спорных участков: суд должен взять с собой истца, ответчика, капитана-исправника или заседателей земского суда и отправиться на «спорящее место», однако «на случай вступающих в оной каких дел а особливо преступников» нужно взять с собой еще и «приказных служителей». И далее в документе шаг за шагом воссоздавалась картина судебного заседания.

Не менее интересно и то, что, формируя картину властных практик, составитель документа одновременно исподволь творил социальные категории, которые могли довольно-таки широко бытовать в среде имперских управленцев. В связи с этим интересно заглавие четвертого параграфа данного документа: «О просящихся от помещиков ис холобства, показывая себя государственными крепостными и других родов». Примечательны обе части формулы – помещичьи крестьяне были названы «холобами» (sic!), а вот государственные – «государственными крепостными». Чтобы окончательно запутать ситуацию, параграф 6 «О сочинении крепостей на дворовых людей ниже ста рублей» уверенно называет «крепостными» уже помещичьих крестьян. Конечно, можно было бы списать такие специфические формулировки и расхождения на удаленность Урала от имперского центра. Однако, принимая квалификацию А. И. Гизелевского, такое объяснение едва ли будет работать. Собственно, тот факт, что было использовано выражение «других родов», а не «других чинов», указывало на то, что составители документа были в курсе новаций, которые пыталась привнести Екатерина II с конца 1760-х гг. в описание имперского социального порядка [18], и могли их применять в своем социальном языке.

Казалось бы, заданные правительством рамки регламентов должны были жестко унифицировать процессы делопроизводства по всей империи. В этом смысле запрос 1784 г. выглядит странным: всесильное «регулярное» государство, оказывается, не знало о тех «формах», в которых протекала судебная деятельность, и нуждалось в сведениях с мест. При этом Екатеринбургский уездный суд так и не внес предложений об оптимизации процессов. Как показывает публикуемый документ, в локальной перспективе ход дел в немалой степени оказывался в зависимости от того, как «бюрократы» на местах ориентировались в различных «узаконениях», фактически восполняя своей компетентностью отсутствие в стране правового свода. «Регулярное» государство вынуждено было прибегать для описания имперского «порядка» на местах к творческой импровизации локальных служащих. Следовательно, концепция упорядочивающей рационализации, на которую опираются представления об имперском «порядке», нуждается в определенном пересмотре.

ОПИСАНИЕ ПОРЯДКА,
ПО КОТОРОМУ В ЕКАТЕРИНБУРГСКОМ УЕЗДНОМ СУДЕ ОРГАНИЗОВАНА РАБОТА
ПО ПОСТУПАЮЩИМ ДЕЛАМ [19]

12 апреля 1785 г. [20]

(Л. 6)

В Екатеринбургском уездном суде по вступаемым во оной делам производится нижеследующим порядком.

1^е

О присланных к суждению приличившихся в разных преступлениях разных чинов и помещиковых людей, естли в городе от городничих, а в уезде от нижних земских судов Екатеринбургской области

Во-первых, по вступлении дела записывается во входящей и заносится в докладной настольной регистр, в котором полагается о зделании подтверждении преступникам учиненных городничими и земскими судами допросов резолюции.

Во-вторых, по тем резолюциям те преступники того ж самого дни, в какой бы ни случилось, вводятся пред присудствие суда (естли их по одному делу двое, трое и более) по одному, и по прочтении им о чистосердечном признании имянного ЕЯ ИМПЕРАТОРСАГО ВЕЛИЧЕСТВА 1763^{го} года февраля 10^{го} числа указа 2^{го} пункта и з довольным от присудствия увещеванием подтверждаются учиненные у городничих и в земских судах допросы, для же содержания под стражею отсылаются к городничему, и буде кто против дела с прежде учиненным в земском суде или у городничего допросом покажет справедливо и никого в том своем преступлении не оговаривают, то о учинении об них выправок, не бывали ль напредь сего по каким делам в штрафах и наказаниях и поволных по силе Уложения 10 главы 161^{го} пункта, обыскав, посылаются в земские суды указы, а к городничим сообщения, также и бывают ли у исповеди и святаго причастия каждогодно, равно и сколких по поданным от приходских священников (л. 6 об.) метрическим книгам лет состоят, требуется от духовного правления (естли сего в тех местах не делано, а о летах о таковых, кои идут к телесному наказанию). По получении сих выправок изо всего дела и из законов, кто какому подлежит наказанию, по резолюциям сочиняются выписки и предлагаютс к слушанию, на которые по учинении полных на законном основании резолюциев и на оные особливых мнением обще з делом по силе Учреждения 7 главы 111^{го} пункта представляются на ревизию Пермского верхняго земского суда в 1^й департамент при рапортах.

В-третьих, естли ж случатся у тех преступников в показаниях разности, например, 1^е в чемлибо против объявлений исцов в покраже каких вещей чинит запирательство, 2^е покажут сотоварищей или в приеме заведомо воровских, 3^е вновь откроют прежние свои какие преступления, наконец, 4^е, между двумя, тремя и более случающимися вообще между собою показывают несогласию, то тем преступникам, естли один, чинится по силе указа Правителствующаго Сената 1764^{го} года августа 16^{го} дня чрез священника в присудственной уездного суда каморе увещевание, а где двое, трое и более, напредь даются по разнообразным показаниям очные ставки, а потом, естли и на оных утвердятся бе[з] всякой отмены, производится также священническое увещевание, и по собрании всех обстоятельств производится против 2^{го} отделения, а о таковых, кои покражу учинили один, два и три раза, и все три кражи цены составляют не более дватцати рублей, по приведению вышеписанным порядком дело в ясность, отсылается для заработании покраденной цены и с процентами по силе имянного 1781 года апреля 3^{го} числа 7^{го} пункта 1^{го}, 2^{го} и 3^{го} отделением в рабочий дом, и по заработании покраденной цены с процентами отдается исцам, а где в одной цене двое (л. 7) трое и более, то по основанию указа 1782 года августа 17 числа зарабатывают покраденную цену и отсылаются в уездной казначейство [21] рабочего дома. Равно, естли истец что в число покраденной цены прежде получил, то и те за удовольствием исца последние туда ж отсылаются, а по неимению здесь рабочего дома препровождаются чрез Екатеринбургскую золотых производств экспедицию в Березовские рудокопии.

2

О суждении ж оказавшихся в учиненных из жителств своих побегах

Во-первых, по вступлении дела записывается во входящей и заносится в докладной регистр же, в котором полагаются о учинении беглецу допроса резолюцыи и о посылке под стражу.

Во-вторых, оные беглецы по получении об них сведения или произведенного где дела вво-
дятся в присутствие уездного суда, и по объявлении вышепомянутого имянного 1763 года фев-
раля 10 числа указа 2^{го} пункта о чистосердечном признании з доволным от присутствия увеще-
ванием допрашиваются, и по допросе для содержания под стражею отсылаются к городничему, и
буде кто из оных беглецов никакого будучи в том побеге преступления не учинит и в держании
ево заведомо беглого никаго не оговорит, то по собрании потребных об нем откуда надлежит
справок, отсылаются чрез земские суда для наказания к помещикам или их прикащикам по силе
указа 1754 года мая 13 числа 31^{го} пункта по воле их. Буде же кто покажет, что он держан заве-
домо беглого разными людьми, то отдается о искании своего удовольствия на тех держателях, где
надлежит формальным челобитьем, на воле тех помещиков.

3^e

О гражданских судных делах

Во-первых, по принятии исковой челобитны и при ней пошлинных три рубли, записывается
(л. 7 об.) в генеральной регистр, а потом взносится в докладной, на которую полагается резолю-
ция о принятии оной и денег (кои записываются в приходную сего збора книгу и отсылаются в
Екатеринбургское уездное казначейство по данным приходчику указом), и по присылке того, на
кого та челобитная подана, откуда следует. Во-вторых, по присылке ответчика дается ему по той
же резолюции с челобитной копия с тем, чтоб он чрез неделю стал к суду, а о несъезде ево из го-
рода обязывается у крепостных дел реверсом. Иску же дается, что б и он стал на положенной срок
к суду билет, а потом по учинении на гербовой бугаме за скрепою секретаря за шнуром и с при-
ложением печати двух тетрадей. По приходе указного срока и часа истец и ответчик впускаются в
присудственную камору, где говорят суд наперед против челобитны исца ответчик, которые ево
речи записывает канцелярист в ту зашнурованную тетрадь, а по окончании ево истец читатет
свои доказательства, однако ж сходные с поданною челобитную, и по проговорении к каждому
пункту истец и ответчик прикладывает руки. И когда в один день оно не окончит, то тетради
зделавши, сверкой прикладывают они свои печати. На другой день по распечатании оных окан-
чивают судные речи, и по окончании оных тетради взносятся в докладной в настольной регистр
непрерменно на другой день, если не случается праздника или воскресного дни, где полагаются
резолюции. Коли есть в доказательство свидетели, то отколь принадлежит, требуются, по при-
сылке коих приводятся оные к кресному целованию в церкви при священнике, исце и ответчике
по прочтении наперед из Уложения 14 главы 10 пункта, и потом по впусчении их в присудствен-
ную камору каждого порознь, в чем на них есть в судных тетратях ссылка, спрашиваются при
присудствующих, кои показания из записываются. А по которым (л. 8) судным делам нет свиде-
телей, а доказывают имеющими при ответчике или челобитчике ясными документами оноих,
что тако и то документ прилагаю, оговаривает в судных тетратях, кои от них и принимаются.
Другие же ссылаются на документы состоящих в присудственных каких местах или у партику-
лярных людей, то по данной первой резолюции, так как о самоличных свидетелях откуда при-
надлежит требуются, если одного наместничества или губернии или же какого правительства, то
чрез наместническое правление, в том числе и доставшихся [22]. А при том равно в споре о зем-
лях, лесах, сенных покосах и всяких угодьях, о рудниках и о вырубленных лесах неминуюемо по-
требно на месте учинить свидетелство для соображения, а отводным лесам и рудникам с плана-
ми и посеками и румбами, то уездный суд по силе высочайшаго Учреждения о управлении губер-
нии 1775 года ноября 7 числа XV главы 199 пункта, дав наперед знать тому Екатеринбургской
области земскому суду указом, в округе которого об оном споре состоит, чтоб прикосновенные
соседи по назначению от уездного суда времени, не ближе как за шесть недель зделав объявле-
ние, чтоб каждой мог в то время быть при том свидетелстве, где истец и ответчик должен, взяв с
собою той [23] присяжного землемера и земского суда капитана-исправника или заседателей,
отправится на спорящее место (отставя однако ж на случай вступающих в оной каких дел, а
особливо преступников, одного заседателя, несколько и приказных служителей), и делает свое
соображение тому спорящему месту, ведя [24] обыновенной журнал. И по окончании оно и по
собрании посторонних людей возвращается в суд, (л. 8 об.) и по вступлении [25] и по собрании
всех к сему еще что потребно и к протчим делам выше изъявленных обстоятельства сии дела
взносятся в настольной регистр и полагаются резолюции, чтоб из дела и и[з] законов учинить
выписку, и по приложении исца и ответчика рук внести к докладу для слушания, коих впускаются
в судейскую камору истец и ответчик, и при том вопрошаются от первого человека, не имеют ли
они на судей, секретарей и повытчика подозрения, а по отзыве их, что они ни на судей, ни секре-
тарей, при повытчика подозрения не имеют, то берутся с них в то ж время подписки. Другие же
сие оговаривают при рукоприкладстве в выписке, и потом читается при них та выписка вслух, по

прочтении коей паки спрашиваются, вся ли она читана, и выпускаются ис присудственной каморы вон, и во оном что выписка вся читана, берутца подписки, и по выходе их полагается полная в докладном регистре на основании законов, кто должен быть прав и виноват с прописями и убытками резолюции, по которой сочиняется определение, не более как по величине дела четыре, пять, шесть и сем дней, и подписании оног списывается со определения копия, а на другой день по подписании оног исцу и челобитчику объявляется, а по подписании на копии своей удовлетвие, то по оному чинится исполнение, а естли кто подпишет неудовольствие, то таковым дается по силе Учреждения XV главы 200 пункта сроку неделя, и потом тот, которой неудовольствие свое подпишет, а по неимению денег внести ничего, под присягою той же главы 204 статьи роспишется, а естли кто внесет денги, по силе оной же главы 203^{го} пункта оног дело при уведомлении отсылается в верхней земской суд, внесенные же денги хранятся в уездном суде особенно.

(л. 9)

4^e

О просящихся от помещиков ис холобства, показывая себя государственными крепостными и других родов

По принятии от таковых прозб производится [26] порядком, как выше означает, без взятия с них по силе указа 1764 года июля 19 числа пошлин по поводу прошении их првосудного возвращения и попрошаются оные в присудствии уездного суда к лутчей ясности о доказательстве действительного ево рода, по которым собитаются откуда надлежит, справки, и в тех местах, где оне рождение свое показывает, по метрическим книгам и отбираются от священника того, которой при рождении его назначал имя и при миропомазании быть. На случай же того священника отбытия или умертвия, то так же по метрическим книгам выправляется, а при том под присягою вопрошаются при засвидетелствовании священника восприемники оног и соседственные жители, таковой, от кого он показывает родился, а сверх всего оног, естли есть к лутчему уверению и другие какие обстоятелства, то таких же, откуда принадлежит, требуются прямо от уездного суда, коли отдной губернии, а в случай других губерниев или каких присудственных мест, то чрез наместническое правление, и по собрании всех обстоятелств [27] сочиняются выписки и полагается к докладу, и по рассмотрении оных, естли найдется действительно помещику не принадлежащим, то та записывается в той [28], в какой оне желаний свой объявит для платежа государственных сборов, а с теми помещиками, кои имели у себя заведомо принадлежащих, и кроме поступает по силе постановленных на сей случай узаконениев.

5^e

Об отказах по купно недвижимаго имения

По прошествии учиненных о покупных имением купчим крепостям чрез дву годичное время публик никто для спора не явится, то уездный суд (л. 9 об.) посланным Екатеринбургской области в тот нижней земской суд, в округе которого то покупное имение состоит, предписывается за покупщика то покупное имение по основанию законов отказать, и естли в крепости известно столько четвертей земли, то взыскивается при посылке в уездной суд указа положение по указу 1769 года апреля 7 числа на поргамент и по денге с четверти изсылается в гражданскую палату, а в противном случае естли четвертей земли в крепости не означено, то предписывается земским судам, как оные тои и положенные по указу 1763 года декабря 15 числа по три копейки с четверти взыскав и первые из них отослать в гражданскую палату, а вторые в уездное казначейство, по окончании ж отказа с отказных книг и крепости копии и отсылать [29] оную ж палату, а равно таковых в уездной суд, а в нижнем земском суде оставить подлинные, равно и покупщику на гербовой бумаге, да на тех и со всего дела копию ж, не дожидая от покупщика пробы, а исполнять так, как на сей раз узаконениями положено. В случае таком, естли нет ни в крепости, ни прежних межевых книг, то в измерении покупных земель поступить по силе межевой 1766 года мая 25 числа инструкции.

6

О сочинении крепостей на дворовых людей ниже ста рублей

Продавец и покупатель по докладу впущены бывают в присудствие уездного суда. Оне словесно объявляют один о продаже крепостного, а другой о покупке оног у него не выше ста рублей, и при том просят о совершении купчей крепости, которое объявление записывается уездным судьей в докладной регистр, а потом с алфавитною книгою чинится справки, нет ли на про-

давца в письме купчих и закладных какого запрещения, и естли по справке окажется, что нет, то надсмотрщик пишет купчую крепость, а по приложении к той крепости продавца и бывших при том (л. 10) свидетелей рук, равно и по взятии со оной принадлежащих в казну пошлин, заносится подлинником в книгу, и потом продавцу отдается в книге с роспискою, а взятые со оной в казну пошлины надсмотрщик для записи в приход объявляет в уездной суд при рапорте, которой вносится в настольной докладной регистр, и по учинении резолюции и по данному указу по записке сего збора в книги отсылается в Екатеринбургское уездное казначейство при сообщениях с расходчиком.

7^e

О даче владенных указов на вымененных на товары калмыков или подобных наций

По подаче от того, кто выменяет калмыка или той нации подобнаго челобитной и при ней прилагает подлинную таможенную выпись, которая челобитна записывается в регистр, как в первых параграфах написано, и потом вводятся оные в присутственную уездного суда камеру, свидетельствуются роспись и приметы, и по освидетельствовании о роде ево и кем взят в полон и где выменян, приведен ли в веру греческого исповедания и кто были восприемники, отбираются от него допросы, и по отобрании оной на основании узаконений по зделании определении дается тому владенной указ, а таможенная выпись остается при деле в уездном суде, естли цена вымененного не более ста рублей.

8^e

О запрещении разных персон на имени и о разрешении оных

Полученные о запрещении и разрешении разных персон на имени Пермского верхняго земского суда из 2^{го} департамента указы, которые вносятся в регистры таким же порядком, как в третьем параграфе значит, а по учинении резолюций запрещенные вносятся в алфавитную книгу, а о разрешении оных отмечается в той же книге против той статьи, в которой та персонна и имение написано, и в посылаемых в узаконенные сроки о получении указов репортах верхнему земскому суду дается знать, коли чего требуется, сколько употреблено вместо гербовой простой бумаги.

(л. 10 об.) В прочем же. 9. К сокращению производства были против выше изображенного порядка уездный суд ничего не находит. А хотя, как значит в 1^{го} параграфа в 2^м отделении, что требуется оным чрез земские суды и городничьих несоборанные ими справки и повальные обыски, по коим делам неминуемо потребны, но и сии относятся от вышних правительств тем нижним местам.

ГАСО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 27. Л. 6–10 об. Подлинник. Рукопись.

Примечания

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Государственное управление в России во второй половине XVIII в.: теоретические и концептуальные подходы и их практическое воплощение (региональный аспект)», проект № 13-31-01003.

2. Raeff M. The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // The American Historical Review, Vol. 80, № 5 (Dec., 1975); Ransel D. The Politics of Catherinian Russia. The Panin's Party. New Haven, 1975.

3. Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины Второй. Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993.

4. Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 402–417, 537.

5. ПСЗ-1. Т. 22. № 16074. С. 221–222.

6. ГАСО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 27. Л. 1–1 об.

7. ГАСО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 25. Л. 1 об.

8. ГАСО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 26. Л. 2.

9. Учреждения для управления губерний Всероссийския империи [Ноября 7 дня 1775 года] // Законодательство Екатерины II. Т. 1. М., 2000. С. 390.

10. ГАСО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 26. Л. 2.

11. Тулисов Е. С. История управления горнозаводской промышленностью Урала на рубеже XVIII и XIX веков. Екатеринбург, 1999. С. 161.

12. ГАСО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 26. Л. 2.

13. ГАСО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 26. Л. 3–3 об.

14. ГАСО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 26. Л. 6.

15. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождества Христова 1783. СПб, [б. г.]. С. 416.
16. ГАСО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 26. Л. 6–6 об.
17. Учреждения для управления губерний... С. 409.
18. ГАСО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 26. Л. 6–6 об.
19. Название публикаторов. Сам документ не имеет заглавия и начинается следующим предложением: «В Екатеринбургском уездном суде по вступаемым во оной делам производится нижеследующим порядком».
20. Датируется на основании рапорта из Екатеринбургского земского суда в Пермское наместническое правление от 12 апреля 1785 г., в котором сообщалось, что требуемое «описание... суть сочинено и к его высокопревосходительству (Е. П. Кашкину – К. Б., М. К.) при рапорте представляется» (ГАСО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 27. Л. 5).
21. Пропуск в тексте.
22. Пропуск в тексте.
23. Пропуск в тексте.
24. Пропуск в тексте.
25. Пропуск в тексте.
26. Пропуск в тексте.
27. Пропуск в тексте.
28. Пропуск в тексте.
29. Пропуск в тексте.

Notes

1. The study was performed with financial support of RHSF within the project of scientific research "Public administration in Russia in the second half of the XVIII century: theoretical and conceptual approaches and their practical implementation (regional aspect)", project No. 13-31-01003.
2. Raeff M. The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in the seventeenth - and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // *The American Historical Review*, Vol. 80, No. 5 (Dec., 1975); D. Ransel, *The Politics of Catherine's Russia. The Panin's Party*. New Haven, 1975.
3. Omelchenko O. A. «*Zakonnaya monarhiya*» *Ekateriny Vtoroj. Prosveshchennyj absolutizm v Rossii* ["Legitimated monarchy" of Catherine the Second. Enlightened absolutism in Russia]. M. 1993.
4. Pisar'kova L. F. *Gosudarstvennoe upravlenie Rossii s konca XVII do konca XVIII veka: EHvolyuciya byurokraticheskoy sistemy* [State control of Russia since the late seventeenth to the late eighteenth century: Evolution of the bureaucratic system]. M. 2007. Pp. 402-417, 537.
5. FCL-1. Vol. 22. No. 16074. Pp. 221-222.
6. SASR (State Archive of Smolensk Region). F. 12. Sh. 2. File 27. Sh. 1-1 turn.
7. SASR. F. 12. Sh. 2. File 25. Sh. 1 turn.
8. SASR. F. 12. Sh. 2. File 26. Sh. 2.
9. *Uchrezhdeniya dlya upravleniya gubernij Vserossijskiya imperii [Noyabrya 7 dnya 1775 goda]* Establishments for management of provinces of the Russian Empire [November 7 day of 1775] // *Zakonodatel'stvo Ekateriny II - Legislation of Catherine II*. Vol. 1. M. 2000. P. 390.
10. SASR. F. 12. Sh. 2. File 26. Sh. 2.
11. Tulisov E. S. *Istoriya upravleniya gornozavodskoj promyshlennost'yu Urala na rubezhe XVIII i XIX vekov* [History of management of the mining industry of the Urals at the turn of XVIII and XIX centuries]. Ekaterinburg, 1999. S. 161.
12. SASR. F. 12. Sh. 2. File 26. Sh. 2.
13. SASR. F. 12. Sh. 2. File 26. Sh. 3-3.
14. SASR. F. 12. Sh. 2. File 26. Sh. 6.
15. *Mesyacoslov s rospis'yu chinovnyh osob v gosudarstve na leto ot rozhdestva Hristova 1783*- Calendar with painting of bureaucratic persons in the state for the summer from Christmas 1783. St. Petersburg [b. G.]. P. 416.
16. SASR. F. 12. Sh. 2. File 26. Sh. 6-6 turn.
17. *Uchrezhdeniya dlya upravleniya gubernij...* - Establishments for management of provinces... P. 409.
18. SASR. F. 12. Sh. 2. File 26. Sh. 6-6 turn.
19. The name of publishers. The document itself has no title and begins with the following sentence: "In the Ekaterinburg district court for intervening in cases thereof, made the following order".
20. Dated on the basis of the report of the provincial court of Ekaterinburg in the Perm Governor rule on the April 12, 1785, in which it was reported that the required "description of the essence... and written to his Excellency (E. P. Cascino – K. B., M. K.) when the report is submitted" (JI-AP. F. 12. Op. 2. D. 27. L. 5).
21. Missed in the text.
22. Missed in the text.
23. Missed in the text.
24. Missed in the text.
25. Missed in the text.
26. Missed in the text.
27. Missed s in the text.
28. Missed in the text.
29. Missed in the text.

Партизаны и Коммунистическая партия: особенности взаимодействия на оккупированных территориях Брянщины в годы Великой Отечественной войны

В статье на основании архивных источников анализируется деятельность Коммунистической партии в партизанских отрядах Брянского края во время Великой Отечественной войны. Ее задачей было придать стихийному партизанскому движению целенаправленный и организованный характер, но эта цель достигалась традиционными методами советской системы, что вело к противоречиям и не всегда давало положительные результаты. Партия не смогла должным образом подготовиться к борьбе на оккупированной территории. Ее представители вмешивались в деятельность партизанских отрядов, пытались внедрить субординацию и дисциплину, превратить их в подразделения регулярной армии, что встречало сопротивление независимых партизан. Коммунисты не имели эффективных рычагов влияния на партизанское движение, поэтому становление партийного контроля в отрядах проходило очень тяжело.

Activity of the Communist Party in partisan units in the Bryansk region in the Great Patriotic War is analyzed in this article on the basis of archival sources. The aim of the communists was to turn a spontaneous partisan movement to a task-oriented and organized one. However, this aim was being achieved by means of traditional methods of the Soviet system. It led to contradictions and results were not always successful. The Party was not able to properly prepare for the struggle in the occupied territories. Its activists interfered in the activities of guerrilla groups. They tried to introduce subordination and discipline, to turn this groups into the regular army. It led to the resistance of independent guerrillas. The Communists had no effective leverage on the guerrilla movement, so the formation of party control in the units were very hard.

Ключевые слова: партизанское движение, Коммунистическая партия, Великая Отечественная война, Брянский край, оккупация.

Keywords: partisan movement, Communist Party, the Great Patriotic War, Bryansk region, occupation.

Партизанское движение сыграло огромную роль в победе советского народа в Великой Отечественной войне, а потому всегда подвергалось пристальному вниманию исследователей. Изучение борьбы в тылу врага породило множество дискуссионных проблем, одной из которых является организация партизанских действий на оккупированной территории СССР. В советский период успехи партизанского движения связывались с тем, «что это движение от начала до конца проходило под непосредственным руководством Коммунистической партии» [1]. В современной российской историографии, несмотря на уменьшение роли идеологического фактора, по-прежнему иногда утверждается, что подпольные организации ВКП(б), «оправившись от провалов первых месяцев войны и накопив опыт нелегальной борьбы с оккупантами, действовали повсеместно и решительно...» [2]. О том, что Коммунистическая партия «фактически и руководила партизанским движением», много писали и в зарубежной исторической науке [3]. В этой связи особенно актуальным становится анализ роли партии в организации борьбы в тылу врага на региональном материале с целью создания объективной картины происходившего на оккупированных территориях.

Влияние партийных органов на деятельность партизан Брянщины было достаточно спорным, особенно в начале Великой Отечественной войны. Они не смогли должным образом организовать партизанское движение. Коммунисты нередко скрывали свою партийную принадлежность. Так, в Дятьковском районе при приближении немецких войск 193 члена партии уничтожили свои документы [4]. В партизанских отрядах Выгоничского района только 15% коммунистов имели на руках партбилеты [5]. Многие органы власти были уничтожены или ушли в глубокое подполье. В Стародубском районе «комитет ВКП(б) совершенно не подготовил и не возглавил партийную организацию для ведения партизанской борьбы... В результате партийно-советский актив распался...» [6]. Большинство руководителей не обладало опытом борьбы в условиях оккупации. Партизанским движением занимались отдельные инициативные коммунисты или беспартийные деятели. Тем не менее органами советской и партийной власти была проведена опре-

деленная подготовительная работа, которая должна была помочь развертыванию войны за линией фронта.

Западная часть Орловской области, в состав которой входила Брянщина, была оккупирована в октябре 1941 г. К этому времени уже действовала директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 г., которая, как считается, «положила начало организованному развертыванию борьбы советских людей против гитлеровцев и их приспешников на оккупированной врагом территории» [7]. Однако директива была доступна узкому кругу чиновников и содержала только общие указания о создании партизанских отрядов. Более того, предписывалось при отходе Красной армии уничтожать запасы продовольствия и иное имущество [8], которое могло бы пригодиться партизанам. В целом установки, шедшие сверху в первые дни войны, были недостаточно четкими и не всегда отражали объективные потребности партизанского движения.

Власти стремились создать конспиративные лесные базы с оружием и продовольствием для будущих партизанских отрядов, о которых, согласно директиве Орловского обкома ВКП(б), должны были знать только руководитель партизанской ячейки и начальник отряда [9]. Некоторые примеры организации таких складов привел в своих воспоминаниях участник брянского партизанского движения В. Андреев: «Базу заложили в лесочке, годном лишь на то, чтобы прятать там от жары телят, а поблизости находился огромный Брянский лес! В результате на второй же день оккупации, не успели еще люди собраться на базу, как на нее напали немцы и разгромили» [10]. В другом случае склад по распоряжению руководства заложили не в своем, а в соседнем районе, при этом само партийное начальство и выдало его немцам [11]. Таким образом, многие склады были захвачены до того, как ими воспользовались партизаны. На оставшихся же запасах хватило только на небольшой срок военных действий, видимо, по причине ожидания скорого контрнаступления Красной армии. В целом организация снабжения будущих партизан была во многом провалена.

По замыслу руководства, в случае оккупации Брянщины партизанскими отрядами должны были стать истребительные батальоны, которые формировались из мобилизованного гражданского населения летом 1941 г. По воспоминаниям секретаря горкома ВКП(б) Г. Г. Гавриличева, в истребительные батальоны зачислялись «люди волевые, беспредельно преданные партии, способные перенести любые трудности в борьбе с врагом» [12]. На деле же многие отряды создавались в спешке и не всегда на добровольной основе. Они включали тех, кто недооценивал партизанскую войну и стремился перейти линию фронта, а также тех, кто о партизанском движении не помышлял, а хотел просто выжить, получив оружие. В результате истребительные батальоны в оккупации быстро потеряли первоначальный состав. Например, М. П. Ромашин писал о своем отряде: «В связи с тем, что в истребительный батальон было много принято без тщательного отбора и индивидуального подхода; многие из бойцов, даже отдельные коммунисты, бросились в панику, увидя вероломную немецкую армию, и нам пришлось отчислить ряд бойцов, оставить в отряде всего 23 человека» [13]. В Суземском партизанском отряде после тщательной проверки из первоначального состава в 120 человек осталось 70 [14]. По сути, многие соединения пришлось создавать заново.

Коммунистическое влияние на партизанское движение в первый год войны было ослаблено также тем, что советское руководство не могло оказать действенной помощи партизанам, не имело с ними постоянной связи. Вплоть до лета 1942 г. из 57 известных командований партизанских формирований Брянщины радиосвязь имелась только с группой отрядов Емлютина, Орлова и отчасти Федорова [15]. Даже при наличии радиостанций уровень связи был низким, поскольку присылаемые специалисты оказывались слабо подготовленными к работе в полевых условиях: «...в течение последних 10 дней присланные радисты должны были поддерживать оперативную и учебную связь по направлению, но они не только не дали этой связи, но даже ни одного раза не связались...» [16]. Плохая коммуникация была вызвана и определенной недооценкой партизанской войны. Военные Советы фронтов партизанским движением не занимались и считали для себя обузой [17]. Кроме того, катастрофически не хватало транспортной авиации, которая не справлялась «с переброской в тыл вооружения, боеприпасов и продовольствия для действующих партизанских отрядов» [18]. Несмотря на все просьбы брянских партизан, авиационная доставка должным образом не была организована, и даже в январе 1943 г. зам. начальника Штаба партизанского движения на Брянском фронте подполковник Горшков жаловался, что 6-й авиаполк полностью сорвал переброску грузов в партизанские отряды [19]. Для большинства партизан общение с советским тылом имело скорее моральное, чем материальное значение. Это говорит о значительной самостоятельности отрядов и местных органов власти в принятии решений по тем или иным вопросам.

Усилия советских и партийных органов, а также НКВД по расширению партизанского движения на Брянщине и в соседних регионах содержали большое количество ошибок. Отдельные диверсионные отряды, формируемые на Большой земле для отправки в тыл врага, не спешили пересекать линию фронта. Так, согласно докладной записке члена ВКП(б) Бузова, эти отряды в апреле 1942 г. находились «на этой стороне фронта. Часть из них стоит в Старом Осколе (главной базе переброски отрядов на Брянщину. – *О. Л.*), умирают со скуки, и ими никто не занимается»; многие из коммунистов были зачислены в них «под страхом исключения из партии» [20]. В результате такие формирования не всегда отличались высокими моральными качествами и хорошей подготовкой, несли неоправданно большие потери. Например, Старооскольский отряд 1 мая 1942 г. потерял убитыми 12 человек из 29 и не сумел перейти линию фронта [21]. Поэтому большинство партизан составляли те, кто по разным причинам оказался в тылу врага во время немецкого наступления 1941 г. Они стихийно сколачивались в партизанские отряды.

Упоминания о стихийности возникновения партизанского движения на Брянщине можно найти в мемуарах его участников, несмотря на то что они подвергались цензуре. Известный партизанский командир А. Н. Сабуров, говоря о формировании своего отряда в южном массиве брянских лесов, писал о том, что в его состав активно вливались «вчерашие узники, бежавшие из фашистских лагерей. Много парней и девушек, чудом спасшихся от угона в Германию» [22]. Народными мстителями становились не столько люди, обладавшие идейными соображениями или мобилизованные советскими и партийными органами, сколько те, кто стремился избежать притеснений от оккупационных властей и выжить на вражеской территории. Таким образом, состав первых партизанских отрядов был очень пестрым.

Партизанские формирования возникали стихийно в труднодоступных лесных массивах. Туда могли входить бойцы Красной армии, оказавшиеся за линией фронта («окруженцы»), местные коммунисты, бежавшие от фашистских казней, а также красноармейцы, которым удалось осуществить побег из немецкого плена («военнопленные»). Они старались сохранить устав, субординацию, дисциплину. Люди, входящие в такие отряды, «отличались от местных скудостью платья, обуви, удивительным смешением форм одежды – воинской и гражданской, подчас даже женской и мужской, и полным отсутствием запасов продовольствия» [23]. Все это вынуждало их заботиться о добыче продуктов питания, медикаментов, одежды и других средств первой необходимости за счёт военных трофеев.

Несколько лучше было положение у тех отрядов, которые образовались из истребительных батальонов Орловской области, а затем также пополнялись за счет гражданского населения. Организованные для них базы с оружием и продовольствием, часть из которых все же удалось сохранить, позволили им продержаться до зимы 1941 г., но и эти отряды вынуждены были перейти к снабжению за счет трофеев и установить связь с местным населением.

Большинство же партизанских формирований на Брянщине возникало из ухивших в леса местных жителей, пострадавших от жестокостей оккупационного режима. Из жажды мести или идейных соображений они начинали вооруженную борьбу с врагом. К ним примыкали и некоторые военнослужащие. Такие партизаны опирались на помощь местного населения, но, как правило, только ближайшей округи, базировались в районе родных деревень, за счет которых имели более или менее регулярное жизнеобеспечение. Эти отряды, как правило, охраняли свои населенные пункты. На первой конференции партизан Орловской области утверждалось, что «в группах самообороны можно встретить много военнообязанных и военнослужащих, которые неплохо вооружены, но слабо, очень слабо действуют. Сидят, едят и ничего не делают...» [24]. Такие формирования первоначально не стремились к активным боевым действиям. Впоследствии к ним присоединялись ушедшие в подполье коммунисты, которые пытались придать партизанской деятельности более целенаправленный характер.

К лету 1942 г. партизанское движение показало свою жизнеспособность. Рост масштабов борьбы в тылу врага привлек внимание Москвы. 25 июня 1942 г. было принято постановление о создании Брянского штаба партизанского движения, который в рамках Центрального штаба (ЦШПД), должен был осуществлять общее руководство борьбой в тылу врага, создавать партизанские отряды, улучшать снабжение партизан, организовывать взаимодействие с советскими войсками [25]. Эти меры должны были активизировать боевую деятельность партизан, но на Брянщине они имели неоднозначные последствия.

Участники борьбы в тылу врага с опаской восприняли насаждаемое центром руководство, не стремились попасть в сферу его влияния. Так, командир отряда № 1 им. Ворошилова Покровский всячески стремился «оторваться от объединенного командования для того, чтобы действовать самостоятельно и увести отряд из этого региона... посылался связной к командиру Ворошиловского отряда № 2 с предложением о совместных действиях и о разрыве с объединенным ко-

мандованием» [26]. В относительно небольших по размеру Понуровских лесах Стародубского и Погарского районов вплоть до мая 1943 г. действовали разрозненные группы партизан [27]. Командный состав партизанских отрядов мог саботировать участие в операциях, предложенных вышестоящим руководством. Так, начальник штаба Северного боевого участка, созданного осенью 1942 г. для борьбы с карателями, майор Лапутин, «получив радиограмму о подготовке операции, представителю штаба объединенных отрядов заявил: “Я эту операцию не готовил и готовить не буду, так как из этого ничего не выйдет”. Командование и штаб Северного боевого участка, вместо организации активных действий против противника с целью не дать ему укрепиться, законспирировались в лесу и сделали для себя вывод, что противника никакими силами не выбить и решили отсиживаться, находясь без питания» [28]. Это не было свидетельством трусости партизан Северного боевого участка, поскольку за несколько недель до этих событий они самостоятельно разгромили карателей, за что получили благодарность от ЦШПД [29]. Видимо, штаб объединенных отрядов, руководствуясь указаниями из центра, требовал проведения общевойсковой операции против немецких войск, на что местные партизаны, прекрасно зная обстановку, пойти не могли, опасаясь больших потерь. Небольшие партизанские формирования нередко отдавали предпочтение индивидуальным, самостоятельным действиям.

Центральные и местные органы власти относились к партизанским соединениям как к частям регулярной армии. Партизаны же прекрасно осознавали свое отличие от регулярных войск: «Отряд и главным образом тов. Агейченко считает, что требуемая от отряда дисциплина не обязательна, что они не воинская часть» [30]. Военные требования вызывали недовольство отдельных бойцов и разговоры: «Начальников развелось много, все приказывают, что за порядки» [31]. Летом 1942 г. в брянских лесах распространялась присяга Красного партизана, которая обязывала «беспрекословно выполнять приказы всех своих командиров и начальников, строго соблюдать воинскую дисциплину» [32]. Этот процесс сопровождался разногласиями, о чём, например, свидетельствует поведение кандидата ВКП(б) младшего командира Гладштейна, который «в связи с введением твердого внутреннего распорядка в роте и требованием комсостава выполнять последний в присутствии личного состава роты заявил: “Я присягу Красного партизана принимать не буду, потому что заведены ненужные для партизан порядки”» [33]. Отряды народных мстителей жили в более свободной атмосфере, хорошо описанной В. Андреевым: «По форме и по существу мы представляли собой случайную группу, члены которой являлись равными между собой во всех отношениях. В соответствии с этим существовала и форма обращения одного к другому: Ваня, Вася, Гриша и т. д., лишь старших по возрасту и по положению звали по имени-отчеству» [34]. Народные мстители стремились сохранить демократичность, независимость и выборность командиров. Так, в одном из формирований, подготовленном к отправке в тыл врага, «партизаны главного отряда остались очень недовольны назначением тов. Ковалева командиром отряда без их ведома. До этого момента считали, что они будут на месте действовать самостоятельно, выдвинув из своей среды командира отряда» [35]. Указания Центрального штаба оставались для партизан достаточно условными.

Отдельные организаторы партизанского движения понимали эту специфику. Например, Новозыбковский партизанский отряд следующим образом призывался к вступлению в объединенную партизанскую бригаду им. Пожарского: «Оказывается вы сами из Новозыбкова и большинство партизан у вас Новозыбковского района. Я вынужден просить вас пойти в нашу партизанскую бригаду, будете действовать самостоятельно и находиться там, где сейчас» [36], т. е. подчинение носило сугубо формальный характер, а партизаны просто получали официальное право действовать в своем районе. По словам активного участника борьбы в тылу врага П. П. Вершигоры, он «понял одну истину, которая позже была так ярко выражена Ковпаком: надо делать так, как народ хочет» [37]. Успешные организаторы партизанского движения придерживались этого принципа и не стремились всецело навязать народным мстителям руководство из Москвы, которое не облегчало их положения.

Приказ Центрального штаба о подготовке к зиме 1942–1943 г. прямо предписывал рассчитывать только на себя и понять, что «все необходимое довольствие, вооружение и боеприпасы должны быть добыты у врага, что в связи с транспортными и другими затруднениями нельзя рассчитывать на снабжение отрядов из советского тыла» [38]. Многие партизаны и не ждали помощи. Так, партизаны Клинецкого района прямо указывали, что «за весь период работы... мы не получали ни от штаба партизанского движения Брянского фронта, ни от штаба партизанского движения Западного фронта абсолютно никакого вооружения, боеприпасов, взрывчатки. Добывали сами всякими путями и средствами» [39]. Если и удавалось установить связь с Большой землей, то основной упор в поставках делался на боеприпасы, а медикаменты, еда и одежда доставлялись по остаточному принципу [40].

Отсутствие средств первой необходимости заметно снижало боевой дух, приводило к разногласиям. Так, в одном из докладов сообщалось, что в связи с долгим нахождением в лесу «политико-моральное состояние в отрядах очень плохое... 17 июня с. г. (1942 г. – *О. Л.*) боец отряда им. Буденного Гукалин А. В., который будучи в пьяном виде, учинил выстрел по комиссару отряда т. Черненко. Гукалин неоднократно обращался к командованию об оказании ему помощи, но помощь эта ему оказана не была...» [41]. Такие возможности у многих командиров практически отсутствовали как в связи с неспособностью достать всё необходимое на месте, так и ввиду слабого снабжения из Центра.

Вместо решения проблемы снабжения ЦШПД активно занимался организацией политической службы и ячеек НКВД в отрядах, чему противились отдельные командиры. Например, командир партизанского отряда им. Ворошилова Покровский «написал самодовольное письмо товарищу Пономаренко (начальнику ЦШПД. – *О. Л.*), в котором во всяких иронических выражениях подчас не заслуженных, говорит об местных органах советской власти, штабе объединенных отрядов и прямо дышит недовольством по адресу представителей НКВД... он решил разогнать особый отдел!!!» [42]. Нередко командование отрядов сопротивлялось органам безопасности. В связи с этим в ноябре 1942 г. был издан специальный приказ, в котором отмечалось, что «отдельные командиры... незаконно вмешиваются в оперативные функции опер. чекистских групп, пытаются подменить руководство этими группами опер. чекистского отдела» [43]. Привыкшие к независимости партизаны очень дорожили ею. Каждый отряд представлял собой самостоятельную единицу, особый мир со своими традициями, взглядами и представлениями, объединенный вокруг авторитетных личностей. Независимые партизанские руководители могли не устраивать работников центральных органов НКВД. Например, старший майор госбезопасности Матвеев (начальник Брянского штаба) дал негативную характеристику руководителю Объединенного штаба партизанских отрядов брянских лесов Емлютину, как человеку «крайне ограниченному, бестактному и тупому» [44]. Несмотря на это, Емлютин остался на своем посту и впоследствии заслужил звание Героя Советского Союза. Существовало разное понимание роли партизанского движения. Партийцы и работники госбезопасности стремились придать отрядам характер регулярных частей, местные же руководители понимали специфику партизанской борьбы.

Плохо обстояла ситуация в формировании народных бойцов в тылу врага и с политическим просвещением. До июня 1942 г. «в некоторых партизанских отрядах и группах самообороны не были созданы партийные организации. А там, где и были созданы партийные организации с начала оккупации районов немцами, внутри партийная работа была поставлена слабо... Вместе с тем следует отметить, что имели место факты бытового разложения, семейственности, низкой дисциплины» [45]. Меры борьбы с этим включали создание партийных организаций, проведение совещаний, докладов, бесед, митингов, принятие в партию отличившихся партизан и т. д. [46] Но значительного роста идейности партизан не произошло, поскольку уже в конце июля 1942 г. сообщалось, что «слабо еще пока развернута партийная работа в Выгонических партизанских отрядах и Почепском отряде... еще не все коммунисты стали образцами для остальных бойцов» [47]. Более того, в августе 1942 г. был издан специальный приказ о состоянии партизанских отрядов Выгонического района: «...политико-массовая и воспитательная работа среди партизанских отрядов не ведется. Командиры и комиссары отрядов и групп самоустранились от проведения политико-воспитательной работы среди партизан. Партийные и комсомольские организации также не занимаются воспитанием партизанских масс... Личная дисциплина командно-политического состава стоит на низком уровне. Отсутствуют революционная требовательность к себе и подчиненным. Политико-моральное состояние командно-политического состава также стоит на низком уровне...» [48]. Надо признать, что партия приложила немало усилий для изменения положения, но этот процесс шел очень медленно. В условиях оккупации партизаны не всегда соотносили свои действия с рекомендациями сверху.

Успех коммунистической агитации во многом зависел от материальной помощи отрядам, без которой было трудно исправить ситуацию. Однако партийные органы видели причину неудач в нехватке политруков. В одном из докладов осени 1942 г. сообщалось: «Рано еще говорить о том, что улучшилась ли партийно-политическая работа в отрядах с созданием политотдела, так как количество работников политотдела не позволило охватить за этот период все отряды» [49]. Но политруки и комиссары не всегда ответственно подходили к выполнению своих обязанностей. Так, в отряде «За Родину» «политический состав подразделений не инструктирует командиров отряда, да и сам комиссар отряда мало вращается среди бойцов и не беседует» [50]. Нередко партийные должности занимали некомпетентные в политической работе люди. Например, в том же отряде «За Родину» «политруки взводов не соответствуют своему назначению, Косарев, Гришанков, не имеющие никакого военного звания, в то время как в Отряде есть старшие и

младшие политруки, которые пасут скот и работают бойцами» [51]. Поэтому деятельность политработников порой была не на самом высоком уровне: «...политрук Белякин занятия начал неподготовленным, без конспекта, не применял дополнительного материала – и местных фактов, занятия вел методом читки, не пересказывая прочитанного материала, наглядных пособий не использовал, не интересовался, как бойцы воспринимают материал» [52]. Многие партизаны не владели навыками чтения, поэтому роль грамотного политического работника была высока, но политрукам порой не хватало образования, о чем свидетельствуют и их донесения в штабы партизанского движения, содержащие большое количество ошибок. Нередко политруки получали уже устаревшие инструкции. Так, Дятьковский подпольный райком ВКП(б) сообщал: «...мы никакой почты в район не получаем, а отсюда и с последними указаниями не знакомы» [53]. В отряде № 1 им. Ворошилова жаловались: «Обеспеченность газетами недостаточная, газет получаем слишком мало и очень редко. Газет не хватает для подразделений. Газеты получаем с большим опозданием» [54]. Отсутствие информации было большой проблемой для живущих в изоляции партизан. Кроме того, трудности вызывали разногласия, которые существовали между различными уровнями руководства. Например, в отрядах Выгонического района имел место такой случай: «Бывший командир головного партизанского отряда Рысаков и бывший комиссар отряда Фильковский (секретарь райкома ВКП(б). – *О. Л.*)... расхищали и разбазаривали казенное имущество и продукты питания...» [55] Но в воспоминаниях В. Андреева Рысаков, напротив, показан как абсолютно бескорыстный человек, который премировал отличившихся бойцов, оказывал помощь крестьянам [56], завоевывая поддержку местного населения. Противники Рысакова это, видимо, и понимали как «разбазаривание».

Центральные органы старались бороться с такими явлениями. Например, командиры Выгонических отрядов по приказу Брянского штаба партизанского движения в августе 1942 г. должны были предстать перед военным трибуналом, а в самих отрядах была проведена чистка, во время которой для поднятия морального состояния даже разрешили применять оружие [57]. Но центральное командование было слабо осведомлено о состоянии этих отрядов, поскольку Рысаков на момент выхода приказа уже был убит [58].

Перестановки, снятие выборных командиров штабами партизанского движения приводили к нагнетанию напряженности, поскольку «обиженные» оставались в отрядах и группировались вместе, проявляя недовольство и обсуждая приказы и распоряжения нового командного состава [59], подрывали его престиж среди партизан. Хотя постепенно к 1943 г. власть в отрядах переходила в руки военных и партийных деятелей, прежние руководители продолжали бороться за нее, опираясь на свой авторитет и сторонников. Это могло привести к трагическим последствиям. Тот же Рысаков «при одной из операций был также убит “своими людьми” из лагеря военнопленных, с которыми он был очень груб и на почве мести за все творимые безобразия с его стороны... и скрытия следов преступления» [60]. Рысаков, который был выборным командиром [61], по всей видимости, выступал против армейских порядков в отряде и стремился сотрудничать с местным населением в ущерб военным служащим. Это вело к разногласиям с партийными назначенцами и к ненужной в условиях военных действий борьбе за руководство.

В целом, несмотря на предпринимаемые партийными и военными органами меры по улучшению дисциплины, рационализации управления, изменению составов отрядов, партизанские формирования оставались во многом независимыми от Москвы, связь с которой была потеряна в первые месяцы войны. Восстановление партийного влияния на партизан проходило очень медленно и тяжело, сопровождалось противоречиями и сопротивлением со стороны независимых отрядов. Ввиду отсутствия возможностей значительной поддержки партизанского движения советское руководство не обладало эффективными рычагами влияния и действовало в традиционных рамках сталинской системы: политической пропагандой, введением строгой дисциплины, созданием ячеек НКВД и института политработников, чистками партизанских рядов. В результате на местном уровне партизанского движения была развязана борьба за власть, которая отрицательно сказалась на взаимоотношениях в партизанских отрядах. Влияние партии стало преобладающим только в 1943 г. в связи с приближением линии фронта и Красной армии, которая осенью этого года освободила Брянский край.

Примечания

1. Залесский А. И. В партизанских краях и зонах. М.: Воениздат, 1962. С. 54.
2. Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) / Азяский Н. Ф., Долгий М. С., Князьков А. С. и др. Жуковский. М.: Кучково поле, 2001. С. 14.
3. Диксон Ч., Гейльбрунн О. Коммунистические партизанские действия. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. С. 94.

4. Партизаны Брянщины: сб. документов и материалов о Брянском партизанском крае в годы Великой Отечественной войны / сост. З. А. Петрова, А. И. Ткаченко, И. И. Фишман. 2-е изд., испр. и доп. Тула: Приок. кн. изд-во, 1970. С. 133.
5. ЦНИ ГАБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 6. Л. 135.
6. Там же. Д. 57. Л. 108.
7. Партизанское движение. С. 26–27.
8. Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (июнь 1941 года – 1945 год): документы и материалы / сост. В. С. Василенко, Е. Д. Орехова; ред. И. Куликова. М.: Госполитиздат, 1961. С. 87.
9. Партизаны Брянщины. С. 21.
10. *Андреев В.* Народная война. Л.: Лениздат, 1961. С. 110.
11. Там же. С. 139–140.
12. Партизаны Брянщины. С. 28.
13. ЦНИ ГАБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 44. Л. 94.
14. Партизаны Брянщины. С. 151.
15. ЦНИ ГАБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 4. Л. 118.
16. Там же. Д. 6, Л. 165.
17. Партизаны Брянщины. С. 308.
18. ЦНИ ГАБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 4, Л. 99.
19. Партизаны Брянщины. С. 272.
20. ЦНИ ГАБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 4. Л. 85.
21. Там же. Л. 86.
22. *Сабуров А. Н.* Силы неисчислимые. М.: Воениздат, 1967. С. 19–20.
23. *Андреев В.* Указ соч. С. 161.
24. Партизаны Брянщины. С. 209.
25. Партизанское движение. С. 58.
26. ЦНИ ГАБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 4. Л. 53.
27. Брянские партизаны: боевой рапорт тов. Сталину и воспоминания. Брянск: Изд-во «Брянский рабочий», 1951. С. 137.
28. ЦНИ ГАБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 30. Л. 8.
29. Партизаны Брянщины. С. 238–240.
30. ЦНИ ГАБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 4. Л. 86.
31. Там же. Д. 49. Л. 119.
32. Там же. Д. 244. Л. 29–31.
33. Там же.
34. *Андреев В.* Указ. соч. С. 142.
35. ЦНИ ГАБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 4. Л. 85.
36. Партизаны Брянщины. С. 338.
37. *Вершигора П. П.* Люди с чистой совестью. М.: Воениздат, 1946. С. 250.
38. ЦНИ ГАБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.
39. Там же. Д. 57. Л. 204.
40. Там же. Д. 16. Л. 5–6.
41. Там же. Д. 6. Л. 137–138.
42. Там же. Д. 4. Л. 52.
43. Там же. Д. 28. Л. 40–41.
44. Там же. Д. 6. Л. 247.
45. Там же. Д. 45. Л. 63.
46. Там же. Л. 70–75.
47. Там же. Л. 95.
48. Там же. Д. 44. Л. 48–49.
49. Там же. Д. 52. Л. 261.
50. Там же. Д. 45. Л. 47.
51. Там же. Д. 4. Л. 8.
52. Там же. Л. 75.
53. Партизаны Брянщины. С. 144.
54. ЦНИ ГАБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 4. Л. 76.
55. Там же. Д. 44. Л. 48–49.
56. *Андреев В.* Указ. соч. С. 150, 158, 159.
57. ЦНИ ГАБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 44. Л. 49.
58. Там же. Д. 6. Л. 135–138.
59. Там же. Л. 138.
60. Там же. Л. 136.
61. *Андреев В.* Указ соч. С. 220.

Notes

1. Zaleski A. I. *V partizanskih krayah i zonah* [In guerrilla zones and edges]. M. Voenizdat. 1962. P. 54.
2. *Partizanskoe dvizhenie (Po opytu Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.)* - The guerrilla movement (the experience of the great Patriotic war of 1941-1945) / Azyasski N. F., Dolgiy S. M., Knyazkov S. A. etc. Zhukovskiy. M. Kuchkovo pole. 2001. P. 14.
3. Dixon Ch., O. Heilbrunn *Kommunisticheskie partizanskie dejstviya* [Communist guerrilla activities]. M. Publishing house of foreign. lit. 1957. P. 94.
4. *Partizany Bryanshchiny: sb. dokumentov i materialov o Bryanskom partizanskom krae v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* - The partisans from the Bryansk region: collection of documents and materials about guerrilla of Bryansk region during the great Patriotic war / comp. Z. A. Petrova, A. I. Tkachenko, I. I. Fishman. 2nd publ., rev. and add. Tula. Priok. book publishing house. 1970. P. 133.
5. SABR (State Archive of Bryansk region). F. 1650. Sh. 1. File 6. Sh. 135.
6. Ibid. File 57. Sh. 108.
7. *Partizanskoe dvizhenie* - The guerrilla movement. Pp. 26-27.
8. *Kommunisticheskaya partiya v period Velikoj Otechestvennoj vojny (iyun' 1941 goda – 1945 god): dokumenty i materialy* - The Communist party in the period of the great Patriotic war (1941 – 1945): documents and materials / ed. V. S. Vasilenko, E. D. Orekhova; edited by I. Kulikova. M. Gospolitizdat. 1961. P. 87.
9. *Partizany Bryanshchiny* - Partisans In The Bryansk Region. P. 21.
10. Andreev V. *Narodnaya vojna* [People's war]. L. Lenizdat. 1961. P. 110.
11. Ibid. Pp. 139-140.
12. *Partizany Bryanshchiny* - Partisans In The Bryansk Region. P. 28.
13. SABR. F. 1650. Sh. 1. File 44. Sh. 94.
14. *Partizany Bryanshchiny* - Partisans In The Bryansk Region. P. 151.
15. SABR. F. 1650. Sh. 1. File 4. Sh. 118.
16. Ibid. D. 6. P. 165.
17. *Partizany Bryanshchiny* - Partisans In The Bryansk Region. P. 308.
18. SABR. F. 1650. Sh. 1. File 4. Sh. 99.
19. *Partizany Bryanshchiny* - Partisans In The Bryansk Region. P. 272.
20. SABR. F. 1650. Sh. 1. File 4. Sh. 85.
21. Ibid. Sh. 86.
22. Saburov A. N. *Sily neischislmye* [The forces are innumerable]. M. Voenizdat. 1967. Pp. 19-20.
23. Andreev V. Op. cit. P. 161.
24. *Partizany Bryanshchiny* - Partisans In The Bryansk Region. P. 209.
25. *Partizanskoe dvizhenie* - The guerrilla movement. P. 58.
26. SABR. F. 1650. Sh. 1. File 4. Sh. 53.
27. *Bryanskie partizany: boevoj raport tov. Stalinu i vospominaniya* - Bryansk guerrillas: combat report to comrade Stalin and memories. Bryansk. Publishing house "Bryanskiy rabochiy". 1951. P. 137.
28. SABR. F. 1650. Sh. 1. File 30. Sh. 8
29. *Partizany Bryanshchiny* - Partisans In The Bryansk Region. Pp. 238-240.
30. SABR. F. 1650. Sh. 1. File 4. Sh. 86.
31. Ibid. D. 49. Sh. 119.
32. Ibid. D. 244. Sh. 29-31.
33. Ibid.
34. Andreev V. Op. cit. P.142.
35. SABR. F. 1650. Sh. 1. File 4. Sh. 85.
36. *Partizany Bryanshchiny* - Partisans In The Bryansk Region. P. 338.
37. Verzhigora P.P. *Lyudi s chistoj sovest'yu* [People with a clear conscience]. M. Voenizdat. 1946. P. 250.
38. SABR. F. 1650. Sh. 1. File 11. Sh. 2.
39. Ibid. File 57. Sh. 204.
40. Ibid. File 16. Sh. 5-6.
41. Ibid. File 6. Sh. 137-138.
42. Ibid. File 4. Sh. 52.
43. Ibid. File 28. Sh. 40-41.
44. Ibid. File 6. Sh. 247.
45. Ibid. File 45. Sh. 63.
46. Ibid. Sh. 70-75.
47. Ibid. Sh. 95.
48. Ibid. File 44. Sh. 48-49.
49. Ibid. File 52. Sh. 261.
50. Ibid. File 45. Sh. 47.
51. Ibid. File 4. Sh. 8.
52. Ibid. Sh. 75.
53. *Partizany Bryanshchiny* - Partisans In The Bryansk Region. P. 144.
54. SABR. F. 1650. Sh. 1. File 4. Sh. 76.
55. Ibid. File 44. Sh. 48-49.
56. Andreev V. Op. cit. Pp. 150, 158, 159.

57. SABR. F. 1650. Sh. 1. File 44. Sh. 49.
58. Ibid. File 6. Sh. 135-138.
59. Ibid. Sh. 138.
60. Ibid. Sh. 136.
61. Andreev V. Op. cit. P. 220.

УДК 94 (470)"1941/1945" (364.012)

Н. В. Чернышева

Социальная поддержка эвакуированного населения в Кировской области в 1941–1945 гг.

В статье рассматриваются основные формы и виды социальной поддержки эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны. Автор отмечает специфику данной социальной категории, принципы оказания помощи, меры государственной, общественной поддержки и частные инициативы граждан.

The article deals with the basic forms and types of social support evacuated population during the Great Patriotic War. The author points out the specifics of this social category, the principles of assistance measures of the state, public support and private initiative of citizens.

Ключевые слова: эвакуированное население, социальная поддержка, Великая Отечественная война.

Keywords: evacuated population, social support, the Great Patriotic War.

Процесс эвакуации включал в себя не только перемещение населения, но и весь комплекс мер по их приему, размещению, оказанию материально-бытовой помощи, трудовому устройству и т. д. Меры социальной поддержки осуществлялись посредством взаимодействия государственных и общественных структур. Данный сложный механизм предстояло наладить и совершенствовать в условиях военного времени.

М. Н. Потемкина выделяет 4 этапа эволюции социальной политики в отношении эвакуанселения: июнь – декабрь 1941 г. – прибытие эвакуированных в восточные районы. Социальная политика не велась, у всех ощущение временности пребывания; январь 1942 – январь 1943 гг. – создание специальных структур, призванных осуществлять хозяйственное устройство эвакуанселения, проводить его переучет; январь 1943 – май 1945 гг. – осуществлялась постоянная и всесторонняя помощь эвакуированным; май 1945 – 1948 гг. – происходит структурная перестройка управленческого механизма [1].

На местах создавались специальные учреждения, занимающиеся вопросами эвакуации. 10 июля 1941 г. в Кировской области был создан Переселенческий отдел. Перед отделом ставилась задача обеспечить эвакуированное население жильем, топливом, работой. В дальнейшем функции Переселенческого отдела были переданы институту Уполномоченного Управления Совета по эвакуации населения по Кировской области. Главной задачей нового учреждения являлись систематизация и приведение в порядок учета эвакуанселения. При Кировском областном исполнительном комитете с 10 июля 1941 г. по 31 января 1942 г. действовал Отдел по эвакуации. Он занимался приемом и отправкой эвакуированных к месту расселения, медицинским обслуживанием в эвакуопунктах и лечебных учреждениях, оказанием помощи отставшим от эшелонов и т. д. В связи с прекращением массового потока эвакуированных Отдел по эвакуации с 1 февраля 1942 г. был упразднен [2].

В это же время было издано постановление СНК СССР о ликвидации Управления Совета по эвакуации населения [3]. Создавались хозяйственные отделы по работе с эвакуированными. В феврале 1942 г. был создан Отдел СНК РСФСР по хозяйственному устройству эвакуированного населения, который просуществовал до 31 января 1942 г. [4] В задачи отдела входили:

– руководство и контроль за деятельностью местных органов власти по хозяйственно-бытовому обслуживанию эвакуированного населения при-фронтной полосы и тыловых районов РСФСР;

– руководство вопросами переселения колхозных хозяйств РСФСР;
– наблюдение за передвижением на территории РСФСР эшелонов и обслуживанием в пути населения в связи с эвакуацией или в порядке переселения колхозных хозяйств.

Отдел включал в себя три главных сектора: сектор перевозок; сектор трудоустройства и бытового обслуживания населения; сектор переселения колхозных хозяйств, а также учетно-статистическое бюро [5]. Данное учреждение просуществовало до конца войны и было реорганизовано в Переселенческое управление осенью 1945 г.

Первостепенная задача работы местных органов – принять и разместить эвакуированное население. Миграционные процессы обострили жилищную проблему в регионе, особенно в городах, где наблюдался значительный рост численности населения. Только за первый год войны в г. Кирове были размещены 54 тыс. эвакуированных граждан. К 1 января 1942 г. они составляли четверть населения областного центра [6].

Для размещения эвакуированных предоставлялись самые вместительные здания (помещения Автомотоклуба, фабрики «Гармония» и т. д.). Из крупных городских поселений неработающее население (в том числе эвакуированное) в обязательном порядке переселялось в сельскую местность [7].

Одним из главных способов решения жилищных вопросов стало уплотнение жильцов. С целью выявления свободных или малозаселенных помещений местными Советами регулярно проводились проверки жилой площади. Уплотнение осуществлялось за счет снижения санитарных норм до 5 кв. м на 1 чел. Таким образом, жильем обеспечили 19 тыс. эвакуированных в областной центр.

В сложившейся ситуации 13 сентября 1941 г. СНК СССР принял постановление «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения», которое предусматривало расширение устройства жилья упрощенного типа (бараков, казарм, полужемлянок) [8]. Государство предоставляло кредиты на строительство индивидуального жилья, брало часть денежных расходов на себя, а также оказывало помощь транспортом и строительными материалами. Кировской области ассигновано на барачное строительство для эвакуированного населения 2300 тыс. руб. [9]

К 1 января 1942 г. в Кировской области планировалось построить 32 объекта, в основном жилые дома различного типа и столовые. В среднем к указанному сроку строительство было выполнено лишь на 30%. Возведение более десятка бараков, сдача в эксплуатацию которых была запланирована на весну 1942 г., даже не начиналось [10]. В последующие военные годы система построек барачного типа получила широкое распространение. К началу 1943 г. бараки и другое упрощенного типа жилье составляли 14,3% жилфонда Волго-Вятского региона [11].

По неполным данным, в г. Кирове на 1 апреля 1942 г. проживали 11610 эвакуированных семей. Из них 8469 семей прибыли с предприятиями и учреждениями в организованном порядке, неорганизованно – 2441 семья (13969 взрослых и 5274 ребенка). Эвакуированные занимали 2502 отдельные комнаты, 893 – проходные комнаты, и 4429 чел. расселены на уплотнение [12].

В сводках многих заводов сообщалось: «У эвакуированных “чемоданное настроение”. Особенно на заводе № 32 рабочие стремились быстрее уехать» [13]. Подобным настроениям способствовало принятие постановления СНК СССР от 16 февраля 1942 г. «Об освобождении жилой площади местных Советов и предприятий, занимавшейся ранее рабочими и служащими, эвакуированными на Восток» [14]. Изъятое жилье поступало в распоряжение местных Советов. Оставшееся в квартирах имущество могло быть передано родственникам, знакомым, поступало в продажу в комиссионные магазины.

За 1941–1943 гг. для эвакуированных предприятий было построено 125570 кв. м производственных площадей и 6600 кв. м жилой площади. Например, на заводе «Красный инструментальщик» за период 1943–1944 гг. было пущено семь домов площадью 2143 кв. м. Так руководство завода пыталось хотя бы частично решить жилищную проблему. В них проживали 321 рабочий и 180 иждивенцев. Но по-прежнему жилплощадью было обеспечено только 33% рабочих [15]. До конца войны жилищная проблема на заводе не была решена.

В районах области ситуация была еще хуже. Из-за нерационального распределения населения с целью дальнейшего трудоустройства эвакуированных повторно переселяли. 90% эвакуированных размещали в районных центрах (Белохолуницкий, Слободской, Советский, Яранский районы). Точного учета населения не велось.

На колхозы возлагались задачи по обеспечению эвакуантов не только жильем, но и топливом, продовольствием и бытовыми предметами. У многих колхозов просто не было средств и возможностей оказать такую помощь, поэтому эвакуированные вынуждены были сами заготавливать дрова. Денег для покупки товаров на рынке не было. Сеть общественного питания во многих районах отсутствовала. Основным продуктом был выдаваемый по нормам хлеб. Местные

жители пытались избавиться от эвакуированных, лишая их минимальных удобств. Например, в колхозе «Доброволец» Халтуринского района хозяин дома, где проживала эвакуированная А. А. Суворова, не отпирает ей дверь, мотивируя, что та возвращается поздно с работы [16].

Проблему размещения эвакуированных рабочих Кировский городской исполнительный комитет также решал путем предоставления земельных участков под строительство жилых помещений. Заводу № 461 под строительство десяти деревянных и восьми квартирных домов выделена земля площадью 2,58 га у слободы Мухино, заводу № 324 – 15 га с северной стороны промышленной площадки предприятия, заводу «Красный инструментальщик» – земельный участок площадью 5078,59 кв. м в слободе Шевели [17].

В связи с возросшими темпами миграции большое значение приобрело банное и прачечное обслуживание населения. За годы войны в городах области были построены 12 коммунальных бань. Всего в области к концу войны действовали 54 коммунальные бани и санитарных пропускных пунктов. В целом пропускная способность бань выросла в 2 раза и составляла на момент окончания войны 3918 мест в сутки.

Продовольственное снабжение эвакуированного населения осуществлялось по общим правилам, но наладить его удавалось не всегда (карточная система, сеть общепита).

В сложных условиях передвижения больших масс населения резко возросло количество заболеваний. В одной из справок о санитарном состоянии станции Лянгасово сообщалось: «В пути эвакуированные лишены медпомощи. Почти после каждого эшелона на путях остаются трупы. Их складывают в сарайчик, где они лежат неизвестное время» [18]. Подобная ситуация была на многих станциях.

Наибольшее распространение эпидемические заболевания получили в населенных пунктах, расположенных при железнодорожных линиях (Зуевский, г. Киров, Котельничский районы), на трактах (Вятскополянский, Свечинский, Слободской), а также в районах массового вселения эвакуированных (все названные выше и Кикнурский, Омутнинский, Просницкий, Шабалинский) [19]. Пик распространения инфекций пришелся на осень 1941 г. – зиму 1942 г. По сообщениям Противоэпидемического управления, «весьма тяжелая эпидемическая обстановка сложилась на отдельных участках при-фронтальной полосы, особенно в зоне эвакуации населения» [20]. Заболеваемость в Кировской области сыпным тифом в 1942 г. по сравнению с предыдущим годом увеличилась на 1447,9%, цингой – на 1478,3%, брюшным тифом и паратифом – на 180,8% [21]. Наиболее крупными очагами сыпного тифа являлись ст. Киров-1, Кировская тюрьма, завод № 38 [22].

Эвакуация населения и промышленных предприятий в глубокий тыл страны решала двойную задачу: во-первых, сохранять жизнь многим гражданам и спасти от разграбления государственные предприятия; во-вторых, незамедлительно приводить в действие производительные силы на новом месте и тем самым непрерывно наращивать военно-экономическую мощь нашей Родины [23].

19 сентября 1941 г. Кировский областной исполнительный комитет принял решение «О расселении и трудоустройстве эвакуированного населения» [24]. Сведения о трудоустройстве эвакуированных в первые месяцы войны являются далеко не полными. На 14 октября 1941 г. по 14 районам Кировской области числились 20632 эвакуированных трудоспособного возраста, из которых 53,8% – работали в промышленности (главным образом на эвакуированных предприятиях), 32,9% – в сельском хозяйстве, 7,5% – в строительстве, 5,8% – не трудоустроены.

Наиболее полные сведения о структуре трудоспособного эвакуированного населения имеются за 1942 г. Они соответствуют специфике половозрастного состава эвакуированного и прибывшего в регион населения в целом. Из общего количества эвакуированных 85767 чел. (43,8%) относились к категории «трудоспособные», из них 74685 чел. (87,1%) – трудоустроены. 43% трудящихся эвакуированных работали в колхозах, 30,5% в промышленности, 22,6% в промкооперации и 3,9% в учреждениях [25].

По неполным данным, на 1 марта 1943 г. на территории РСФСР числились 5125,5 тыс. эвакуированных, из них трудоустроены 2023,5 тыс. чел. По отдельным областям и краям процент трудоустроенных колебался от 96,3% (Удмуртская АССР), 96,0% (Чувашская АССР), 92,0% (Чкаловская и Саратовская области) до 66,0% (Тамбовская область). Большинство трудоустроенных работали в промышленности – 756,7 тыс. чел. (39,0%), совхозах, МТС и колхозах – 699,0 тыс. чел. (35,9%), государственных учреждениях – 417,0 тыс. чел. (21,4%) и в прочих (транспорт, связь и т. д.) – 74,0 тыс. чел. (3,7%) [26].

На 1 января 1944 г. в Кировской области проживали 142,6 тыс. эвакуированных: в городах – 40,6 тыс., в сельской местности – 102,0 тыс. Трудоспособных – 68,0 тыс. (47,7%), трудоустроены – 52,6 (77,4%).

Особую заботу и внимание оказывали детским эвакуированным учреждениям. По данным Отдела СНК РСФСР по хозяйственному устройству эвакуированного населения, за 1943 г. были эвакуированы 2 тыс. детских учреждений с общей численностью 233,5 тыс. детей. Уже 18 июля 1941 г. Кировский областной исполнительный комитет принял решение «Об обслуживании детских домов, детских садов, эвакуированных в Кировскую область» [27].

Все прибывшие детские организации были прикреплены к лечебно-профилактическим учреждениям для проведения медицинских осмотров и оказания регулярной медицинской помощи. Особенно в ней нуждались ленинградские дети. К 30 июля 1941 г. в Кировскую область были эвакуированы около 3 тыс. ленинградских детей. Всего в 1941 г. в область прибыли 205 детских интернатов, в том числе 65 школьных, 16 дошкольных и 123 смешанных с общим количеством 22 855 чел. [28] Для размещения интернатов в Кировской области было отдано 400 лучших школьных зданий [29].

На 1 сентября 1941 г. для эвакуированных детей и взрослых было выдано хлопчатобумажной ткани на 490 тыс. руб., детской обуви – 3590 пар, трикотажных и чулочных изделий – на 160 тыс. руб., обуви валенной – на 45 тыс. руб., готовой одежды – на 370 тыс. руб.

Местным артелям была поставлена задача изготовить пальто ватное школьное – 6,3 тыс. шт., дошкольное – 11,4 тыс. шт., платье – 10,4 тыс. шт., сорочка для мальчиков – 7,3 тыс. шт., для девочек – 10,4 тыс. шт., штаны – 10,4 тыс. шт., кальсоны – 7,3 тыс. шт. [30]

В апреле 1942 г. установлены нормы отпуска хлеба для детей дошкольного возраста в местных и эвакуированных детских домах и интернатах в размере 400 гр. в сутки на ребенка и 600 гр. для детей школьного возраста. Однако при детских домах Кировской области до того времени не были организованы свинооткормочные пункты, подсобные хозяйства [31].

Во всех учреждениях было много ослабленных детей со сложными заболеваниями: авитаминозом, фурункулезом, туберкулезом. Из 500 эвакуированных детей в учреждениях Слободского района обнаружены 97 больных дистрофией и 63 – туберкулезом [32].

В связи с реэвакуацией и структурной реорганизацией количество интернатов и находящихся в них воспитанников сократилось. В 1943 г. в Кировской области насчитывалось 154 интернатов, в которых находились 13 250 детей. Из общего количества детей в интернатах 7495 – дети фронтовиков, 1590 – сироты, потерявшие родителей в условиях войны, 265 – никаких сведений о родителях не имели, у 2835 воспитанников отцы либо погибли, либо находились на фронте (матери жили в Кировской области, но не могли заниматься их воспитанием), у 530 детей родители были эвакуированы в другие тыловые регионы, и об их судьбе ничего не было известно [33]. С момента эвакуации по 1 апреля 1943 г. были переданы родителям и близким родственникам 9405 детей, направлены в школы фабрично-заводского обучения – 106, устроены на работу – 56.

Жители Кировской области пытались помочь эвакуированным детским учреждениям. В 1942 г. местной промышленностью были изготовлены для детей 14000 пар кожаной обуви и 10000 пар валенок. По 33 районам области для них было собрано 20337 вещей (варежки, пальто, одеяла и т. д.). Местные колхозы брали их под свою опеку, помогая продовольствием и промышленными товарами, заготавливая для них дрова и т. д. Повсеместно получил поддержку пример учительниц А. М. и Е. М. Костриковых, предложивших брать шефство над эвакуированными детьми. В г. Кирове при детских домах и интернатах для эвакуированных детей были организованы комитеты женщин-общественниц [34].

Комсомольцы и молодежь, помогая детским учреждениям в подготовке к зиме, собирали для детей теплую одежду и обувь. Для учащихся 1-х классов комсомольцы и молодежь промартели и промкооперации изготовили 40 тыс. комплектов учебно-наглядных пособий.

В марте 1942 г. состоялся областной партийно-советский и комсомольский актив, обсудивший состояние работы детских учреждений и условия жизни в них детей. Обращение, принятое активом, подняло новую волну помощи детям бойцов Красной армии.

Отклик среди молодежи, комсомольцев, рабочих и служащих области нашел почин нашего земляка-кировчанина капитана Тихоокеанского флота Петра Безносикова, взявшего на воспитание девочку-сироту Надю, родители которой погибли. Мать Петра Безносикова призвала кировских патриотов последовать примеру ее сына.

С началом войны помощь матерям и детям оказывалась и по линии Красного Креста. Большая работа была проведена силами активистов Красного Креста на эвакуационных пунктах, где они ухаживали за детьми, давая матерям отдых, приносили им пищу, стирали пеленки, под руководством врача оказывали первую медицинскую помощь. Организации Красного Креста области приложили все усилия, чтобы обеспечить разгрузку эвакуэшелонов.

Дружинница Туманова со своим звеном оказала помощь матери и новорожденному и приняла роды в вагоне. Особенно хорошо работали девушки в детской комнате, они ухаживали за детьми, кормили и мыли их, стирали белье, приобретали игрушки.

Многие женщины оказывали эвакуированным детям помощь. Так, в с. Шестаково женщины срочно сшили постельное белье для эвакуированных детей. В Комаровском сельсовете Лебяжского района в одну ночь были приготовлены топчаны для всех детей, доставлено молоко, яйца, хлеб.

Женский актив и учителя г. Молотовска подготовились к встрече детского дома. Заранее приспособили помещение, приготовили горячую пищу. По приезде детей вымыли в бане и накормили.

В ноябре 1941 г. состоялось областное совещание женщин-общественниц по вопросу оказания шефской помощи эвакуированным детским учреждениям, ими были взяты конкретные обязательства.

В большинстве районов прошли районные женские активы. Женщины-активистки Зуевского района энергично включились в помощь имеющимся детским учреждениям. В совхозе им. К. Ворошилова этого района женщины организовали комнаты отдыха для ребят. Женщины оказали большую помощь интернату в заготовке продуктов на зиму, в стирке, пошивке и починке белья.

В январе 1942 г. общественность колхоза «Сталинец» Верховинского сельского совета Верховинского района, обсудив на общем колхозном собрании вопрос о помощи эвакуированным детям, обратилась к колхозникам и колхозницам области с призывом создать для детских учреждений продовольственные и денежные фонды, обеспечить их топливом на весь год. Колхозы, совхозы, заводы и предприятия брали шефство над детскими учреждениями, оказывая им большую помощь как в разрешении хозяйственных дел, так и в вопросах воспитания детей.

8 марта 1942 г. проводился областной воскресник помощи детям. В воскреснике участвовали свыше 70 тыс. чел. В результате было собрано средств для детей свыше 500 тыс. руб. Собрано и изготовлено 33 тыс. вещей, обуви, одежды, продуктов питания.

Эвакуация населения в тыл дала шанс миллионам граждан выжить в период войны. Эвакуированным рабочим, колхозникам, интеллигенции – всем им предстоял нелегкий путь адаптации к новым условиям. Большинство местных жителей стремилось помочь эвакуированным. Война – общая беда, общее горе, и вера в Победу сплотила всех. Именно это позволило эвакуированному населению пережить голодные годы, работать на пределе человеческих возможностей и ждать, когда наступит возможность вернуться в родные края. Для некоторых из них Кировская область навсегда осталась родным домом.

Примечания

1. Потемкина М. Н. Эвакуационно-реэвакуационные процессы на Урале в 1941–1948 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2004. С. 185.
2. Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 883. Л. 20–21.
3. Перчиков Ю. А. Советы Волго-Вятского региона РСФСР. 1941–1945 гг. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1992. С. 16.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-327. Оп. 2. Д. 8. Л. 17.
5. ГАРФ. Ф. Р-327. Оп. 2. Д. 7. Л. 1–2.
6. ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 14. Д. 2. Л. 43.
7. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 3. Д. 328. Л. 99.
8. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.): в 5 т. Т. 3. 1941–1952 гг. / сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. М.: Изд-во полит. лит., 1968. С. 65.
9. ГАРФ. Ф. Р-327. Оп. 2. Д. 44. Л. 3.
10. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (далее – ГАСПИ КО). Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 26. Л. 66.
11. Загвоздкин Г. Г. Цена победы. Социальная политика военных лет. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1990. С. 185.
12. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 3. Д. 396. Л. 23.
13. ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 7. Д. 72. Л. 19.
14. ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 617. Л. 48.
15. ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 9. Д. 209. Л. 38.
16. ГАСПИ КО. Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 28. Л. 41.
17. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 8. Д. 4. Л. 180, 192, 212.
18. ГАСПИ КО. Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 26. Л. 132.
19. ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 684. Л. 128 об.
20. ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 3. Д. 261. Л. 1.

21. ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2 Д. 472. Л. 11.
22. ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 8. Д. 71. Л. 112.
23. Щеголев К. М. Участие эвакуированного населения в колхозном производстве Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // История СССР. 1959. № 2. С. 139.
24. ГАСПИ КО. Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 6. Л. 164–165.
25. ГАСПИ КО. Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 21. Л. 227–227 об.
26. ГАРФ. Ф. Р-327. Оп. 2. Д. 8. Л. 19.
27. Горев Н. А. Эвакуированные ленинградцы на Кировской земле // Вопросы истории. 1986. № 8. С. 181.
28. Кировская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны: сб. документов / сост. П. А. Березин, А. С. Быстрова, П. И. Корепанов. Киров: Киров. кн. изд-во, 1961. С. 224.
29. ГАКО. Ф. Р-2342. Оп. 1. Д. 238. Л. 220–221.
30. ГАРФ. Ф. Р-327. Оп. 2. Д. 44. Л. 20.
31. ГАРФ. Ф. Р-327. Оп. 2. Д. 44. Л. 17.
32. ГАКО. Ф. Р-2169 Оп. 1. Д. 809. Л. 33.
33. Кировская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны. С. 234.
34. Лихоманов М. И., Позина Л. Т., Финоянов Е. И. Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. С. 49.

Notes

1. Potemkina M. N. Jevakuacionno-rejevakuacionnye processy na Urale v 1941–1948 gg.: dis. ... d-ra. ist. nauk [Evacuation and recovery processes are in the Urals in 1941–1948 gg. : dis. ... Dr. Hist. Sciences]. Ekaterinburg, 2004. P. 185.
2. State archive of the Kirov region (hereinafter – SAKR). F. R-2169. In. 1. C. 883. L. 20–21.
3. Perchikov Y. A. Sovety Volgo Vjatskogo regiona RSFSR. 1941–1945 gg. [Soviet Volga Vyatka region of the RSFSR. 1941–1945. Saratov: Publishing house of Saratov]. University Press, 1992, p. 16.
4. State Archive of the Russian Federation (hereinafter – SARF). F. R-327. In. 2. C. 8. L. 17.
5. SARF. F. R-327. In. 2. C. 7 L. 1–2.
6. SAKR. F. R-2344. In. 14. C. 2. L. 43.
7. SAKR. F. R-897. In. 3. C. 2. L. 99.
8. Reshenija partii i pravitel'stva po hozjajstvennym voprosam (1917–1967 gg.): v 5 t. T. 3. 1941–1952 gg. [The decisions of the party and the government on economic matters (1917–1967 gg.): 5 volumes. Vol. 3. 1941–1952 gg.] / Comp. K. Chernenko, M. Smirnyukov. M.: Publishing House of Political Literature, 1968. P. 65.
9. SARF. F. R-327. In. 2. C. 44. L. 3.
10. State Archive of Social and Political History of the Kirov region (hereinafter – SASPHKR). F. P-1291. In. 1. C. 26. L. 66.
11. Zagvozdkin G. G. Cena pobedy. Social'naja politika voennyh let [Price of victory. Social policy of the war years]. Kirov: Volga-Vyat. Vol. Publishing House, 1990. 185 pp.
12. SAKR. F. R-897. In. 3. C. 396. L. 23.
13. SASPHKR. F. P-1290. In. 7. C. 72. L. 19.
14. SAKR. F. R-2169. In. 1. C. 617. L. 48.
15. SASPHKR. F. P-1290. In. 9. C. 209. L. 38.
16. SASPHKR. F. P-1291. In. 1. C. 28. L. 41.
17. SAKR. F. R-897. In. 8. C. 4. L. 180, 192, 212.
18. SASPHKR. F. P-1291. In. 1. C. 26. L. 132.
19. SAKR. F. R-2169. In. 1. C. 684. L. 128 об.
20. SARF. F. R-8009. In. 3. C. 261. L. 1.
21. SAKR. F. R-2344. In. 2. C. 472. L. 11.
22. SASPHKR. F. P-1290. In. 8. C. 71. L. 112.
23. Shchegolev K. S. Uchastie jevakuirovannogo naselenija v kolhoznom proizvodstve Zapadnoj Sibiri v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Involvement the evacuated population in collective farm production in Western Siberia during the Great Patriotic War] // History of the USSR. 1959. № 2. P. 139.
24. SASPHKR. F. P-1291. In. 1. C. 6. L. 164–165.
25. SASPHKR. F. P-1291. In. 1. C. 21. L. 227–227 об.
26. SARF. F. R-327. In. 2. C. 8. L. 19.
27. Egorov N. A. Jevakuirovannye leningradcy na Kirovskoj zemle [Evacuated from Leningrad in Kirov land] // Questions of history. 1986. № 8. P. 181.
28. Kirovskaja oblastnaja partijnaja organizacija v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: sb. dok. [Kirov regional party organization during the Great Patriotic War: sat. doc.] / Comp. by P. Berезин, A. Bystrov, P. I. Korepanov. Kirov: Kirov. Vol. Publishing House, 1961. 224 pp.
29. SAKR. F. R-2342. In. 1. C. 238. L. 220–221.
30. SARF. F. R-327. In. 2. C. 44. L. 20.
31. SARF. F. R-327. In. 2. C. 44. L. 17.
32. SAKR. F. R-2169. In. 1. C. 809. L. 33.

33. Kirovskaja oblastnaja partijnaja organizacija v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: sb. dok. [Kirov regional party organization during the Great Patriotic War: sat. doc.] / Comp. by P. Berezin, A. Bystrov, P. I. Korepanov. Kirov: Kirov. Vol. Publishing House, 1961. P. 234.

34. Likhomanov M. I., Pozina L. T., Finoyanov E. I. Partijnoe rukovodstvo jevakuacij v pervyj period Velikoj Otechestvennoj vojny [Party leadership evacuation in the first period of the Great Patriotic War]. L.: Publisher Leningrad University, 1985. P. 49.

УДК 94(4) "1953/1988"

Р. А. Соловьев

Некоторые аспекты участия подразделений Советской армии в пресечении массовых беспорядков в 1950–1980-х гг.

В статье анализируется деятельность подразделений Советской армии в ходе оказания помощи подразделениям милиции и внутренних войск по пресечению массовых беспорядков в 1950–1980-х гг. Отдельно рассматривается деятельность органов государственного управления по урегулированию социальных конфликтов, провоцирующих массовые беспорядки. Прослеживается изменение структуры, а также форм и методов работы правоохранительных органов по поддержанию общественного порядка на рассматриваемом историческом этапе. В статье затрагиваются вопросы правового регулирования участия военнослужащих в пресечении массовых беспорядков.

The article analyzes the activities of the units of the Soviet Army in the course of assisting the police and internal troops for the suppression of riots. We consider separately the activities of state administration bodies for the settlement of social conflicts, provoking riots. Observed changes in the structure, forms and methods of work of law enforcement agencies to maintain public order on the historical stage. The article touches upon the issues of legal regulation of participation of military personnel in riot control.

Ключевые слова: Советская армия, внутренние войска, охрана общественного порядка, социальный протест, национальные проблемы, национализм, массовые беспорядки, правоохранительные органы.

Keywords: The Soviet Army; internal troops; the protection of public order; social protest; national problems; nationalism; riots; law enforcement agencies.

Многие исследователи сходятся во мнении, что обеспечение общественной безопасности является одной из важнейших функций государства [1]. Наиболее опасным посягательством на общественную безопасность являются массовые беспорядки. Для их пресечения власти в СССР нередко прибегали к помощи Вооруженных сил.

Участию подразделений Советской армии в пресечении массовых беспорядков во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. посвящено немало исследований [2] и мемуаров военачальников [3]. В то же время опыт участия Вооруженных сил СССР в подобных операциях во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг. освещен в гораздо меньшей степени. В работах, посвященных проблемам массовых беспорядков в СССР и развитию отечественных Вооруженных сил во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг., вопрос участия подразделений Советской армии в пресечении массовых беспорядков не становился предметом специальных исследований и большей частью исследователей рассматривается фрагментарно и без подробного анализа [4].

В официальных данных, например в «Справке о массовых беспорядках, имевших место в стране с 1957 г.», подготовленной в марте 1988 г. Председателем КГБ СССР В. Чебриковым для генерального секретаря ЦК КПСС М. Горбачева, приводятся данные о 24 случаях массовых беспорядков в 1957–1987 гг. [5] В работах исследователя протестного движения в СССР В. Козлова отмечается, что этот и другие официальные списки не отличаются полнотой [6].

В рамках данной статьи попытаемся восполнить имеющийся пробел и обозначить степень участия Советской армии в пресечении массовых беспорядков 1950–1980-х гг.

В целом во второй половине 1950-х гг. после смерти И. Сталина в СССР проходят позитивные процессы, связанные со сменой курса партии, когда наряду с продолжающейся индустриализацией и освоением целинных земель шел постепенный демонтаж сталинской модели руко-

дства государством, основанной на опоре на страх и репрессиях как методах управления. Однако новая политика, отягощенная множеством недомолвок, непредсказуемостью решений руководства страны, отсутствием продуманной социальной политики в регионах, ростом преступности, приводит к осложнению обстановки в стране. Социальные противоречия начинают проявлять себя более открыто, нежели в период сталинского руководства.

Отличительной особенностью административно-правоохранительной политики, которую проводил новый руководитель страны Н. Хрущев после отстранения своих политических оппонентов, стало последовательное ослабление и устранение ряда государственных органов. Прежде всего это коснулось тех министерств, в которых были сильны позиции его недавних противников, в частности Министерства внутренних дел (МВД) СССР. Например, по сведениям, предоставленным руководством МВД СССР в ЦК КПСС в декабре 1956 г., численность оперативных частей внутренних войск, одной из задач которых было в том числе пресечение массовых беспорядков, с 1953 по 1956 г. сократилась более чем в три раза. К концу 1956 г. их численность составила лишь 17966 человек, причем больше половины подразделений размещались в Москве и Ленинграде, тогда как в местах масштабныхстроек в Казахстане, Южном Урале и в Сибири, где будет зафиксирована большая часть случаев массовых беспорядков, оперативных частей МВД не было вовсе [7].

Анализ указов и постановлений правительств СССР и союзных республик, ведомственных приказов показывает, что в годы «хрущевской оттепели» в работе органов внутренних дел основной упор делался на повышении роли общественности (трудовых коллективов, товарищеских судов, народных дружин).

Поспешность и непродуманность реформ привела к ослаблению милиции и органов государственной безопасности, которые не могли в полной мере контролировать ситуацию в стране.

Уже первые случаи массовых беспорядков, произошедших в марте 1956 г. в нескольких городах Грузинской ССР, застали власти врасплох и показали, что справиться с ними своими силами милиция не способна. Беспорядки начались в Тбилиси 5 марта 1956 г. как реакция населения на «секретный» доклад Н. Хрущева о культе личности Сталина.

Выступления, начавшиеся с организованных возложений цветов к памятнику И. Сталину, быстро приобрели насильственный характер. На улицах избивали прохожих, работников милиции, угоняли автотранспорт.

К 10 марта на нескольких площадях в центре Тбилиси проходили многотысячные митинги, на которых выкрикивались различные лозунги, в том числе и с призывами к погромам. В городе возводились баррикады, была прекращена работа общественного транспорта [8].

Сил милиции для пресечения беспорядков было явно недостаточно, а переброска оперативных частей внутренних войск потребовала бы большого времени, что могло еще больше усугубить ситуацию. Кроме того, работники местной милиции особой инициативы в пресечении беспорядков не проявляли.

Руководством страны было принято решение задействовать для наведения порядка в городе подразделения Закавказского военного округа [9].

Приказом начальника Тбилисского гарнизона с 0 часов 10 марта в городе вводилось военное патрулирование. Содержание документа наряду с текстом «Обращения к коммунистам, комсомольцам, к рабочим и служащим, ко всем трудящимся Тбилиси!» передавались по радио каждые 15–20 минут на грузинском и русском языках.

Первые столкновения митингующих и военнослужащих произошли уже вечером 9 марта. При попытке прорыва оцепления солдат возле Дома связи нападавшими было применено оружие. Военнослужащие открыли ответный огонь. В течение всей ночи с 9 на 10 марта военнослужащие с использованием бронетехники занимались вытеснением митингующих с площадей города.

В результате жестких столкновений убитые и раненые были с обеих сторон. По данным МВД Грузии, только во время столкновений у Дома связи и у монумента И. Сталину были убиты 15 и ранены 54 человека. Кроме того, за несколько дней волнений получили ранения 146 работников милиции [10].

Утром 10 марта в местах, где проходили митинги, было выставлено вооруженное оцепление из солдат, по основным улицам, на перекрестках, на мостах, на выездах с магистралей располагались войсковые пикеты.

Попытки организовать новые митинги резко пресекались. Уже к 12 марта обстановка в городе нормализовалась. Боевая техника из города была убрана, но военные патрули еще некоторое время продолжали нести службу.

Существенное сокращение в середине 1950-х гг. количества заключенных привело к истощению прежних источников дешевой рабочей силы. Для поиска новых форм замещения прину-

дительного труда вольнонаемным требовались время и большие финансовые затраты. Но власти к таким затратам оказались не готовы. Партийное руководство страны попыталось решить проблему привлечением на стройку молодежи и военнослужащих. Всех их ждали неустроенная жизнь, часто начинавшаяся на пустом месте, перебои в снабжении продовольствием, иногда нехватка простой питьевой воды [11].

Рабочие на местах, возмущенные бытовой неустроенностью и откровенно наплевательским отношением руководства предприятий, очень быстро переходят к открытым выступлениям.

По подсчетам В. Козлова, всего в местах масштабных строек и освоения целинных земель зафиксировано 94 случая массовых беспорядков [12]. Следует отметить, что в отдельных случаях зачинщиками массовых беспорядков становились военнослужащие, привлеченные для работы на объектах народного хозяйства.

Милиция на местах оказалась не в состоянии предотвратить и пресечь беспорядки, в результате развернулась практика привлечения армейских подразделений для наведения порядка.

Самые массовые выступления прошли в августе 1959 г. в городе Темиртау Карагандинской области Казахской ССР, где проходило строительство металлургического комбината.

По материалам расследования, сохранившимся в фондах ЦК КПСС, текущая строительная ситуация, вызванная неудовлетворительными бытовыми условиями и бездушным отношением к людям, достигла огромных размеров, однако руководители стройки вместо улучшения условий и закрепления кадров непрерывно требовали направления на строительство завода нового пополнения и реальных мер по предотвращению социальной напряженности не предпринимали [13].

Местное начальство не только не хотело или не умело улучшить положение дел на производстве и в быту, но отказывалось даже выслушивать претензии. Обычно жалобщиков грубо выгоняли из кабинетов, а у некоторых руководителей в приемных рядом с обычными секретаршами сидели еще и дружинники, которые не пускали рабочих на прием [14]. Рабочие просто не имели легальной возможности донести свои жалобы до руководства стройки и местного начальства.

Беспорядки, вспыхнувшие вечером 1 августа в рабочем поселке, уже на следующий день охватили весь город. В течение нескольких дней продолжались погромы магазинов, нападения на работников милиции и дружинников. Обстановку в городе удалось нормализовать только после привлечения для наведения порядка нескольких сотен военнослужащих.

В ходе массовых беспорядков в Темиртау 109 солдат и офицеров получили ранения, в том числе 32 – из огнестрельного оружия. Среди участников волнений были убиты 11 и ранены 32 человека (пятеро впоследствии умерли). Городу был нанесен ущерб на сумму свыше 2 миллионов рублей [15].

Центральная власть пыталась решать проблемы не только силовыми способами, но и решением насущных вопросов населения, с одновременным жестким контролем за местным начальством. Участники массовых выступлений редко выдвигали невыполнимые условия и чаще всего требовали соблюдения существующих законов и правил, поэтому руководство страны легко шло на уступки и выполняло, а нередко и «перевыполняло» требования протестующих. И только после решения проблем рабочих и усиления сил милиции удавалось взять ситуацию под контроль и события, подобные выступлению в Темиртау, не повторялись.

В большинстве работ, посвященных протестному движению в СССР, особое внимание акцентируется на выступлениях, вызванных экономическими трудностями.

На рубеже 1950–1960-х гг. в Советском Союзе стали очевидными серьезные проблемы в экономике, которая была в значительной мере дестабилизирована необдуманной реформой и «штурмовщиной». Экономические трудности вызвали возмущение граждан, создавали предпосылки для роста оппозиционных настроений, провоцировали невыгодные для власти сравнения между декларируемыми целями и унылой действительностью. Дисбаланс зарплаты и цен на потребительские товары, отчасти вызванный уступками рабочим во второй половине 1950-х гг., обострял традиционную советскую проблему дефицита и вызывал рост недовольства населения.

После публикации 31 мая 1962 г. Постановления ЦК КПСС о повышении цен на мясомолочные продукты произошли стихийные выступления рабочих во многих регионах страны.

Самые крупные беспорядки произошли в Новочеркасске в июне 1962 г. В результате применения военнослужащими оружия 2 июня на городской площади и у отдела милиции были убиты 22 и ранены 39 участников беспорядков.

События в Новочеркасске стали самым известным и резонансным случаем привлечения военнослужащих для ликвидации массовых беспорядков. Отдельные исследователи даже пытаются найти исторические параллели между этими событиями и печально известным «Ленским расстрелом» [16]. Однако результаты проведенного в 1989 г. Главной военной прокуратурой расследования и анализ архивных документов показывают, что приказа о применении оружия для

нормализации обстановки руководством Северокавказского военного округа отдано не было, но участие внутренних войск и подразделений Советской армии, имевших заряженное оружие, делало трагическую развязку неизбежной. Было выяснено, что некоторые демонстранты пытались вырвать оружие из рук стоящих в оцеплении солдат, которые, отбиваясь, и произвели выстрелы. Было также установлено, что генерал-майор Олешко, руководивший действиями подразделений Советской армии, никаких команд на применение оружия военнослужащими против демонстрантов не давал, а, наоборот, пытался криками остановить стрелявших.

Подразделения Советской армии были задействованы только после того, как протестующие от мирных выступлений перешли к хулиганским действиям (была перекрыта железная дорога, разгромлены здания городского отдела милиции и КГБ), а находящиеся к тому времени в городе военнослужащие внутренних войск (около 650 человек) самостоятельно навести порядок в Новочеркасске не могли.

Имеющиеся версии о снайперах, которые вели прицельную стрельбу по демонстрантам, а также целенаправленном расстреле участников беспорядков не находят документального подтверждения.

Была опровергнута и версия о том, что отдельные военнослужащие отказывались принимать участие в операции в Новочеркасске [17].

Выступления рабочих, прошедшие в Донбассе, Кузбассе и Иваново, также были подавлены с помощью армейских подразделений, но не были такими кровопролитными и поэтому широкой огласки не получили.

Все эти случаи показали неспособность милиции в том ее существующем виде оперативно и адекватно реагировать на возникающие беспорядки. Необходимы были кардинальные изменения.

Добровольные народные дружины, построенные на принципе принудительного членства, также не смогли стать эффективным инструментом охраны общественного порядка.

Во второй половине 1960-х гг. после смены руководства страны произошло сворачивание либерального курса, начатого Н. Хрущевым. В том числе это выразилось и в отказе от децентрализации правоохранительных органов и привлечения к правоохранительной деятельности общественности.

В июле 1966 г. руководством страны принято решение вернуться к централизованной системе борьбы с преступностью и образовать союзно-республиканское Министерство охраны общественного порядка СССР (МООП СССР).

Руководителем образованного министерства становится Н. Щелоков, один из ближайших соратников нового главы государства Л. Брежнева. Он начинает реформировать органы правопорядка. По сути, была создана новая правоохранительная система. В милиции изменяется все, начиная со штатной структуры и окладов и заканчивая формой одежды и раскраской патрульных машин [18]. Новый руководитель тем самым пытался не только продемонстрировать свое служебное рвение, но и дистанцироваться от прежней милиции – милиции эпохи Н. Хрущева.

В сентябре 1966 г. в составе внутренних войск МООП СССР началось формирование специальных моторизованных частей милиции, которые предназначались для несения патрульно-постовой службы и выполняли задачи по борьбе с хулиганством и иными преступлениями на улицах, стадионах, в парках, клубах и других общественных местах. Всего были сформированы 43 воинские части общей численностью 10000 человек, в т. ч. три полка – в Москве, Ленинграде и Киеве (численностью 800, 500 и 400 человек соответственно) и сорок отдельных батальонов различной численности (от 150 до 250 человек) [19].

Комплектование специальных моторизованных частей милиции офицерами, сержантами и солдатами осуществлялось в порядке, установленном для внутренних войск. Основу новых частей составляли военнослужащие срочной службы. Военнослужащие специальных моторизованных частей носили форму сотрудников советской милиции, и на время несения патрульно-постовой службы солдатам и сержантам выдавались служебные удостоверения сотрудника милиции территориального органа внутренних дел.

Несмотря на отдельные недостатки в организации несения службы, деятельность специальных моторизованных частей милиции по охране общественного порядка приносит положительные плоды [20].

Решительная борьба с уличной преступностью, ужесточение законодательства в отношении преступлений против общественной безопасности, эффективная профилактическая работа милиции и органов государственной безопасности, на фоне экономической стабильности в стране приводят к уменьшению с середины 1960-х гг. случаев протестных выступлений в СССР. В 1969–1977 гг. не было зафиксировано ни одного случая крупных массовых беспорядков.

Для пресечения массовых беспорядков в 1960–1980-х гг. Министерству внутренних дел СССР было достаточно своих сил (внутренних войск, специальных моторизованных частей милиции и курсантов учебных заведений МВД), и долгие годы армейские подразделения в подобных операциях не задействовались [21]. Известен случай, когда попытка привлечения для пресечения массовых беспорядков подразделений Советской армии в декабре 1986 г. в Алма-Ате встретила противодействие командующего войсками Среднеазиатского военного округа генерала армии В. Лобова. И позиция командующего была поддержана представителями центральных властей [22].

В Министерстве внутренних дел СССР все случаи привлечения своих сотрудников для пресечения массовых беспорядков тщательно анализируются [23]. На вооружение специальных моторизованных частей милиции и оперативных частей внутренних войск поступают специальные средства (резиновые палки, слезоточивый газ, защитные щиты и шлемы).

Значительно возросла и численность оперативных частей внутренних войск. К началу 1970-х гг. одна только дивизия имени Дзержинского имела в своем составе более 15000 человек [24].

Внутренние войска к середине 1980-х гг. имели в своем составе военно-транспортную авиацию, что, например, позволило в короткие сроки перебросить в декабре 1986 г. в Алма-Ату несколько батальонов специальных моторизованных частей милиции, принявших в участие в операции по пресечению массовых беспорядков [25].

Массовые беспорядки, зафиксированные в 1960–1980-х гг., носили ярко выраженный межэтнический и межнациональный характер, однако тенденция не была правильно понята соответствующими службами, что предопределило возникновение межнациональных конфликтов в конце 1980-х гг. [26].

Рассматривая юридический аспект, следует отметить, что до конца 1980-х гг. отсутствовала правовая база для привлечения Вооруженных сил к решению «милицейских» задач. Только 1 декабря 1988 г. Верховным Советом СССР был принят Закон СССР «Об изменениях и дополнениях Конституции СССР 1977 г.», в котором наряду с военным положением для защиты интересов СССР и безопасности его граждан была предусмотрена еще одна мера – чрезвычайное положение. Следующим шагом было принятие в апреле 1990 г. Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения».

Не лучшим образом на эффективность применения вооруженных сил для пресечения массовых беспорядков влияло отсутствие необходимой экипировки и специального вооружения.

Таким образом, участие подразделений Советской армии в пресечении массовых беспорядков 1950–1980-х гг. носило стихийный, бессистемный характер и не было урегулировано законодательством.

Несмотря на это, следует признать, что применение Вооруженных сил являлось эффективным средством для решения задач по восстановлению нарушенных прав и законных интересов граждан СССР. Солдаты и офицеры Советской Армии добросовестно выполняли свой долг, действовали смело и решительно, оказывая помощь милиции и внутренним войскам в поддержании общественного порядка. Привлечение военнослужащих для наведения порядка способствовало скорейшей локализации конфликтов. В то же время применение подразделений Советской армии для пресечения массовых беспорядков в 1950–1960-х гг. было вынужденной мерой, так как после реорганизации и значительного сокращения правоохранительные органы и органы государственной безопасности самостоятельно решить эти задачи не могли.

После принятия руководством страны с середины 1960-х гг. действенных мер по увеличению штатной численности, повышению мобильности и технической оснащенности правоохранительных органов (прежде всего оперативных частей внутренних войск и специальных моторизованных частей милиции) и нормализации их работы, необходимости в привлечении подразделений Советской армии для пресечения массовых беспорядков не возникало.

Примечания

1. Хомяков И. Д. Проблемы понятия охраны общественного порядка как формы реализации правоохранительной функции государства // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. Т. 5. № 4. С. 146–153.

2. Богданович В. Ю., Маначинский А. Я., Егоров Ю. В., Муха В. А., Бортник А. А. Конфликты и войны после распада СССР. Киев, 2007; Гуров В. А. Вооруженные силы СССР и РФ во внутренних этнических и региональных конфликтах: первый исторический опыт: дис. ... канд. ист. наук. Тольятти, 2003; Он же. Вооруженные силы СССР в Армяно-Азербайджанском (Карабахском вооруженном конфликте (1988–1991 гг.)) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14, № 3. С. 110–116; Жирохов М. А. Семена распада: войны и конфликты на территории бывшего СССР. СПб.: БХВ-Петербург, 2012; Жуков Д. А.

Войны на руинах СССР. М.: Эксмо, 2009; *Подколзин Е. Н., Тюрин В. Ф., Кузьменко Ф. Д.* Воздушно-десантные войска: вчера, сегодня, завтра. Шахты: Русский медведь, 1993.

3. *Ачалов В. А.* Я скажу вам правду. М.: Ист-Факт, 2006; *Вертелко И. П.* Служил Советскому Союзу. Сокровенное. М.: Граница, 1996; *Куликов А. С.* Тяжелые звезды. М.: «Война и мир букс», 2002; *Лебедь А. И.* За державу обидно... М.: Редакция газеты «Московская правда», 1995; *Макашов А. М.* Знамени и присяге не изменил! М.: Алгоритм, 2006; *Сухоруков Д. С.* Записки командующего-десантника. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.

4. *Абрамова Ю. А.* Взаимоотношения руководства КПСС и Советской Армии в период хрущевской «оттепели». 1953–1964 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000; *Гребенчиков А. П.* Исторические корни и особенности функционирования Вооруженных Сил России (СССР) в 60–90-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998; *Козлов В. А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999; *Козлов В. А.* Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006; *Непомнящий Н. Н.* Тайны советской эпохи. От Хрущева до Горбачева. М.: Вече, 2004; *Пономарев В.* Общественные волнения в СССР: от XX съезда КПСС до смерти Брежнева. М.: ИЦ «Азия», 1990; *Шустин В. В.* КГБ СССР в борьбе с протестными проявлениями Советского общества в конце 1950–1980-е гг.: по материалам Мордовии: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2006.

5. О массовых беспорядках, имевших место в стране с 1957 года // Источник. 1995. № 6. С. 146–153.

6. *Козлов В. А.* Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. С. 421.

7. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 2. Д. 482. Л. 186.

8. *Козлов В. А.* Политические волнения в Грузии после XX съезда КПСС // Отечественная история. 1997. № 3. С. 41.

9. Там же. С. 42.

10. Там же. С. 43.

11. Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 89. Пер. 6. Д. 10. Л. 1.

12. *Козлов В. А.* Неизвестный СССР. С. 152.

13. РГАНИ. Ф. 89. Пер. 6. Д. 10. Л. 2.

14. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 86920. Л. 3.

15. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 67201. Л. 94–97.

16. *Бондарев В. А.* Ленский расстрел – Новочеркасский расстрел: об исторических параллелях // История в подробностях. 2012. № 4(22). С. 92–98.

17. *Третецкий А. В.* Новочеркасск: июнь 1962 года // Военно-исторический журнал. 1991. № 1. С. 68–76.

18. *Гонюхов С. О., Горобцов В. И.* Советская и Российская милиция в мундире 1943–2001 гг. М.: «Рейттарь», 2001. С. 49.

19. *Хомяков И. Д.* О некоторых вопросах применения специальных моторизованных частей милиции внутренних войск МВД СССР в охране общественного порядка во второй половине XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 1. С. 44.

20. Там же. С. 44, 45.

21. *Козлов В. А.* Неизвестный СССР. С. 422–424; *Гузев Д. А.* Участие Орджоникидзевогo военного командного училища МВД СССР в ликвидации массовых выступлений в городе Грозном в январе 1973 г. // Клио. 2014. № 12. С. 45–47.

22. *Бобков Ф. Д.* КГБ и власть. М.: Изд-во «Ветеран МП», 1995. С. 333.

23. *Хомяков И. Д.* Некоторые историко-правовые вопросы охраны общественного порядка внутренними войсками МВД СССР при урегулировании массовых беспорядков в конце XX века // Theory and Practice of the restoration of rights. 2014. № 1. С. 58.

24. *Арибжанов Р. М., Артюхов Е. А., Штутман С. М.* Дивизия имени Дзержинского. М.: Эксмо, 2007. С. 359.

25. *Хомяков И. Д.* Некоторые историко-правовые вопросы охраны общественного порядка внутренними войсками МВД СССР при урегулировании массовых беспорядков в конце XX века. С. 59.

26. *Козлов В. А.* Неизвестный СССР. С. 422–424; *Подпрятков Н. В., Соловьев Р. А., Суслов М. Г.* Межнациональные противоречия и причины роста национализма в СССР в 50–80-е гг. XX в. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2-1. С. 23–26.

Notes

1. Khomyakov I. D. Problems of the concept of public order as forms of implementation of the law enforcement function of the state // the Bulletin of Vyatka state Humanities University. 2012. Vol. 5. No. 4. P. 146–153.

2. Bogdanovich B. Yu., Manachinsky A. Ya., Egorov Y. V., Mucha V. A., A. A. Bortnik Conflicts and wars after the collapse of the USSR. Kiev, 2007; Gurov V. A. Armed forces of the USSR and the Russian Federation in the internal ethnic and regional conflicts: first, the historical experience. Diss. ...candidate. hist. sciences. Togliatti, 2003. The armed forces of the USSR in Armenia-Azerbaijan (Nagorno-Karabakh armed conflict (1988-1991)) // Izvestiya Samara scientific center of the Russian Academy of Sciences. 2012. T. 14, No. 3. P. 110–116; Zhirkov M. A. Seeds of dissolution: war and conflict on the territory of the former USSR. SPb.: BHV-Petersburg, 2012; Zhukov D. A. War on the ruins of the USSR. M.: Eksmo, 2009; Podkolzin E. N., Tyurin, V. F., F. D. Kuzmenko Airborne troops: yesterday, today and tomorrow. Shahti: Russian bear, 1993.

3. Achalov V. A. I'll tell you the truth. M.: East Fact, 2006; Vertelko I. P. Served As The Soviet Union. Secret. M.: Border, 1996; Kulikov A. S. Heavy stars. M.: "War and peace books", 2002; Lebed A. I. Power of shame... M: the

newspaper "Moskovskaya Pravda", 1995; Makashov A. M. Banner and the oath has not changed! M.: Algorithm, 2006; Sukhorukov, D. C. Notes by the commander of the paratrooper. M.: OLMA-PRESS, 2000.

4. Abramova Yu. A. The Relationship of the leadership of the CPSU and the Soviet Army in the period of Khrushchev's "thaw". 1953-1964, Diss. ...candidate. hist. sciences. M., 2000; Grebenshchikov, A. P. Historical roots and features of functioning of the Armed Forces of Russia (USSR) in the 60 – 90s: Diss... dokt. hist. sciences. M., 1998; Kozlov V. A. Riots in the USSR under Khrushchev and Brezhnev (1953 – early 1980s). Novosibirsk: Siberian chronograph, 1999; Kozlov V. A. Unknown USSR. The confrontation of the people and government 1953-1985, M.: OLMA-PRESS, 2006; Nepomnyashchy N. N. Secrets of the Soviet era. From Khrushchev to Gorbachev. M.: Veche, 2004; Ponomarev, V. Social unrest in the USSR: from the twentieth Congress of the CPSU before the death of Brezhnev. M.: CI "Asia", 1990; Shustin V. KGB of the USSR in protest against manifestations of Soviet society at the end of 1950-1980-ies According to the materials of Mordovia. Diss. ...candidate. hist. sciences. Saransk, 2006.

5. "Mass disorders that took place in the country since 1957" // Source. 1995. No. 6. P. 146-153.

6. Kozlov V. A. Unknown USSR. The confrontation of the people and government 1953-1985, M.: OLMA-PRESS, 2006. P. 421.

7. State archive of the Russian Federation (SARF) F. 9401. Sh. 2. File 482. Sh. 186 (in Russ.)

8. Kozlov V. A. Political unrest in Georgia after the twentieth Congress of the CPSU // Domestic history. 1997. No. 3. P. 41.

9. Ibid. P. 42.

10. Ibid. P. 43.

11. Russian State Archive of contemporary History (hereafter RSACH) F. 89. Sh. 6. File 10. Sh. 1 (in Russ.)

12. Kozlov V. A. Unknown USSR. The confrontation of the people and government 1953-1985, Moscow: OLMA-PRESS, 2006. S. 152.

13. RSACH. F. 89. Sh. 6. File 10. Sh. 2 (in Russ.)

14. SARF. F. 8131. Sh. 31. File 86920. Sh. 3 (in Russ.)

15. SARF. F. 8131. Sh. 31. File 67201. Sh. 94-97 (in Russ.)

16. Bondarev V. A. Lena shooting – Novocherkassk shooting: about the historical Parallels // History in detail. 2012. No. 4 (22). P. 92-98.

17. Tritici A. V. Novocherkassk: June 1962 // Military-historical journal. 1991. No. 1. P. 68-76.

18. Konuhov S. O., V. I. Korobtsov Soviet and Russian police in uniform 1943-2001, M.: "Rattery", 2001. P. 49.

19. Khomyakov I. D. On some issues of application of special motorized parts of the police internal Affairs in protection of a public order during the second half of the XX century // Vestnik St. Petersburg University of MIA of Russia. 2011. No. 1. P. 44.

20. Ibid. P. 44, 45.

21. Kozlov V. A. Unknown USSR. The confrontation of the people and government 1953-1985, M.: OLMA-PRESS, 2006. P. 422-424; Guzeev D. A. Part Ordzhonikidze higher military command school of the USSR Ministry in suppressing mass demonstrations in the city of Grozny in January 1973 // Klio. 2014. No. 12. P. 45-47.

22. Bobkov F. D. KGB and power. Moscow: Publishing house "Veteran MP", 1995. P. 333.

23. Khomyakov I. D. Some historical and legal protection of public order, internal troops of the Ministry of internal Affairs of the USSR in the resolution of the riots in the late twentieth century // Theory and Practice of the restoration of rights. 2014. No. 1. P. 58.

24. Karibzhanov R. M., Artyukhov E. A., Stutman M. S. Division of a name Dzerzhinsky. M.: Eksmo, 2007. S. 359.

25. Khomyakov I. D. Some historical and legal protection of public order, internal troops of the Ministry of internal Affairs of the USSR in the resolution of the riots in the late twentieth century // Theory and Practice of the restoration of rights. 2014. No. 1. P. 59.

26. Kozlov V. A. Unknown USSR. The confrontation of the people and government 1953-1985, Moscow: OLMA-PRESS, 2006. P. 422-424; Podpryatov N. V., Solovyev R. A., Suslov M. G. Interethnic contradictions and the reasons for the growth of nationalism in the USSR in 50-80th years of the XX century // Bulletin of Vyatka state Humanities University. 2011. No. 2-1. P. 23-26.

УДК 94(470.342)

А. Я. Гудов

Военный историк А. А. Печенкин

В статье представлен обзор научного творчества военного историка А. А. Печенкина. А. А. Печенкин является одним из ведущих в России специалистов по вопросам формирования советской военной элиты в период 1935–1945 гг. В своих исследованиях А. А. Печенкин показал механизм репрессий против высшего командного состава Красной армии, уточнил биографические данные представителей военной элиты, выявил факторы, определявшие карьерный рост советских полководцев. Исследования видного военного ис-

торика выполнены на базе уникального архивного материала и представляют собой существенный вклад в изучение истории советского общества.

The article provides an overview of a scientific creativity of a military historian A.A.Pechenkin. A.A.Pechenkin is one of the Russia's leading experts on the formation of the Soviet military elite during the 1935-1945 period. In his researches A.A.Pechenkin showed the mechanism of repressions against the high rank command of the Red Army, specified biographical data of the military elite representatives, identified the factors that determined the career growth of Soviet military leaders. The research works of a prominent military historian are based on the unique archival material and represent itself a significant contribution to the study of the history of Soviet society.

Ключевые слова: Печенкин, Сталин, репрессии, военная элита, высший командный состав, Красная армия, Военный совет.

Keywords: Pechenkin, Stalin, repression, military elite, high rank command, Red Army, Military Council.

Александр Алексеевич Печенкин, доктор исторических наук, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, родился в городе Кирове 11 сентября 1954 г. Еще в детстве и юности под влиянием книг, кинофильмов, рассказов старших у него сформировался устойчивый интерес к теме Великой Отечественной войны. В 1976 г. Александр Алексеевич поступил на исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Вспоминая с теплотой своих наставников студенческих лет, он особо выделяет профессоров В. И. Тетюшева и Н. А. Кирсанова – высокопрофессиональных историков, честных и порядочных людей. В период учебы в МГУ А. А. Печенкин определил область своих научных исследований – военная история, советский генералитет, репрессии против высшего командного состава Красной армии.

Научная карьера А. А. Печенкина началась в весьма непростое время. В годы «перестройки» одна за другой открывались недоступные прежде для обсуждения темы, публиковались секретные документы, свидетельства очевидцев событий. Но с другой стороны, на волне роста общественного интереса к прошлому объектом критики, нередко несправедливой и непрофессиональной, становилась сама историческая наука. Погоня некоторых авторов за популярностью привела к значительному снижению культуры исторического исследования. Трудно назвать крупную научную проблему, по которой в 80–90-е гг. не было бы высказано легковесных утверждений, якобы опровергающих «официальную науку». Под бойкими перьями «поборников демократии и гласности» весь советский период превратился в сплошную череду ошибок, поражений, преступлений. Предметом псевдонаучных спекуляций стала и тема Великой Отечественной войны.

В условиях информационной свободы к середине 90-х гг. прошлого века в сознании части населения страны, особенно молодых людей, произошла заметная деформация фундаментальных жизненных ценностей. Автору этой статьи в преддверии 50-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне доводилось слышать не только от студентов, но и от людей старшего возраста выражение сомнений в том, что ветераны войны заслуживают благодарности потомков, поскольку своей победой они укрепили сталинскую диктатуру. Под предлогом заполнения «белых пятен истории», многие исследователи обратились к темам, ранее почти не освещавшимся в печати: неудачи Красной армии в начальный период войны, паника в прифронтовой полосе, сталинские репрессии против военного командования и т. д.

Российское руководство молчаливо поддерживало кампанию по развенчанию советского прошлого, прикрываясь принципом деидеологизации общественных и государственных отношений. Однако факты неуважительного отношения к людям военного поколения стали настолько распространенными, что Правительство Российской Федерации было вынуждено принять 1 июня 1994 г. постановление № 614, в котором корявым бюрократическим языком сформулировало задачу «поднятия авторитета оставшихся в живых участников войны и тружеников тыла военных лет...» [1].

В этот сложный период времени, когда хлесткая фраза журналиста нередко воспринималась общественным сознанием с большим доверием, чем аргументированное суждение историка, А. А. Печенкин становится известным сначала в кругу профессиональных ученых, а затем и любителей истории. В борьбе за историческую правду складывался стиль научной работы военного историка, отрабатывались методологические приемы научного исследования, уточнялся круг нуждавшихся в решении проблем. Отличительной чертой исследователя становится стремление к предельно точной реконструкции исторического факта, строгим логическим построениям, внимание к мельчайшим деталям.

Одна за другой в центральных журналах выходят статьи Александра Алексеевича. Аргументированным ответом тем историкам, которые увлеклись описанием военных поражений 1941 г., перестали замечать огромную организаторскую работу советского руководства, стала статья А. А. Печенкина, посвященная деятельности Государственного Комитета Обороны в 1941 г. [2] В статье на базе впервые введенных в научный оборот архивных документов показаны структура, состав, основные направления деятельности высшего органа власти СССР в период Великой Отечественной войны. Приведенные автором данные о масштабах эвакуации, об организации военного производства, о создании национальных воинских соединений – свидетельство огромной организаторской работы советского государства. Не замалчивая тему сталинской требовательности, доходившей до жестокости, автор статьи подчеркнул, что действиями труженников тыла руководило, прежде всего, понимание неразрывной связи своей собственной судьбы с судьбой страны.

Еще больший интерес вызвала у специалистов и любителей отечественной истории статья А. А. Печенкина, посвященная критике ставшего модным в определенных слоях российского общества положения о том, что Сталин якобы готовил наступательную войну против фашистской Германии [3]. В отечественной литературе всегда делали акцент на вероломном нападении Германии на СССР с целью завоевания нашей страны, порабощения и физического уничтожения большинства населения. Но мировому общественному мнению и миллионам немцев Гитлер объяснял свои действия иначе. В. М. Молотов, выступая по радио 22 июня 1941 г., в одной фразе упомянул о мотивах агрессора, сказав, что германское правительство увидело опасность в сосредоточении частей Красной армии у восточной германской границы [4].

Обвинение жертвы агрессии во враждебных намерениях – известный в истории прием, который часто использовался завоевателями для оправдания собственных действий. Большинству российских историков объяснения германской стороны о причинах нападения на СССР казались настолько откровенной ложью, что текст документа об объявлении войны не подвергали анализу и даже не публиковали. Например, в сборнике документов, подготовленном к 70-летию Великой Отечественной войны, нота германского правительства от 22 июня 1941 г. отсутствует [5]. Во втором томе 12-томной истории Великой Отечественной войны, изданном в 2012 г., этот важнейший документ всего лишь упоминается [6]. Именно на этом сыграл «Виктор Суворов», он же Владимир Резун, бывший резидент советской разведки, бежавший на Запад, попытавшийся доказать в своей книге «Ледокол», что у Гитлера были все основания начать превентивную войну против СССР. Суворов называет Гитлера «преступником и мерзавцем», но вместе с тем призывает не забывать и о злодеяниях советских коммунистов, намеревавшихся воспользоваться результатами преступной политики фашистов [7]. Выступив под лозунгом защиты исторической справедливости, Суворов перевел пропагандистское заявление фашистской пропаганды в ранг научной истины. Обильно цитируя и интерпретируя в нужном для себя ключе открытые советские источники, автор «Ледокола» фактически оправдывал фашистскую агрессию против СССР. По мнению Суворова, Сталин уже летом 1941 г. собирался начать войну с целью захвата Европы, но Гитлер не позволил ему этого сделать.

Существенным вкладом в научную разработку вопроса о самой возможности нападения СССР на Германию в 1941 г. стала очередная статья А. А. Печенкина [8]. Александр Алексеевич подверг критическому анализу саму суть концепции Суворова, центральным пунктом которой является утверждение о подготовке Красной армии к ведению наступательной войны против Германии летом 1941 г. Своей публикацией Александр Алексеевич привлек внимание историков к вопросу о способности Красной армии вести масштабные наступательные операции. На основании проделанной работы историк пришел к выводу о том, что уровень боеготовности советских вооруженных сил к лету 1941 г. не позволял им не только наступать, но и квалифицированно отразить фашистскую агрессию.

В журнале «Исторический архив» Александр Алексеевич опубликовал текст выступления Сталина 5 мая 1941 г. на торжественном собрании в честь выпускников военных академий [9]. Сталин, действительно, говорил на этом собрании о необходимости быть готовыми к наступательным действиям, но никаких практических мероприятий по подготовке наступления не последовало. Приведенные факты подрывали версию о подготовке СССР к нападению на фашистскую Германию летом 1941 г.

В 1987 г. Александр Алексеевич защитил кандидатскую, а в октябре 2003 г. – докторскую диссертацию по теме «Высший командный состав Красной армии накануне и в годы Второй мировой войны». Полученные результаты исследования были опубликованы в двух монографиях. Впервые в отечественной историографии А. А. Печенкин предпринял попытку комплексного исследования проблемы формирования и эволюции советской военной элиты в предвоенный пе-

риод и в годы Великой Отечественной войны. Многочисленные книги и статьи, посвященные жизни и деятельности отдельных полководцев, грешили неточностями и нередко базировались на не вполне достоверных источниках. Особенно важной и сложной для изучения стала проблема репрессий в Красной армии. Среди части историков бытовало мнение, что репрессии были необходимы и привели к повышению боеспособности армии накануне войны.

Александр Алексеевич творчески проанализировал открытые источники: материалы партийных съездов, стенограммы Пленумов ЦК ВКП(б), заседаний Политбюро. Автор основательно поработал с документами из личных фондов И. В. Сталина, К. Е. Ворошилова, Г. М. Маленкова, В. М. Молотова. Значительную часть архивных источников А. А. Печенкин впервые ввел в научный оборот, в том числе материалы заседаний Военного Совета при наркомате обороны СССР, проходивших с 1 по 4 июня 1937 г. [10] С целью получения объективной оценки качества высшего командного состава Красной армии накануне и в годы войны, а также выявления факторов выдвижения военных кадров, историк проанализировал многочисленные отчеты и справки об офицерском составе, данные открытых источников, опубликованную статистику.

В работе о военной элите СССР в 1935–1937 гг. [11] Александру Алексеевичу удалось показать завязку конфликта, приведшего впоследствии к репрессиям в армии. В середине 30-х гг. отношения в среде высшего командного состава были весьма непростыми. Наркомат обороны с 1925 по 1940 г. возглавлял К. Е. Ворошилов – герой Гражданской войны, не имевший военного образования. Его деятельность подвергалась справедливой и аргументированной критике со стороны военных специалистов – М. Н. Тухачевского, И. П. Уборевича и др. Однако в глазах Сталина все недостатки Ворошилова перевешивало одно несомненное достоинство: личная преданность вождю.

В критике своего фаворита Сталин увидел угрозу собственной власти. Поэтому в борьбе с крупными военачальниками, привыкшими самостоятельно мыслить и принимать решения, он опирался на выдвиженцев Гражданской войны. Сталин предельно откровенно сформулировал принципы кадровой политики в армии: главное не образование и талант, а социальное происхождение и верность партии, т. е. самому Сталину [12]. Но тех, кто по каким-то причинам вызывал у Сталина недоверие, не спасало ни рабоче-крестьянское происхождение, ни участие в Гражданской войне.

Проведенное А. А. Печенкиным исследование убеждает в том, что Сталин умышленно сталкивал друг с другом своих возможных противников, давал козыри в руки посредственностям, отягощенным повышенными амбициями. В сложившихся обстоятельствах люди стремились выжить всеми доступными для них способами или сделать карьеру, нередко забывая при этом о чести и достоинстве. Александру Алексеевичу удалось с документальной точностью воссоздать обстановку совещаний высшего командного состава, на которых маршалы и командармы обсуждали не только вопросы обороны, но и обменивались взаимными обвинениями.

Автором теории «военно-фашистского» заговора в Красной армии и его финансирования германскими фашистами был Сталин. А. А. Печенкину удалось развеять ходившую несколько десятилетий легенду о якобы подброшенных немецкой разведкой через президента Чехословакии Э. Бенеша фальшивых документах, ставших основанием для расправы с Тухачевским. Эти документы не упоминались на Военном Совете и не фигурировали на процессе Тухачевского 11 июня 1937 г. Александр Алексеевич пришел к выводу о том, что ущерб, понесенный в результате репрессий высшим командным составом армии, трудно переоценить. Военная элита 30-х гг. была практически уничтожена, в то время как многие сталинские выдвиженцы 1937–1941 гг. не успели к началу войны освоиться на новых должностях.

Вторая крупная работа А. А. Печенкина посвящена изучению процесса отбора и выдвижения на руководящие посты высшего командного состава в период Второй мировой войны [13]. Анализ выступлений Сталина на военных совещаниях в 1940–1941 гг. свидетельствует, что он проделал значительную эволюцию в своих взглядах по кадровым вопросам. Косвенным признанием самого Сталина в ошибочности его политики является реабилитация в 1940–1941 гг. нескольких десятков оставшихся в живых репрессированных комдивов и комбригов, смена наркомата обороны. Неудачная война с Финляндией и надвигающаяся война с Германией заставили Сталина ускорить процесс модернизации Красной армии, но завершить его к 1941 г. не удалось. Не подвергая сомнению сделанные ранее выводы о негативном влиянии репрессий на боеспособность Красной армии, Александр Алексеевич отмечает, что советская военная элита образца 1940 г. по важнейшим качественным характеристикам вполне соответствовала требованиям, предъявляемым к высшему командному составу.

В 1941–1942 гг. Сталин продолжил репрессии против военачальников, перекладывая ответственность за неудачное начало войны на собственных выдвиженцев. Александр Алексеевич

приводит яркие примеры последствий некомпетентного вмешательства Сталина в дела оперативного управления войсками. С началом войны Сталин подменил собой Управление кадров НКЮ. Тот факт, что из сформированного им самим кадрового резерва Сталин с большим трудом подбирает нужные кандидатуры, говорит сам за себя.

Александр Алексеевич показал, что война стала суровым учителем вождя. Важнейшие кадровые, оперативные и организационные вопросы Сталин стал обсуждать с профессионалами. Постепенно сложился стабильный корпус командующих общевойсковыми, танковыми и воздушными армиями. Это были преимущественно молодые генералы, имевшие достаточное военное образование и проявившие свои способности в конкретных делах.

Приведенные А. А. Печенкиным факты представляют собой ценнейшую информацию к размышлению на тему о цене победы. Александру Алексеевичу удалось уточнить численность и обстоятельства смерти генералов, погибших в предвоенный период и в военные годы. Выяснилось, например, что процент смертности советских генералов, погибших в застенках НКВД, оказался выше, чем содержащихся в фашистских концентрационных лагерях [14]. Репрессии коснулись не только командиров воинских частей, но и представителей военной науки, пытавшихся осмыслить военные неудачи. Даже попытки анализа действий противника, без чего невозможно планировать и осуществлять успешные наступательные операции, могли быть расценены как проявление пораженческих настроений и антисоветская агитация. Созданная Сталиным система стремилась превратить людей в послушных исполнителей, не имеющих права ни действовать, ни думать самостоятельно. В свете этих фактов подвиг советского народа в Великой Отечественной войне выглядит еще более величественным.

В 2007 и в 2011 гг. в свет вышли еще две монографии А. А. Печенкина [15]. В этих работах на основе уникальных рассекреченных документов более детально проанализированы вопросы, поставленные в ранних публикациях. Среди них: взаимоотношения Сталина и военной элиты, деятельность Военного Совета при наркомате обороны, масштабы репрессий против высшего командного состава в 1937–1938 гг.

А. А. Печенкин является автором более сотни статей, опубликованных в ведущих научных журналах, в том числе рекомендованных ВАК: «Родина» [16], «Отечественная история», «Военно-исторический журнал», «Преподавание истории в школе» [17]. Темы большинства его работ – трагические и героические судьбы советских военачальников. В 2010 г. Александр Алексеевич стал лауреатом премии за лучшую публикацию года Редакционно-издательского центра Генерального штаба Вооруженных Сил РФ. В период 2010–2013 гг. Александр Алексеевич опубликовал 40 биографических статей в многотомном издании «Московская энциклопедия». Научная деятельность А. А. Печенкина, его яркие и аргументированные доклады на международных и всероссийских научных конференциях сделали имя автора известным в сообществе ученых-историков.

Александр Алексеевич является автором учебного пособия «Государственный Комитет Оборона» и составителем «Хрестоматии по истории России XX века». Им написан раздел по Великой Отечественной войне в «Истории России», рекомендованной Министерством образования РФ в качестве учебного пособия для системы педагогических вузов страны.

Успешную научную деятельность А. А. Печенкин сочетает с преподавательской и административной работой. С 1981 г. он работает в Вятском государственном университете, где несколько лет был деканом гуманитарного факультета, а в настоящее время возглавляет кафедру всеобщей и российской истории. Учившиеся у Александра Алексеевича студенты, даже спустя многие годы, вспоминают его блестящие по форме и глубокие по содержанию лекции. Помимо основного курса «Отечественная история XX века» Александр Алексеевич читает несколько спецкурсов: «Военная история России», «Россия в системе международных отношений», «История дипломатии».

Любовь к исследованию истории на основе документов – необходимое для историка качество – он прививает студентам и аспирантам. Известного военного историка регулярно приглашают в качестве официального оппонента при защите кандидатских и докторских диссертаций. Сам Александр Алексеевич активно участвует в подготовке кадров в качестве научного руководителя аспирантов.

А. А. Печенкин проводит большую работу по патриотическому воспитанию и сохранению исторической памяти. В 2006–2010 гг. он участвовал во Всероссийском конкурсе в рамках Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», по итогам которого был удостоен Почетной грамоты за лучшую публикацию, подписанной Президентом Российской Федерации. В период 2012–2014 гг. при поддержке администрации г. Кирова вышли в свет 3 тома фундаментального труда «Город, ковавший победу», посвященного вкладу

кировчан в дело победы советского народа в Великой Отечественной войне. Ученый-историк выступил в качестве научного редактора и одного из авторов этого солидного издания.

Скромный в повседневной жизни, доброжелательный к людям и очень работоспособный, А. А. Печенкин пользуется заслуженным уважением коллег. Добросовестный труд ученого и преподавателя неоднократно отмечался наградами различного достоинства. В 2009 г. Александр Алексеевич был награжден Почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации, а в 2012 г. получил высокое звание «Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Александр Алексеевич полон жизненных сил и творческих планов. Друзья и коллеги желают военному историку новых успехов и достижений на поприще исторической науки.

Примечания

1. Постановление Правительства РФ от 01.06.1994 г. № 614 «Об утверждении Программы подготовки и проведения празднования 50-летия Победы и других памятных дат Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». URL: <http://www.worklib.ru/law/299966/> (дата обращения: 01.06.2015).

2. Печенкин А. А. Государственный Комитет Оборона в 1941 году // Отечественная история. 1994. № 4. С. 126–142.

3. Печенкин А. А. Была ли возможность наступать? // Отечественная история. 1995. № 3. С. 44–59.

4. Выступление по радио В. М. Молотова 22 июня 1941 г. // Известия. 1941. 24 июня.

5. 1941. Документы и материалы: к 70-летию начала Великой Отечественной войны: в 2 т. / сост. Ю. А. Никифоров и др. СПб.: ФГБУ, 2011.

6. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М.: Кучково поле, 2012. С. 644.

7. Суворов В. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну? М.: Изд. дом «Новое время», 1992. С. 13.

8. Печенкин А. А. Была ли возможность наступать?

9. Печенкин А. А. «Современная армия – армия наступательная» // Исторический архив. 1995. № 2. С. 23–31.

10. Печенкин А. А. 1937 год: Сталин и военный совет // Российская история. 2003. № 1. С. 35–53.

11. Печенкин А. А. Военная элита СССР в 1937–1939 гг. Репрессии и обновление. М.: ВЗФЭИ, 2003. 172 с.

12. «Правильная политика правительства решает успех армии». Кто достоин быть маршалом (Речь И. В. Сталина на специальном военном совещании в 1937 г.) / публ. А. А. Печенкина // Источник. 2002. № 3. С. 72–76.

13. Печенкин А. А. Высший командный состав Красной Армии в годы второй мировой войны. М.: Прометей, 2002. 294 с.

14. Там же. С. 236.

15. Печенкин А. А. Сталин и Военный совет. М.: ВЗФЭИ, 2007. 160 с.; *Он же*. Гибель военной элиты 1937–1938 гг. М.: ВЗФЭИ, 2011. 172 с.

16. Печенкин А. А. И ордена, и тюрьма. Роковая карьера маршала Кулика // Родина. 1996. № 6. С. 55–60; *Он же*. От ГУЛАГА до рейхстага. Страницы из жизни боевого генерала и узника сталинских лагерей // Родина. 2001. № 3. С. 75–77.

17. Печенкин А. А. Командующий Парадом Победы (портрет маршала К. К. Рокоссовского) // Преподавание истории в школе. 2010. № 5. С. 29–38; *Он же*. Боевой путь маршала К. А. Мерецкова: от Испании до Китая // Там же. № 6. С. 40–47; *Он же*. Стратег (Боевой путь маршала А. М. Василевского) // Там же. № 8. С. 30–37.

Notes

1. The decree of the Government of the Russian Federation dated 01.06.1994 № 614 "On approving the Program of preparation and holding of celebration of the 50 anniversary of the Victory and other anniversaries of the great Patriotic war of 1941-1945". Available at: <http://www.worklib.ru/law/299966/> (accessed: 01.06.2015). (in Russ.)

2. Pechenkin A. A. *Gosudarstvennyj Komitet Oborony v 1941 godu* [State Defense Committee in 1941] // *Otechestvennaya istoriya* - Domestic history. 1994, No. 4, pp. 126-142.

3. Pechenkin A. A. *Byla li vozmozhnost' nastupat'?* [Was there an opportunity to act?] // *Otechestvennaya istoriya* - Domestic history. 1995. No. 3. S. 44-59.

4. Radio speech of V. M. Molotov on June 22, 1941 // News. 1941, June 24. (in Russ.)

5. 1941. *Dokumenty i materialy: k 70-letiyu nachala Velikoj Otechestvennoj vojny: v 2 t.* - 1941. Documents and materials: on the 70th anniversary of the beginning of the Great Patriotic war: in 2 vol. / comp. A. Y. Nikiforov and others. SPb.: FSBI. 2011.

6. *Velikaya Otechestvennaya vojna 1941-1945 godov: v 12 t.* - The Great Patriotic war of 1941-1945: in 2 vol. Vol. 12. *Proiskhozhdienie i nachalo vojny* - The origin and the beginning of the war. M. Kuchkovo pole. 2012. P. 644.

7. V. Suorov. *Ledokol. Kto nachal Vtoruyu mirovuyu vojnu?* [Icebreaker. Who started The II World War?] M. Publ. house "New time". 1992. P.13.

8. Pechenkin A. A. *Byla li vozmozhnost' nastupat'?* [Was there an opportunity to act?]

9. Pechenkin A. A. «*Sovremennaya armiya – armiya nastupatel'naya*» ["Modern army is an offensive army"] // *Istoricheskij arhiv* - Historical archive. 1995, No. 2, pp. 23-31.

10. Pechenkin A. A. *1937 god: Stalin i voennyj sovet* [1937: Stalin and the military Council] // *Rossijskaya istoriya* - Russian history. 2003, No. 1, pp. 35-53.
11. Pechenkin A. A. *Voennaya ehлита SSSR v 1937-1939 gg. Repressii i obnovlenie* [Military elite of the Soviet Union in 1937-1939. Repression and renewal]. M. ACFEI. 2003. 172 p.
12. «Pravil'naya politika pravitel'stva reshaet uspekh armii». *Kto dostoin byt' marshalom (Rech' I. V. Stalina na special'nom voennom soveshchanii v 1937 g.)* - "The correct policy of the government decides the success of the army." Who is worthy to be a Marshal (Speech of Stalin on a special military meeting in 1937) / publ. A. A. Pechenkina // Source. 2002, No. 3, pp. 72-76.
13. Pechenkin A. A. *Vysshij komandnyj sostav Krasnoj Armii v gody vtoroj mirovoj vojny* [Supreme command staff of the red Army during the Second World War]. M. Prometheus. 2002. 294 p.
14. Ibid. P. 236.
15. A. A. Pechenkin *Stalin i Voennyj sovet* [Stalin and the Military Council]. M. ACFEI. 2007. 160 p. Also him. *Gibel' voennoj ehлиты 1937-1938 gg.* [The death of the military elite in 1937-1938]. M. ACFEI. 2011. 172 p.
16. Pechenkin A. A. *I ordena, i tyur'ma. Rokovaya kar'era marshala Kulika* [Both orders And a prison. Fatal career of Marshal Kulik] // *Rodina*. 1996, No. 6, pp. 55-60. Also him. *Ot GULAGA do rejhstaga. Stranicy iz zhizni boevogo generala i uznika stalinskih lagerej* [From the GULAG to the Reichstag. Pages from the life of an army General and a prisoner of Stalin's camps] // *Rodina*. 2001, No. 3, pp. 75-77.
17. Pechenkin A. A. *Komanduyushchij Parodom Pobedy (portret marshala K. K. Rokossovskogo)* [Commander of the Parade of Victory (portrait of Marshal K. K. Rokossovsky)] // *Prepodavanie istorii v shkole* - Teaching history at school. 2010, No. 5, pp. 29-38. Also him. *Boevoj put' marshala K. A. Mereckova: ot Ispanii do Kitaya* [Military way of Marshal K. A. Meretskov: from Spain to China] // *Ibidem*. No. 6, pp. 40-47. Also him. *Strateg (Boevoj put' marshala A. M. Vasilevskogo)* [Strategist (Military way of Marshal A. M. Vasilevsky)] // *Ibidem*. No. 8, pp. 30-37.

УДК 355.231

В. И. Федянин, Б. А. Ершов, И. В. Зубов

Духовно-нравственное воспитание курсантов в институтах ГПС МЧС и высших военных учебных заведениях в современной России: история и современность

В статье рассматривается система духовно-нравственного воспитания курсантов в институтах ГПС МЧС и высших военных учебных заведениях в современной России. Особое внимание уделяется участию курсантов в мероприятиях просветительской и нравственной деятельности в рамках проведения и подготовки победных дней славы России, юбилейных и торжественных событий истории России, что призвано обеспечить формирование и поддержку высокого морально-психологического уровня офицеров и курсантов МЧС.

In article the system of spiritual and moral education of cadets at GPS Ministries of Emergency Situations institutes and the highest military educational institutions in modern Russia is considered. The special attention is paid to participation of cadets in actions of educational and moral activity within carrying out and preparation of victorious days of glory of Russia, anniversary and solemn events of history of Russia that is urged to provide formation and support of high moral and psychological level of officers and cadets of the Ministry of Emergency Situations.

Ключевые слова: Церковь, духовенство, государство, молодежь, армия, патриотизм.

Keywords: church, clergy, state, youth, army, patriotism.

В настоящее время в России духовно-нравственное воспитание курсантов вузов положено в основу развития национальных приоритетов. Именно такое направление воспитания должно оказать действенное влияние на развитие сознания защитника Отечества, привить и развить у него лучшие духовно-нравственные чувства, такие как профессиональный долг, любовь к Родине и честь.

В современных реалиях злободневность темы духовно-нравственного воспитания курсантов вузов заслуживает особого внимания по целому ряду факторов.

Во-первых, на сегодняшний день встает проблема возрождения духовности и соборности народа, которая сопряжена с верой в решение задач связанных с духовным кризисом и аморальностью, затронувших Россию.

В Доктрине национальной безопасности России отмечается необходимость духовного обновления нации и говорится, что одна из существенных целей, обеспечивающих безопасность, «включает в себя защиту нравственного и культурного наследия общественной жизни, исторические традиции народа, формирование политики государства в области морального и духовного воспитания населения. Интересы же страны состоят в укреплении и сохранении моральных ценностей общества, традиций любви к Родине, культурного возрождения страны и гуманизма». Во-вторых, большие надежды возлагают сегодня на возрождение духовного мироздания личности, оптимизацию нравственного воспитания нынешнего поколения, более широкое сотрудничество воспитательных агентов с традиционными институтами социализации, в роли таковых выступают религия, Церковь, семья [1].

В этих условиях основная цель воспитания – это развитие таких качеств человека, которые бы отвечали государственным интересам страны, формировали бы у личного состава психологическую готовность защищать Родину, нести воинский долг в военное и мирное время, быть дисциплинированным солдатом и гордиться принадлежностью к армии России. Всё это призвано обеспечить формирование и поддержку высокого морально-психологического уровня офицеров и курсантов МЧС, добиться крепкой дисциплины и порядка, обеспечить постоянную боеготовность армии России к отражению любой агрессии.

В соответствии с этими целями основные параметры воспитания курсантов вузов могут проявляться в следующем:

- духовно-мировоззренческая подготовленность, понимание целей, характера и задач войны, развитие ценностных установок к таким понятиям, как Родина, долг, совесть и честь;
- приобщение курсантов к системе духовных ценностей, истории и обычаям народа, армии, формирование необходимости в их приумножении и изучении;
- воспитание человеческих качеств гуманистической нравственности (добра, взаимопомощи, веры в созидательный потенциал людей, терпимости к сослуживцам);
- развитие силы воли в ведении здорового образа жизни, физиологическом самосовершенствовании, способности и готовности переносить огромные психологические нагрузки [2].

Из этих положений вытекает то, что именно духовно-нравственному воспитанию курсантов уделяется непосредственное внимание.

Специфические цели, в которых нашли отражение характерные черты воспитания курсантов как подготовленных профессионально защитников Родины, также сосредоточены и на духовно-нравственных ценностях.

Применительно к курсантам они такие:

- выработка готовности безоговорочно выполнять приказ, чувство долга офицера, чести, гордости за служение в армии России;
- формирование стремления к росту педагогического и профессионального уровня, своей личной ответственности за воспитание и обучение военных, внимательное и вежливое отношение к ним;
- совершенствование, увеличение педагогического мастерства, соблюдение такта, этики.

Во всех этих составляющих речь идет о выработке установленных ценностей, которые формируют внутреннюю основу личности, ее фундаментальный духовный элемент, суть ее духовного мира, ее направление, воплощающееся в миропонимании, взглядах, познаниях, навыках, умениях, в выработанной силе духа, проявляющейся в обусловленных отношениях, общении и деятельности.

Следует отметить, что на протяжении всего XX в. в России уделялось особое внимание духовным постулатам и их формированию у будущих курсантов. В советское время приоритетным объявлялось единство народа и партии, любовь к Родине, морально-политическое единение общественной жизни. Однако во все эпохи сохранялись непреходящие ценности, на базе которых была выстроена система воспитания воинов и защитников. К ней относятся те, кто выражает своё отношение к социуму, себе, ближнему, природе, армии. Именно они содействуют развитию всех базисных сил людей, их индивидуальных качеств; помогают приобрести духовную свободу, осознать ответственность, воспитать моральную основу личности [3].

Вместе с тем в состав нынешних духовно-ценностных параметров воспитания курсантов входят: служение Родине, самопреодоление, добросовестность, уравновешенность, честность, целеустремленность, ответственность. Содержание духовного воспитания курсантов в вузах включает гражданско-нравственный и воинский аспект в их взаимосвязи. При этом ключевыми установками патриотического воспитания являются:

1. Разрешение противоречий в области воспитания и формирования патриотических чувств с учетом обстоятельств нынешнего времени в российском обществе. Исходя из этого, можно определить отдельные факты разрешения данных проблем. К ним можно отнести:

– энергичную деятельность военачальников всех степеней, воспитательных подразделений по формированию патриотического сознания курсантов, например в структурах МЧС России;

– поиск наиболее радикальных мер, методов и форм работы по воспитанию героизма. Одним из значительных средств, развивающих высокие патриотические чувства курсантов, являются воинская символика и воинские церемонии.

2. Военно-нравственное воспитание курсантов. Оно должно согласовываться с конкретной военно-политической ситуацией в мире и отдельных регионов, наиболее близко расположенных к России, с целевыми установками проводимых реформ. В этой связи Русская православная церковь рекомендует все занятия, учения, тренировки, подготовку к миротворческим операциям разбирать через призму патриотического и духовного воспитания, добиваться, чтобы все курсанты осознавали значимость каждой операции для укрепления мощи страны, сохранения ее влияния и величия.

3. Воспитание курсантов в духе дружбы многонациональных народностей России.

4. Воспитание курсантов на доблестных традициях граждан страны и армии. Ключевое значение здесь имеет применение в воспитательной работе законодательного акта «О днях воинской славы», ставших победными для Российского государства [4].

Духовное воспитание в военных институтах – одно из основополагающих направлений нравственного воспитания в армии и структурах МЧС России, которое выступает в роли целенаправленного и регулярного воздействия на физиологическое и духовное развитие курсантов в целях их подготовки к решению военных конфликтов и помощи людям в тяжелых ситуациях.

Содержание воспитания курсантов установлено Конституцией РФ, статутами и военной присягой. Конституция говорит о том, что «защита Родины является обязанностью любого индивида», который несет службу в войсках на основе государственных актов.

В этой связи можно выделить направления духовного воспитания курсантов в военных институтах:

– привитие курсантам моральных догм и правил поведения, обусловленных особенностью профессиональной деятельности;

– применение особых педагогических приемов, содействующих перерастанию познаний в убеждения;

– формирование у курсантов умений и навыков поведения, отвечающих этим принципам и требованиям нравственности, превращение их в стабильные привычки;

– накопление практического опыта высокодуховного поведения в разных обстоятельствах и ситуациях (жизни, службе, учебе) [5].

Ключевыми структурными составляющими, отражающими результативность и сущность духовного воспитания, как свидетельствует анализ законов и нормативных актов, графиков воспитательной деятельности и рекомендаций Министерства обороны и Министерства по чрезвычайным ситуациям, выступают: система нравственных знаний, убеждений, взглядов, привычек, навыков, определяющих практические результаты, поведение, деятельность курсантов в разной обстановке и условиях. Таким образом, духовное воспитание направлено на решение ряда непростых проблем, которые призваны выработать у курсантов готовность к служению Родине, для чего нужно создать условия, которые дадут возможность усвоения ими традиций долга и взаимовыручки, постижения новых страниц воинской доблести, формирования таких моральных норм, как совесть, честь, дисциплинированность, справедливость, мудрость.

Кроме того, способствует духовному воспитанию курсантов посещение храмов, которые, как правило, расположены на территории вузов. Церковь в этой связи активизирует своё положительное влияние на курсантов.

Исторический опыт подтверждает, что в развитии жизненной позиции курсанта и его нравственном развитии особое место занимала деятельность Русской церкви. Военные священнослужители вместе с бойцами выдерживали все лишения и тяготы, которые выпадали на долю русской армии [6].

В советский период, в связи с атеистической идеологией, эта традиция перестала существовать. И лишь с 1990-х гг. в жизни российской армии и Православной церкви ясно наблюдается тенденция увеличения и расширения взаимодействия, сотрудничества и сотрудничества на основе двух ответвлений служения Родине – служения пастырского и воинского.

Сегодня правовое поле в сфере духовного просвещения курсантов определяется функционирующим законодательством, директивными уставами соответствующих ведомств и силовых министерств, Статутом Синодального Отдела, подписанными договорами о взаимодействии с подразделениями Православной церкви, а также общими планами работы и наличествующим опытом образовательной и просветительской работы Церкви.

При этом духовное образование курсантов основывается на добровольных началах, по выбору курсантов и их личному желанию, с одной стороны. С другой стороны, закон воспрещает подвергать курсантов какому-либо ограничению прав, притеснению, в том числе на получение духовного просвещения [7]. На сегодняшний день заключены договоры о сотрудничестве ключевых силовых ведомств и епархий Православной церкви в лице Патриархата и Министерства обороны, а также правоохранительных органов. Учреждения, военные институты и епархии и приходы Церкви формируют пропаганду духовных ценностей среди военных и будущих спасателей МЧС России.

В подписанных договорах в части, относящейся к вопросам просвещения, отмечается, что общая работа сторон направлена:

- на осуществление и разработку проектов, содействующих патриотизму и нравственному воспитанию и просвещению курсантов и членов их семей;
- на проведение занятий в виде факультатива с военными и членами их семей по изучению основ православия и традиций различных народов мира;
- на оборудование и организацию в военных казармах воскресных школ, специальных православных библиотек, лекториев и кружков православной истории.

Эти занятия по основам православия, духовной нравственности и безопасности ставят следующие цели:

- воспитание патриотических чувств, любви к семье;
- изучение духовной этики как тысячелетней традиции народа России и воспитание общественной культуры;
- углубление познаний по истории Православной церкви и России;
- знакомство с православной службой и деятельностью сект;
- изучение причин конфликтов в военных образовательных учреждениях на религиозной и межнациональной почве, методов их предотвращения.

Первые итоги совместной работы военных образовательных структур Армии и МЧС России и соответствующих отделений Православной церкви показывают, что духовное просвещение курсантов:

- во-первых, надлежащим образом обеспечивает подготовку курсантов к службе в различных экстраординарных обстоятельствах, к которым можно отнести аварии, военные конфликты и т. д. При этом нужно отметить, что среди обучающихся встречаются люди, относящие себя к разным религиям;
- во-вторых, содействует упрочению военной дисциплины, предупреждению пьянства, преступлений, самоубийств, наркомании;
- в-третьих, способствует решению социально-бытовых и межличностных конфликтов курсантов и их семей.

Для курсантов с их участием реализуется работа по возрождению основ православной традиции; укрепляются взаимоотношения со священниками в церквях; каждый день ведется образовательная и просветительная деятельность (это может быть просто беседа или консультация. Это и занятия в воскресном кружке, проведение лекций, «круглых столов», конференций по истории Церкви); оборудуются обелиски с именами умерших за Родину и веру.

В полномесной мере росту качества такой деятельности способствовало основание в 1995 г. Синодального отделения по взаимодействию с армией, институтами МЧС и правоохранительными структурами.

Сегодня отделение, в основном, работает в сфере строительства отношений с ведомствами и министерствами, в состав которых включены воинские подразделения. Кроме того, проводится координационная, управленческая и правовая работа в сфере взаимоотношений с органами военного подразделения.

Ключевыми направлениями Синодального отделения стали:

- координация взаимодействий священников с военными и структурами МЧС России по вопросам реализации договоров и программ двухстороннего государственно-церковного сотрудничества;
- оказание духовной и практической поддержки, военным и органам воспитательной службы в войсках в проведении и подготовке результатов религиозной ситуации в коллективах и районах дислоцирования курсантов [8];
- забота о духовной помощи курсантам как в местах их длительного пребывания, так и во время дальних командировок в районы исполнения служебных задач, в том числе в составе контингентов миротворцев в Абхазии, Египте, на Северном Кавказе и ряде других;

– участие в мероприятиях нравственно-просветительской деятельности в рамках проведения и подготовки победных дней славы России, юбилейных и торжественных событий и дат истории России, истории родов и типов Вооруженных сил;

– участие Православной церкви в сотрудничестве с руководством разных структур армии и МЧС и иных ведомств, имеющих в своем составе воинские подразделения и чрезвычайные формирования в правоохранительной работе по содержанию граждан в местах лишения свободы;

– информирование Патриарха о мероприятиях и событиях в военной среде и органах правопорядка, представляющих значимый интерес для Церкви.

Таким образом, благодаря всем этим действиям и шагам в военных вузах и институтах МЧС России сегодня стала формироваться своя система духовного воспитания будущих офицеров, спасателей, основанная на лучших традициях воинского долга.

Примечания

1. Ажнакина Н. Б. Социальная работа Русской православной церкви // Отечественный журнал социальной работы. 2004. № 1. С. 59–62.

2. Беляева В. А. Концептуальные основы духовно-нравственного становления и развития личности учителя в контексте светской и православной педагогической культуры // Научные труды МПГУ. М.: Прометей, 1998. С. 103–109.

3. Бородин Н. Традиции и воинские ритуалы в Вооруженных силах РФ // Ориентир. 2005. № 6. С. 59–63.

4. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 1. М.: Русская книга, 1993. 216 с.

5. Ключаров Н. Н. Религия в духовной жизни российского офицера // Военная мысль. 1994. № 1. С. 56–59.

6. Кузьмин М. А. Проблемы сохранения единого образовательного и духовного пространства России // Педагогика. 2004. № 4. С. 3–4.

7. Лихачев А. Е. Воспитание и духовность (заметки православного педагога) // Педагогика. 2001. № 3. С. 33–36.

8. Новожиллов И. К. Православие и люди в погонах // Вестник военного и морского духовенства. 2004. № 1(661). С. 18–48.

Notes

1. Azhnikina N. B. Social work of Russian Orthodox Church//Domestic magazine of social work. 2004. – № 1. – S. 59-62.

2. Belyaeva V. A. Conceptual bases of spiritual and moral formation and development of the identity of the teacher in the context of secular and orthodox pedagogical culture//Scientific works of MPGU. M.: Prometheus, 1998. S. 103-109.

3. Borodin N. Traditions and military rituals in Armed Forces of the Russian Federation//the Reference point. 2005. – № 6. S. 59-63.

4. Ilyin I.A. Put of spiritual updating: T.1. M.: Russian book, 1993. – 216 s.

5. Klyucharov H. H. Religion in spiritual life of the Russian officer // Military thought. M, 1994. – № 1. S. 56-59.

6. Kuzmin M. A. Problems of preservation of uniform educational and spiritual space of Russia//Pedagogics. 2004. – № 4. – S. 3-4.

7. Likhachev A. E. Education and spirituality (note of the orthodox teacher)//Pedagogics. 2001. – № 3. – S. 33-36.

8. Novozhilov of I. K. Pravoslaviye and people in shoulder straps // the Messenger of military and sea clergy. 2004. – № 1 (661). S. 18-48.

Игра с образностью в текстах немецкого политического дискурса*

В статье рассматривается использование в текстах немецкого политического дискурса одного из приемов языковой игры – игры с образностью. Под языковой игрой понимается осознанный, намеренный, прагматически мотивированный процесс использования говорящим возможностей языковой системы с целью оказания манипулятивного воздействия на адресата. Мы остановимся на двух подходах к изучению языковой игры: рассмотрение языковой игры с позиции системности языка и ее реализации в речи. Поскольку целью политического дискурса является внушение адресатам необходимости эффективных действий и оценок, то он традиционно находится в фокусе повышенного внимания лингвистов, что и определяет актуальность настоящего исследования. Манипулятивные возможности языковой игры проиллюстрированы корпусом собранных примеров.

The article discusses the use of one of the language game forms – an imagery game, in the texts of the German political discourse. The language game is a conscious, intentional, pragmatically motivated process of using the opportunities of the language system in order to manipulate an addresser. Two approaches to the study of language game are regarded: studying the language game from the position of the language system and from the position of its realization in speech. Since the purpose of political discourse is the suggestion addressers the need for effective actions and assessments, it is traditionally in the focus of scientific attention, which determines the relevance of the present study. Manipulation capacity of the language game is illustrated by the examples.

Ключевые слова: политический дискурс, речевое воздействие, языковая игра, отклонение от нормы, намеренное нарушение, прагматика, игра с образностью, креативная метафора, манипулятивный потенциал.

Keywords: political discourse, linguistic manipulation, language game, deviation from the norm, intentional violation, pragmatics, imagery game, creative metaphor, manipulation potential.

1. Введение

Борьба за власть является основной темой и движущей силой коммуникативного взаимодействия внутри политического дискурса. Основным средством достижения, сохранения и укрепления власти является язык. Посредством языка политический деятель или журналист, освещающий политическую борьбу, влияют на потенциального избирателя, добиваясь определенного результата, т. е. оказывают на него речевое воздействие. В этой связи интересно использование языковой игры (ЯИ) в текстах немецкого политического дискурса, которая благодаря своей сущности обладает высоким потенциалом воздействия.

Существующие приемы ЯИ разнообразны и не поддаются строгому учету. Они охватывают диапазон от тропов и стилистических фигур, графических выделений на базе слова, словосочетания, предложения или всего текста до прецедентных феноменов [1]. В рамках данной статьи на основе корпуса собранных высказываний будет представлен один из приемов ЯИ – игра с образностью. Вначале рассмотрим ЯИ в общем, чтобы глубже понять сущность и механизмы ее функционирования в текстах немецкого политического дискурса.

2. Языковая игра

Лингвистический подход к изучению ЯИ представлен рядом концепций, в которых ЯИ может рассматриваться с точки зрения системности языка, с позиции реализации ЯИ в речи, в рамках когнитивной лингвистики, стилистики и, наконец, с позиции социолингвистики. Среди обозначенных выше подходов для нашего исследования наиболее релевантным представляется рас-

смотрение ЯИ с позиции системности языка и ее реализации в речи. Остановимся на этих подходах.

При рассмотрении ЯИ с позиции системности языка, в первую очередь, имеется в виду отклонение от нормы, которое проявляется на всех уровнях языковой системы: на фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом и текстовом уровнях [2]. Подобное отклонение от нормы можно назвать аномалией [3]. Кроме того, отклонение от нормы можно рассматривать как вид лингвистического эксперимента, позволяющего натолкнуть исследователя на серьезные размышления о значении и функционировании языковых единиц разных уровней [4]. Или, соотносясь с уровневой организацией языка, языковая игра может выступать как особый вид комического [5]. В более широком смысле под языковой игрой понимают любые манипуляции с языком – его лексическими, грамматическими и фонетическими ресурсами [6].

Прежде чем перейти к рассмотрению ЯИ с позиции ее реализации в речи, обратимся к семиотической стороне проблемы. Игровой принцип является основой семантической организации и играет ведущую роль в порождении смысла произведения [7]. На основе этого положения стало возможным рассмотрение ЯИ как особого вида речетворческой семиотической деятельности [8]. Данный вид деятельности реализуется в трех аспектах: семантике, синтактике и прагматике.

Семантический аспект предполагает изучение ЯИ, которая возникает как результат обыгрывания многозначности либо омонимии / омофонии / омографии языковых единиц [9].

Синтаксический аспект изучения ЯИ связан с рассмотрением синтаксических ресурсов текста в качестве объекта языковой игры [10]. При этом имеются в виду прежде всего синтаксические нарушения. Целью таких синтаксических нарушений является придание тексту экспрессии, которая должна оказать на адресата дополнительное воздействие.

Поскольку целью ЯИ является оказание на получателя дополнительного воздействия, наиболее актуальным аспектом изучения ЯИ является прагматический аспект. ЯИ представляет собой осознанный, намеренный процесс использования человеком возможностей языка в определенных целях: для удовлетворения эстетических потребностей человека, для создания комического эффекта, а также для других форм воздействия на собеседника [11]. В этой связи интересно изучение игрового эффекта [12], или, если использовать терминологию прагмалингвистики, перлокутивного эффекта. Перлокутивный эффект достигается за счет намеренного нарушения правил использования языка.

Правомерно говорить о намеренном нарушении коммуникативных постулатов П. Грайса: категории количества, категории качества, категории отношения, категории способа [13]. При этом отступление от нормы должно четко осознаваться и допускаться адресантом; адресат, в свою очередь, должен понимать, что «это нарочно так сказано», чтобы не оценить соответствующее выражение как ошибку, тем самым он принимает эту игру и пытается вскрыть глубинное намерение автора [14]. При рассмотрении семантического, синтаксического и прагматического аспектов языковой игры выявляются механизмы ее реализации в речи.

Под ЯИ в данном случае понимается осознанный, намеренный, прагматически мотивированный процесс использования говорящим возможностей языковой системы с целью оказания воздействия на адресата. Одной из таких возможностей является игра с образностью.

3. Игра с образностью

Игра по своей сути немыслима без образности и, соответственно, синонимична, тождественна ей [15]. Образность является одним из многочисленных признаков игры. И человек, и животные играют непосредственно с образами. Важно, что предмет может быть игровым объектом только при условии, что он содержит возможность образности. Сфера игры – это сфера образов, и именно поэтому – сфера возможностей и фантазий [16].

Образ присутствует везде, где мысль выражается при помощи метафоры [17]. Напомним, метафора представляет собой перенос наименования с одного объекта, предмета, лица, явления на другой, сходный с первым в каком-либо отношении [18]. Но при этом метафора не только подмечает реальное сходство предметов, но и сама создает его, подсказывает новый взгляд на предмет, заставляет увидеть похожее в обычном [19].

В рамках настоящей статьи в качестве ЯИ рассматриваются только свежие, неожиданные метафоры, обладающие наибольшими выразительными способностями. Подобные метафоры иногда называют «креативные метафоры» [20]. Креативные метафоры привлекают внимание, будят любопытство. Удачная креативная метафора обладает большим манипулятивным потенциалом, чем привычные, всем известные метафоры [21].

Манипулятивный потенциал метафоры объясняет столь высокую частоту ее употребления в политическом дискурсе. При этом отмечается повышенная частотность метафор в периоды

предвыборного межпартийного противоборства [22]. Метафора, функционирующая в политическом дискурсе (политическая метафора), способна не просто менять отношение к ситуации, но и в целом управлять поведением избирателя. Метафорические образы являются важнейшим, если не решающим фактором принятия политических решений [23], поскольку посредством метафоры у избирателя формируется либо положительное, либо отрицательное мнение о той или иной политической единице (политике, партии, программе, мероприятии).

Основой для создания метафоры является любая сфера деятельности. В проанализированных нами текстах политического дискурса мы встретили следующие метафоры: метафоры цвета, войны, природы, религии, здоровья.

Метафоры цвета. Цветовая палитра немецких политических партий позволяет создавать интересные метафорические образы и за счет этого вызывать устойчивые ассоциации у избирателя. В предвыборных кампаниях последних лет обыгрывались следующие цвета: *schwarz* (черный), *rot* (красный), *gelb* (желтый), *grün* (зеленый). Известные общественно-политические интерпретации цветов в ФРГ связывают чёрный цвет с христианской (католической) и консервативной традицией (ХДС/ХСС), жёлтый – с либерализмом и привлекательностью для масс (СвДП), красный – с социал-демократическим, рабочим и коммунистическим движениями (СДПГ, «Ди Линке»), зелёный – с чистой экологией («Союз 90/Зеленые») [24].

(1) – *Dann bleiben Sie dabei: CDU und CSU sind schwarz lackierte Sozialdemokraten?*

(2) – *Ja, in weiten Teilen – außer in Hamburg: Da ist die CDU grün lackiert* (Hamburger Abendblatt, 14.05.2009).

– *Тогда Вы настаиваете на том, что ХДС и ХСС являются социал-демократами, покрытыми черным лаком?*¹

– *Да, по большей части, кроме Гамбурга: там ХДС покрыт зелёным лаком.*

В настоящих высказываниях неожиданно обыгрываются черный – символический цвет ХДС/ХСС, применительно к коллегам по коалиции «красным» социал-демократам, и зеленый цвет по отношению к политикам ХДС, правящим в Гамбурге вместе с партией «Союз 90/Зеленые». Помимо формирования негативного отношения к правящей коалиции данные высказывания направлены на достижение комического эффекта.

(3) *Alles, was wächst, ist grün* (Hamburger Morgenpost, 28.08.2009). *Все, что растет, зеленого цвета.*

В данном примере обыгрывается символический цвет партии «Союз 90/Зеленые». Как мы видим, метафорический образ направлен на формирование положительных ассоциаций относительно партии.

(4) *Uns reicht es nicht, wie die Große Koalition ab und zu ein paar grüne Worte zu sprechen und halbherzig oder gar entgegen der offiziellen Ziele zu handeln* (Euro, 03.09.2009). *Нам не достаточно, как это делает большая коалиция, время от времени произносить пару зеленых слов и действовать, скрепя сердцем, а то и вопреки официальным целям.*

В настоящем примере языковая игра направлена на придание экспрессивности высказыванию.

(5) *Dafür muss aber der Blaumann in der Industrie endlich grün werden* (Plenarprotokoll, 16/233). *Но для этого синий рабочий комбинезон в промышленности должен, наконец, стать зеленым.*

Интересно обыгрываются цвета в приведенном примере: синему, традиционному цвету формы рабочего на производстве, противопоставляется зеленый цвет. Он ассоциируется с партией «Союз 90/Зеленые» и их программой, которая направлена, в частности, на переориентацию производства в русло бережного отношения к окружающей среде.

(6) *Dann werden die Grünen ihre Reise nach Jamaika antreten – da sie in Hamburg bereits mit der Union regieren, halte ich dies auch im Bund für möglich* (Wirtschaftswoche, 05.04.2009). *Тогда зеленые отправятся в свое путешествие на Ямайку – поскольку в Гамбурге они уже правят с Союзом, я не исключаю этой возможности и на уровне федерации.*

(7) *Wie wäre es mit Jamaika, einem breiten Bündnis der bürgerlichen Kräfte in Deutschland* (Der Spiegel, 26/2009)? *Как насчет Ямайки, широкого союза гражданских сил в Германии?*

В настоящих примерах метафорический образ основан на сходстве комбинации цветов государственного флага Ямайки и цветовой символики некоторых политических партий Германии.

(8) *Westerwelle will die Ampel regieren* (Wirtschaftswoche, 05.04.2009). *Вестервелле хочет править светофором.*

(9) *Neben dem schwarz-gelben Bündnis sind auch die Fortsetzung der Großen Koalition, ein Jamaika-Bündnis, eine schwarz-grüne Koalition und – so Westerwelle es will – die Ampel möglich* (Der

¹ Здесь и далее перевод примеров наш. – Е. Х.

Spiegel, 31/2009). Кроме черно-желтого союза также возможно продолжение большой коалиции, ямайский союз, черно-зеленая коалиция и – да будет так угодно Вестервелле – светофор.

(10) Die SPD befeuert **Ampel-Spekulationen**, um von der Tatsache abzulenken, dass jene, die sich als SPD-Führung von morgen verstehen also die Wowereits und Gabriels und Nahles` längst entschlossen sind, eine linke Mehrheit zum Regieren zu nutzen, wenn der Wähler sie ließe (Wirtschaftswoche, 05.04.2009). СДПГ забрасывает спекуляциями на тему «светофор», чтобы отвлечь внимание от факта, что те, кто позиционирует себя завтрашними лидерами СДПГ, воверайты, габриэли и налесы, давно решили использовать для правления левое большинство, если это позволит избиратель.

Приведенные в качестве примера метафорические словообразования содержат существительное «Ampel» (светофор), символизирующее три цвета конкурирующих партий, которые могли бы стать коалиционными партнерами.

(11) Die **Ampelmännchen** (Der Spiegel, 8/2009). Светофорные человечки.

С метафорой «Ampel» связан и данный метафорический образ. Метафора направлена на политических лидеров, участвующих в предвыборной гонке. Данная метафора призвана вызывать негативные ассоциации, обусловленные историческим контекстом. Имеются в виду фигурки забавных человечков на светофорах – наследие ГДР, символ ностальгии и локального патриотизма. Кроме того, существительное «Ampelmännchen» (светофорные человечки) созвучно существительному «Hampelmännchen» (марионетки), имеющее в контексте политической коммуникации ярко выраженную негативную коннотацию.

(12) Die SPD **blinkt grün** und will **Schwarz-Rot** (Bild, 18.07.2009). СДПГ мигает зеленым, а хочет черно-красным.

Глагол «blinken» (мигать, подавать световые сигналы), возможно, семантически связан с мигающим зеленым светом светофора. Использование метафорического образа направлено на создание негативного отношения у избирателя к политическому оппоненту.

Как видно, метафоры цвета используются для достижения комического эффекта, придания высказыванию экспрессивности, создания положительных или отрицательных ассоциаций.

Метафоры войны. Метафоризированные военные термины представлены такими именами существительными, как «Kampagne» (кампания), «Koalition» (коалиция), «Kampf» (борьба), «Bündnis» (союз), «Gehirnwäsche» (промывание мозгов). Среди представляющих для нас интерес случаев игры с образностью отсутствуют изолированные, одиночные метафоры. Достаточно интересны следующие развернутые метафорические образы с использованием военной лексики и цветовой символики политических партий:

(13) Die **Hoffnung auf eine Ampelkoalition** haben viele Genossen derweil aufgegeben (Der Spiegel, 32/2009). Между тем многие товарищи потеряли надежду на светофорную коалицию.

(14) Aber wir werden keinen **Ampel-Wahlkampf** machen (Hamburger Morgenpost, 28.08.2009). Но мы не собираемся устраивать предвыборную борьбу за светофор.

(15) Seit der Absage von FDP-Parteichef Guido Westerwelle an **ein Ampelbündnis** mit SPD und Grünen sind die Kanzler-Chancen von Frank-Walter Steinmeier auf ein Minimum geschrumpft (Der Spiegel, 34/2009). С момента отказа председателя СвДП Гидо Вестервелле участвовать в светофорном союзе с СДПГ и зелеными шансы Франка-Вальтера Штайнмайера сократились до минимума.

На сходстве символических цветов партий, которые могут составлять коалицию, и цветах светофора построена данная игра с образностью.

(16) Diese **Schwarz-gelbe-Socken-Kampagne** der Linken wird nicht verfangen (Münchener Merkur, 07.09.2009). Эта черно-желтая носочная кампания левых не пройдет.

(17) Stattdessen fangen sie wieder an – im Augenblick mit einer **Schwarz-gelbe-Socken-Kampagne**, – den Menschen in Deutschland Angst davor zu machen, dass Union und FDP die Mehrheit erlangen und in der nächsten Legislaturperiode an die Regierung kommen (Plenarprotokoll, 16/233). Вместо этого они тут же начинают говорить про черно-желтую носочную кампанию, снова пугая людей в Германии тем, что Союз и СвДП получат абсолютное большинство и в следующем союзе окажутся в правительстве.

В рассмотренных метафорических словообразованиях, помимо того что обыгрываются цвета борющихся за власть политических партий, благодаря существительному «Socke» (носок) содержится намек на предвыборную кампанию 1998 г. Во время этой предвыборной гонки на плакатах ХДС была изображена веревка для белья с болтающимся красным носком, прикрепленному к ней зеленой прищепкой, и надпись «Auf die Zukunft, aber nicht auf roten Socken» («За будущее, но не на красных носках»). Подобным образом ХДС хотел предотвратить коалицию ПДС (Партия демократического социализма) и СДПГ или возможное красно-зеленое правительство. Соответственно, использование данной языковой игры в предвыборной борьбе 2009 г. направлено на вызов негативных ассоциаций по отношению к политическому оппоненту.

(18) Neben dem schwarz-gelben Bündnis sind auch die Fortsetzung der Großen Koalition, ein Jamaika-Bündnis, eine schwarz-grüne Koalition und – so Westerwelle es will – die Ampel möglich (Der Spiegel, 31/2009). Кроме черно-желтого союза также возможно продолжение большой коалиции, ямайский союз, черно-зеленая коалиция и – да будет так угодно Вестервелле – светофор.

(19) Manch einer in Ihrer Partei glaubt schon, eine rot-gelb-rote «Spanien»-Koalition ausschließen zu müssen (Frankfurter Rundschau, 12.09.2009). Кое-кто в Вашей партии уже подумывает исключить испанскую коалицию.

Данные метафорические образы построены на использовании военной лексики, цветовой символике партий и названии некоторых стран. Метафоры «Jamaika-Bündnis» (ямайский союз) и «„Spanien“-Koalition» (испанская коалиция) основаны на цветовом сходстве государственных флагов Ямайки и Испании с цветами партий, которые могли бы стать коалиционными партнерами.

(20) Da sieht man, was elf Jahre rot-grüne und schwarz-rote Gehirnwäsche anrichtet (Stuttgarter Zeitung, 09.09.2009). Очевидно, к чему приводят одиннадцать лет красно-зеленого и черно-красного промывания мозгов.

(21) Soweit sind wir heute mit Ihrer linken Gehirnwäsche gekommen (Plenarprotokoll, 16/33). Вот к чему мы пришли с Вашим левым промыванием мозгов.

Конвенциональная метафора времен холодной войны «Gehirnwäsche» (промывание мозгов) приобретает большую выразительность, будучи расширенной атрибутами «rot-grün» (красно-зеленый), «schwarz-rot» (черно-красный), «link» (левый). Очевидно, что данный образ вызывает у избирателя резко негативные ассоциации по отношению к политическому субъекту, на который он направлен.

Интересно, что высказывания с метафорой войны направлены преимущественно на вызов негативных ассоциаций по отношению к политическому противнику.

Метафоры природы. В данном пункте речь пойдет о метафорах, связанных с миром животных, так называемых зооморфных метафорах, и метафорах, относящихся к миру неживой природы (погодные явления, ландшафт, стихии и др.).

(22) Montag vergangener Woche, Präsidiumssitzung der CDU in Berlin, die Kanzlerin und die großen Hirsche der Partei (Der Spiegel, 11/2009). Понедельник минувшей недели, заседание президиума ХДС в Берлине, канцлер и большие олени партии.

(23) Im liberalen Himmel herrscht über nichts so viele Freude, wie über jedes bekehrte schwarze Schaf (Münchener Merkur, 13.01.2009). Ничему так не радуются на либеральном небе, как каждой наставленной на путь истины черной овце. Очевидно, приведенные в качестве примера зооморфные метафоры несут четкие и постоянные оценочные коннотации.

(24) Mit derselben Energie, mit der dieser Finanzminister sogenannte Steueroasen im Ausland austrocknen will, sollte er die deutsche Steuerwüste bewässern (Sonntags Blick, 24.05.2009). С той же энергией, с какой министр финансов хочет осушить за границей так называемые налоговые оазисы, ему бы следовало оросить немецкую налоговую пустыню. Конвенциональной, широко используемой метафоре «Steueroasen austrocknen» (осушить налоговые оазисы) противопоставляется свежая, неизбитая метафора «Steuerwüste bewässern» (оросить налоговую пустыню).

(25) Vor allem die FDP soll als Partei der Kälte beschrieben werden, als Truppe, die dem Land jede Menschlichkeit entziehen will (Der Spiegel, 32/2009). Прежде всего, СвДП должна быть охарактеризована как партия холода, войско, которое хочет лишить страну человечности.

(26) Linke Misthaufen der Geschichte (Der Spiegel, 2/2009). Левые навозные кучи истории.

Использование настоящих метафорических образов направлено на формирование резко негативного отношения на проецируемые субъекты политики.

Таким образом, метафоры природы используются в текстах политического дискурса для создания оценочной коннотации. Они вызывают как позитивные, так и негативные ассоциации.

Религиозные метафоры. В проанализированных нами текстах политического дискурса мы встретили следующие высказывания, содержащие религиозные метафоры:

(27) Dafür, dass die linken Sektierer angeblich nur eine unbedeutende Minderheit sind, haben sie einen erstaunlich großen Einfluss auf Ihr Programm und Ihr Personal (Der Spiegel, 28/2009). За то, что левые сектанты, казалось бы, представляют лишь незначительное меньшинство, они обладают невероятным влиянием на Вашу программу и Ваш персонал.

Конвенциональная метафора «Sektierer» (сектанты) приобретает большую выразительность за счет использования атрибута «link» (левый). Метафорический образ призван вызвать негативные ассоциации относительно крайне левых политических сил.

(См. 23) Настоящее высказывание можно рассмотреть и в пункте «религиозные метафоры», поскольку здесь содержится аллюзия на Библию. Тем интереснее этот пример, что в нем высмеивается «черный» политик ХДС, «das schwarze Schaf» (черная/паршивая овца), партии, изначально

опирающейся в своем уставе на христианские ценности. Под «*der liberale Himmel*» (либеральное небо) подразумевается либеральная партия «СвДП».

Очевидно, что религиозные метафоры используются для создания оценочной коннотации, вызывающей, как правило, негативные ассоциации.

Метафоры здоровья. Любопытными представляются следующие примеры:

(28) *Vernünftiger, als Branchen zu subventionieren, vernünftiger, als Unternehmen nach Unternehmen an dem Steuertropf zu hängen, wäre es, die ganze Volkswirtschaft zu entlasten, alle, die arbeiten, zu entlasten* (Plenarprotokoll, 16/206). *Разумнее, чем субвенционировать отдельные отрасли, разумнее, чем подключить предприятие за предприятием к налоговой капельнице, было бы разгрузить народное хозяйство, разгрузить всех, кто работает.*

(29) *Das ist ein teures Steuerzahlerpflaster auf den Gesundheitsmurks* (General-Anzeiger, 30.01.2009). *Это дорогой пластырь налогоплательщиков на халтуре в системе здравоохранения.*

В обоих случаях развернутая метафора состоит из лексических единиц, функционирующих в медицинской среде. Получились неожиданные, свежие метафорические образы, обладающие большой выразительной силой и вызывающие негативные ассоциации.

Как мы видим, использование метафор здоровья направлено на придание высказыванию экспрессивности и на создание негативных ассоциаций по отношению к политическому оппоненту.

4. Заключение

ЯИ относится к лингвистическим единицам, которые воздействуют на адресата, затрагивая поверхностные структуры его сознания. ЯИ используется, чтобы сделать речь неожиданной, привлекательной, образной. За счет этого ЯИ позволяет адресанту привлечь внимание адресата, акцентировать мысль, уйти от прямого ответа, убедить.

Изучение ЯИ вне понятия образности было бы сужением, упрощением игровой сферы. Не случайно метафорические образы относят к «арсеналу языка власти» [25]. Проанализированные нами примеры наглядно показывают, как при помощи игры с образами можно придать высказыванию экспрессивности, вызвать определенные ассоциации, сформировать положительное или отрицательное отношение к политической единице у избирателя и таким образом повлиять на его политическое решение.

Примечания

1. Ильясова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта: Наука, 2012. С. 6.

2. Schmitz U. Mit „spielen“ spielen // Sprache spielen. – Freiburg im Breisgau: Herbert Jürgen Welke Fillibach, 2007. S. 308.

3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.

4. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.

5. Земская Е. М., Китайгородская М. В., Ширяева Е. Н. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983.

6. Рахимкулова Г. Ф. Языковая игра в прозе Владимира Набокова (к проблеме игрового стиля): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 22–23.

7. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 75–77.

8. Лисоченко Л. В., Лисоченко О. В. Языковая игра на газетной полосе // Эстетика и поэтика языкового творчества: межвуз. сб. науч. статей. Таганрог, 2000. С. 128–142.

9. Wurth L. Das Wortspiel bei Shakespeare. New York: Johnson, 1964.

10. Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. М.: Флинта, 2006.

11. Денисова Е. А. Структура и функции энигматического текста (на материале русских загадок и кроссвордов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. С. 9.

12. Wurth L. Das Wortspiel bei Shakespeare. New York: Johnson, 1964.

13. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985.

14. Донгак С. Языковая игра и обманутое ожидание // Критика и семиотика. Красноярск: КГУ, 2001. Вып. 3/4. С. 76–78.

15. Курганова Е. Б. Игровой аспект в современном рекламном тексте: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. С. 43.

16. Buytendijk F. J. J. Wesen und Sinn des Spiels: Wesen und Sinn des Spiels. Das Spielen des Menschen und der Tiere als Erscheinungsform der Lebenstrieb, 7– 8. Berlin: Kurt Wolff Verlag / Der neue Geist Verlag, 1933.

17. Квятковский А. П. Поэтический словарь. М.: Сов. энцикл., 1966.

18. Виноградов С. И. Выразительные средства в парламентской речи // Культура парламентской речи. М.: Наука, 1994. С. 68.

19. Блэк С. Паблик Рилэйшнз: Что это такое? М., 1990. С. 162–167.

20. Sanders W. Das neue Stilwörterbuch: Stilistische Grundbegriffe für die Praxis. Darmstadt: WBG, 2007.

21. Nölke M. Die Sprache der Macht. Wie man sie durchschaut. Wie man sie nutzt. Freiburg: Haufe-Lexware GmbH & Co, 2010. S. 148-149.
22. Андреев Н. И. Особенности метафоры в немецком политическом дискурсе // Вестник Московского университета. Сер. 22. 2011. № 3. С. 70.
23. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987; Münkler H. Politische Bilder, Politik der Metaphern. Frankfurt a/M, 1994.
24. Андреев Н. И. Особенности метафоры в немецком политическом дискурсе. С. 75-76.
25. Nölke M. Die Sprache der Macht. Wie man sie durchschaut. Wie man sie nutzt. Freiburg: Haufe-Lexware GmbH & Co, 2010. S. 3.

Notes

1. Pyasova S. V., Amiri L. P. *Yazykovaya igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy* [Language game of communicative space of media and advertising]. M. Flinta: Nauka. 2012. P. 6.
2. Schmitz Mit U. "spielen" spielen // Sprache spielen. – Freiburg im Breisgau: Fillibach Herbert Jürgen Welke, 2007. S. 308.
3. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. M. Languages of Russian culture. 1999.
4. Sannikov V. Z. *Russkij yazyk v zerkale yazykovoj igry* [Russian language in the mirror of language game]. M. 1999.
5. Zemskaya E. M., Kitajgorodskaya M. V., Shiryayeva E. N. *Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika. ZHest* [Russian colloquial speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. M. Nauka. 1983.
6. Rahimkulova G. F. *Yazykovaya igra v proze Vladimira Nabokova (k probleme igrovogo stilya): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Language play in the prose of Vladimir Nabokov (to the problem of game style): abstract dis. ... Dr of Philology]. Rostov-na-Donu. 2004. Pp. 22-23.
7. Lotman Y. M. *Vnutri myslyashchih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. M. 1996. Pp. 75-77.
8. Lisochenko L. V., Lisochenko O. V. *Yazykovaya igra na gazetnoj polose* [Language game on a newspaper strip] // *EHstetika i poehtika yazykovogo tvorchestva: mezhvuz. sb. nauch. statej* - Aesthetics and poetics of linguistic creativity: Intercollege. coll. of scient. articles. Taganrog. 2000. Pp. 128-142.
9. Wurth L. *Das Wortspiel bei Shakespeare*. New York: Johnson, 1964.
10. Norman B. Y. *Igra na granyah yazyka* [Game on the faces of language]. M. Flinta. 2006.
11. Denisova E. A. *Struktura i funkcii ehnmigmaticheskogo teksta (na materiale russkih zagadok i krossvordov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Structure and function of enigmatic text (on the material of Russian riddles and crossword puzzles): abstract dis. ... Cand. of Philology]. M. 2008. P. 9.
12. Wurth L. *Das Wortspiel bei Shakespeare*. New York: Johnson, 1964.
13. Grice G. P. *Logika i rechevoe obshchenie* [Logic and speech communication] // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* - New in foreign linguistics. Is. 16. M. 1985.
14. Dongak S. *Yazykovaya igra i obmanutoe ozhidanie* [Language game and deceived expectation] // *Kritika i semiotika* - Criticism and semiotics. Krasnoyarsk. KSU. 2001. Is. 3/4. Pp. 76-78.
15. Kurganova E. B. *Igrovoy aspekt v sovremennom reklamnom tekste: dis. ... kand. filol. nauk* [Game aspect in the modern advertising text: dis. ... Cand. of Philology]. Voronezh. 2004. P. 43.
16. Buytendijk F. J. J. *Wesen und Sinn des Spiels: Wesen und Sinn des Spiels. Das Spielen des Menschen und der Tiere als Erscheinungsform der Lebenstriebe, 7– 8*. Berlin: Kurt Wolff Verlag / Der neue Geist Verlag, 1933.
17. Kwiatkowski A. P. *Poehicheskiy slovar'* [Poetical dictionary]. M. Sov. Encyclopaedia. 1966.
18. Vinogradov S. I. *Vyrazitel'nye sredstva v parlamentskoj rechi* [Means of expression in a parliamentary speech] // *Kul'tura parlamentskoj rechi* - Culture of parliamentary speech. M. Nauka. 1994. P. 68.
19. Black S. *Pablik Rilehshnz: CHto ehto takoe?* [Public Relation: What is it?] M. 1990. Pp. 162-167.
20. Sanders W. *Das neue Stilwörterbuch: Stilistische Grundbegriffe für die Praxis*. Darmstadt: WBG, 2007.
21. Nölke M. Die Sprache der Macht. Wie man sie durchschaut. Wie man sie nutzt. Freiburg: Haufe-Lexware GmbH & Co, 2010. S. 148-149.
22. Andreev N. I. *Osobennosti metafory v nemeckom politicheskom diskurse* [Features of metaphors in German political discourse] // *Vestnik Moskovskogo universiteta* - Herald of Moscow University. Ser. 22. 2011, No. 3, p. 70.
23. Lakoff J., Johnson M. *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live] // *Yazyk i modelirovanie social'nogo vzaimodejstviya* - Language and modeling of social interaction. M. 1987; H. Münkler Politische Bilder, Politik der Metaphern. Frankfurt a/M. 1994.
24. Andreev N. I. *Osobennosti metafory v nemeckom politicheskom diskurse* [Features of metaphors in German political discourse]. Pp. 75-76.
25. Nölke M. Die Sprache der Macht. Wie man sie durchschaut. Wie man sie nutzt. Freiburg: Haufe-Lexware GmbH & Co, 2010. S. 3.

Формирование дискурсивного образа «врага» в политическом языке (на материале речей Тони Блэра, посвященных войне в Ираке)

В данной статье анализируется применение дискурсивных стратегий и приемов политического дискурса: общей стратегии интеракции, создания мнимой угрозы, «демонизации» оппонента, используемых в целях легитимации последующей войны в Ираке (20 марта 2003 г. – 15 декабря 2011 г.) британским премьер-министром Тони Блэром. Автор анализирует понятийный аппарат, используемый для текстового конструирования исследуемой категории – формирования дискурсивного образа «врага», приходит к выводу об отсутствии конкретики в формировании дискурсивного портрета оппонента, склонности говорящего к использованию общей терминологии: «терроризм», «режим», что способствует созданию интегративно-неопределенной категории в сознании аудитории. Кроме того, автор исследует использование Т. Блэром бинарной оппозиции «МЫ ГРУППА»/«ОНИ ГРУППА», способствующей формированию устойчивых стереотипов и находящей свое проявление в реальности экстралингвистического порядка.

This article analyses strategies and methods of political discourse used by former British Prime Minister Tony Blair for «War in Iraq» legitimization purposes, for instance: strategy of common interaction, strategy of imaginary threat creation, formation of a negative image of the opponent etc. The article mainly focuses on categorical tools, used for the construction of the studied category. The author suggests that Blair uses mainly common terminology like «terrorism», «regime», which contributes to the creation of vague category of the «enemy» in the minds of the audience. The author also explores the use of the binary opposition "We group" "They group" which foster sustainable attitudes of «enemy» in public opinion.

Ключевые слова: политический дискурс, дискурс-анализ, коммуникативные стратегии, анализ текста, «МЫ ГРУППА», «ОНИ ГРУППА», эмоциональное воздействие, экстралингвистическая реальность.

Keywords: political discourse, discourse analysis, communicative strategies, text analysis, «WE GROUP», «THEY GROUP», emotional impact, extralinguistic reality.

В основе критического дискурс-анализа заложена текстовая репрезентация окружающей действительности, формирующая общее представление об окружающем мире, а также способная преобразовывать имеющиеся знания человека в области социальных отношений. Основа данной позиции находит свое выражение в философии социального конструкционизма, рассматривающей феномен конструируемой социальной реальности в терминах перманентного, динамического процесса, где реальность воспроизводится людьми в процессах интерпретации и формулирования знаний [1]. В контексте философии социального конструкционизма можно сформулировать следующие базовые послылы критического дискурс-анализа:

1) знания необходимо рассматривать с критической точки зрения. Человеческие знания о мире не являются объективной вещью, несут на себе субъективную печать личности, что приводит к потере окружающей действительностью своей самобытности, реальности «как таковой». Выражаясь терминами дискурс-анализа, знания есть дискурсивный продукт;

2) знания об окружающей действительности – результат дискурсивных взаимодействий между людьми, вписанные в рамки определенного исторического контекста. Знания о мире обусловлены культурно и исторически;

3) социальные процессы и знания образуют устойчивые связи. Только посредством социального взаимодействия человек способен формировать знания и закреплять их;

4) взаимообусловленность знаний и норм поведения в обществе. Социальное поведение корректируется посредством знаний об окружающей действительности, на основании имеющихся знаний человек определяет приемлемые шаблоны поведения в том или ином обществе и руководствуется ими в процессе социального взаимодействия. Человеческое общество не есть однородная масса. В процессе социализации личность приобретает определенный социальный статус, что позволяет ему занять место в той или иной социальной группе. Подобно неоднородности человеческого социума неоднородны и знания, которыми обладают социальные группы, что с точки зрения критического дискурс-анализа выражается в ограниченности к доступу к узконаправленным дискурсам. Обладая последними, личность способна вносить коррективы и квазиуправлять знаниями, мнениями и суждениями индивидов, не обладающих доступом к узкона-

правленным дискурсам и вынужденных в силу обстоятельств принимать «на веру» полученную информацию [2].

В XXI в. «эксплуатация» знаний наиболее характерна для политической коммуникации. Данное суждение основано на предположении о том, что акторы политического дискурса при осуществлении политической коммуникации руководствуются собственными целями, желаниями и установками и ради их осуществления способны и вносят коррективы в политический дискурс. В качестве примера можно привести широко распространенную и повсеместно применяемую политическими деятелями радикальную дискурсивную стратегию деления общества посредством реализации бинарной оппозиции «МЫ ГРУППА»/«ОНИ ГРУППА», обычно приводящую к «дроблению» социума, возникновению новых социальных противоречий и углублению существующих. В проводимом текстовом анализе мы рассматриваем формирование категории «враг» в политическом дискурсе Тони Блэра, направленном на легитимацию войны в Ираке¹ и проводимом на материале следующих выступлений: «Tony Blair's speech opening March the 18th debate on the Iraq crisis in the house of Commons, as released by 10 Downing Street», «Blair's address to the nation, 20.03.03», «Speech at Labour's local government, women's and youth conferences, Glasgow 2003», «Blair speech to TUC Conference in Blackpool, 10.09.02.», «Blair's speech opening debate on Iraq in House of Commons, 18.03.2003». В процессе моделирования образа «врага» в рассматриваемых текстах применяются коммуникативные стратегии и тактики. Необходимо отметить, что в литературе отсутствует общепризнанное определение коммуникативных стратегий и тактик. Так, В. С. Третьякова под коммуникативной стратегией понимает совокупность решений участника речевой деятельности о последовательности речевых действий, определяющих его поведение [3]. Е. В. Ключев рассматривает коммуникативную стратегию как сумму действий, запланированных говорящим и реализуемых в ходе коммуникативного акта [4]. И. Н. Борисова понимает под коммуникативной тактикой использование говорящими речевых умений для построения диалога в рамках определенной коммуникативной стратегии [5].

Полагаем, что под коммуникативной стратегией можно считать определенную последовательность действий коммуниканта, используемую им для реализации заданных целей, достигаемых посредством использования необходимых тактик и речевых приемов в рамках выбираемых коммуникативных стратегий. Таким образом коммуникативная стратегия подразумевает построение речевого взаимодействия в соответствии с предполагаемыми условиями общения. Исследование дискурсивного материала позволяет определить стратегии, используемые в процессах моделирования комплексного дискурсивного образа врага в текстах Т. Блэра, и рассмотреть их следующим образом:

- 1) общая стратегия интеракции;
- 2) стратегия моделирования мнимой угрозы в условиях бездействия;
- 3) стратегия демонизации образа «врага».

Общая стратегия интеракции предусматривает создание положительного образа «МЫ ГРУППА» в виде положительной саморепрезентации», необходимой для создания контрастного отрицательного образа «ОНИ ГРУППА» – отрицательная репрезентация «врага» – «макроречевые акты, включающие в себя описание “наших” положительных и “их” отрицательных действий» [6]. «ОНИ ГРУППА» при помощи совокупности различных языковых средств представляется в тексте как общность, настроенная враждебно по отношению к представителям «свободных, демократических государств», путем:

- 1) Навешивания ярлыков посредством прямой номинации: terrorist, dictator, tyrant, regime, maniac, enemy.
- 2) Как фемистическое описание используемых противником инструментов: unconventional weapons of mass murder and destruction, instruments of terror, murderous ideologies, instruments of mass murder.
- 3) Номинация активности представителей «ОНИ ГРУППА» путем использования негативно окрашенных лексем: savageness, execution, murder, torture, terror, repression, brutality, cruelty, atrocity.
- 4) Имплицитное сравнение врага с отрицательными персонажами в истории посредством последовательного чередования личности и действий противника с личностями и деятельно-

¹ Тони Блэр (англ. Tony Blair) – бывший лидер Лейбористской партии Великобритании (Labor Party), 73-й премьер-министр Великобритании (с 1997–2007 гг). Самый молодой лидер Лейбористской партии Великобритании за всю историю ее существования, а также рекордсмен среди британских лейбористов по продолжительности пребывания во главе партии. Тони Блэр – феномен британской политики, носитель политической языковой культуры Великобритании.

стью общепризнанных антагонистов в истории человечества, что отчетливо видно на примере из речи Тони Блэра: What is perfectly clear is that Saddamis playing the same old games in the same old way. Yes, there are concessions. But no fundamental change of heart or mind... Naturally should Hitler appear again in the same form, we would know what to do... There are glib and sometimes foolish comparisons with the 1930s (имеется в виду сравнение действий противника Великобритании – Саддама Хусейна – с ситуацией и действиями Адольфа Гитлера в 30-е гг. XX в. – В. Б.). The threat to Britain today is not that of my father's generation. War between the big powers is unlikely. Europe is at peace. The cold war already a memory ... But this new world faces a new threat: of disorder and chaos born either of brutal states like Iraq, armed with weapons of mass destruction; or of extreme terrorist groups. Both hate our way of life, our freedom, our democracy ... My fear, deeply held, based in part on the intelligence that I see, is that these threats come together and deliver catastrophe to our country and world. These tyrannical states do not care for the sanctity of human life. The terrorists delight in destroying it [7].

Создание общего образа противника осуществляется путем соотнесения его с одной из устойчивых ассоциативных групп «терроризм», в рамках которой можно выделить террористов и их пособников, а также «режим тиранов», что находит проявление в текстовом выражении: Tyrannical regimes with WMD and extreme terrorist groups who profess a perverted and false view of Islam... [8]. При этом однородные подлежащие коррелируют между собой посредством союзной связи, что способствует созданию интегративных образов врага в массовом сознании электората. Другая дискурсивная стратегия – моделирование мнимой угрозы в условиях бездействия – подразумевает прогнозирование говорящим в своих текстах наступления апокалиптического будущего, подчеркивая высокую долю вероятности его наступления при условии игнорирования проведения необходимого комплекса действий, реализуемое посредством использования категории будущего времени: ...one day they will mistake our in naterе vulsion against war for permanent in capacity; when in fact, pushed to the limit, we **willact**. But then when we act, after years of pretence, the action **will have to be harder, bigger, more total in its impact**. Iraq is not the only regime with WMD. But back away now from this confrontation and **future conflicts will be infinitely worse and more devastating** [8]. At every stage, we should seek to avoid war. But if the threat cannot be removed peacefully, please let us not fall for the delusion that it can be safely ignored. If we do not confront these twin menaces of rogue states with Weapons of Mass Destruction and terrorism, **they will not disappear**. They **will just feed and grow on our weakness** [9].

Дискурсивному формированию мнимой угрозы также способствует применение следующих языковых средств: использование катализаторов угрозы: **impact, threat, menace**, эксплицитно характеризующих сложившееся положение как опасное. Дополнительными лексическими средствами, подкрепляющими эффект катализаторов угрозы, выступает ряд лексем, «детализирующих» угрозу – лексемы-инструменты угрозы (**WMD – weapons of mass destruction, radiological bombs, chemical weapons**). Для осознания аудиторией высокой доли вероятности наступления «темного будущего» Блэр моделирует возможные ситуации в прошлом при альтернативном стечении обстоятельств. Для реализации данной дискурсивной задачи британский премьер-министр использует категорию сослагательного наклонения, помещая современную дискурс-позицию в контекст трагедий прошлого: ...On September 11 last year, with the world still reeling from the shock of events, it came together to demand action. But suppose **I had come** last year on the same day as this year – September 10. Suppose **I had said** to you: there is a terrorist network called al-Qaida. It operates out of Afghanistan. It has carried out several attacks and we believe it is planning more. It has been condemned by the UN in the strongest terms. Unless it is stopped, the threat will grow. And so I want to take action to prevent that (...) Your response and probably that of most people **would have been** very similar to the response of some of you yesterday on Iraq (...) There **would have been** few takers for dealing with it and probably none for taking military action of any description [10] ... the possibility of the two coming together – of terrorist groups in possession of WMD, even of a so-called dirty radiological bomb is now, in my judgement, a real and present danger ... And let us recall: what was shocking about September 11 was not just the slaughter of the innocent; but the knowledge **that had the terrorists been able to, there would have been** not 3,000 innocent dead, but 30,000 or 300,000 and the more the suffering, the greater the terrorists' rejoicing... [11] Стратегия демонизации образа врага реализуется в политическом дискурсе Тони Блэра посредством описания в текстах ситуаций совершения «агрессором» насильственных действий. Премьер Великобритании также использует определенный набор эмоционально окрашенной лексики для репрезентации образов «жертв» и «страданий», переносимых последними с целью усиления действенности выбранной стратегии: I accept fully that those opposed to this course of action share my detestation of Saddam. Who could not? Iraq is a wealthy country that in 1978, the year before Saddam seized power, was richer than Portugal or

Malaysia. Today it is impoverished, 60% of its population dependent on food aid. Thousands of children die needlessly every year from lack of food and medicine. Four million people out of a population of just over 20 million are in exile. The brutality of the repression – the death and torture camps, the barbaric prisons for political opponents, the routine beatings for anyone or their families suspected of disloyalty are well documented. Just last week, someone slandering Saddam was tied to a lamp post in a street in Baghdad, his tongue cut out, mutilated and left to bleed to death, as a warning to others. I recall a few weeks ago talking to an Iraqi exile and saying to her that I understood how grim it must be under the lash of Saddam. Тони Блэр делает упор на эмоциональное воздействие на аудиторию, предлагая последней абстрагироваться от собственного «я» и поместить себя в созданную дискурсивную реальность: «We take our freedom for granted. But imagine not to be able to speak or discuss or debate or even question the society you live in. To see friends and family taken away and never daring to complain. To suffer the humility of falling courage in face of pitiless terror. This is how the Iraqi people live. Leave Saddam in place and that is how they continue to live» [12].

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд выводов:

1) Формирование образа врага в дискурсе Тони Блэра осуществляется посредством использования дискурсивных стратегий: общей стратегии интеракции, создания мнимой угрозы, демонизации образа «врага».

2) В исследуемом материале отмечается существенная доля размытости предлагаемого понятийного аппарата. Говорящий руководствуется общими терминами «терроризм», «режим».

3) «Жонглирование» общими терминами в перспективе «развязывает руки» говорящему, позволяя включать неудобные организации и личности в категорию врага. При этом отсутствует четкое разграничение между типами «врагов», что способствует созданию интегративно-неопределенного образа в сознании аудитории.

4) Используемая оппозиция «МЫ ГРУППА»/«ОНИ ГРУППА» направлена на формирование общественным сознанием устойчивых стереотипов «своих» и «чужих», что находит свое проявление в экстралингвистической реальности, поскольку формируемые дискурсом знания о группах оказывают влияние на поведенческие доминанты человека.

Примечания

1. Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008. С. 145–178.
2. Дейк ван Т. Дискурс и власть. М.: Либроком, 2013. С. 31.
3. Третьякова В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. С. 301.
4. Клыев Е. В. Риторика (инвенция, диспозиция, элокуция). М.: ПРИОР, 2001. 272 с.
5. Борисова И. Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996.
6. Дейк ван Т. Указ. соч. С. 272.
7. Blair's address to the nation, 20.03.03. From. URL: <http://www.number10.gov.uk/Page3327>.
8. Tony Blair's speech opening March the 18th debate on the Iraq crisis in the house of Commons, as released by 10 Downing Street. URL: <http://www.theguardian.com/politics/2003/mar/18/foreignpolicy.iraq1>.
9. Speech at Labour's local government, women's and youth conferences, Glasgow 2003. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=306>.
10. Blair speech to TUC Conference in Blackpool, 10.09.02. URL: <http://www.number10.gov.uk/output/Page1725.asp>.
11. Blair's speech opening debate on Iraq in House of Commons, 18.03.2003. URL: <http://www.guardian.co.uk/politics/2003/mar/18/foreignpolicy.iraq>;
12. Tony Blair's speech opening March the 18th debate on the Iraq crisis in the house of Commons, as released by 10 Downing Street. URL: <http://www.theguardian.com/politics/2003/mar/18/foreignpolicy.iraq1>

Notes

1. Phillips L. Jorgensen M. V. *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse analysis. Theory and method]. Kharkov. 2008. Pp. 145-178.
2. Van Dijk T. *Diskurs i vlast'* [Discourse and power]. M. Librokom. 2013. P. 31.
3. Tretyakova V. S. *Rechevoj konflikt i garmonizaciya obshcheniya: dis. ... d-ra filol. nauk* [Verbal conflict and harmonization of communication: dis. ... Dr of Philology]. M. 2003. P. 301.
4. Klyuev E. V. *Ritorika (invenciya, dispoziciya, ehlokuciya)* [Rhetoric (invention, disposition, alocasia)]. M. Prior. 2001. P. 272.
5. Borisova I. N. *Diskursivnye strategii v razgovornom dialoge* [Discourse strategies in a spoken dialogue] // *Russkaya razgovornaya rech' kak yavlenie gorodskoj kul'tury* - Russian colloquial speech as a phenomenon of urban culture. Ekaterinburg. 1996.
6. Van Dijk T. Op. cit. P. 272.
7. Blair's address to the nation, 20.03.03. From. Available at: <http://www.number10.gov.uk/Page3327>.

8. Tony Blair's speech opening the 18th March debate on the Iraq crisis in the house of Commons, as released by 10 Downing Street. Available at: <http://www.theguardian.com/politics/2003/mar/18/foreignpolicy.iraq1>.

9. Speech at Labour's local government, women's and youth conferences, Glasgow 2003. Available at: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=306>.

10. Blair speech to TUC Conference in Blackpool, 10.09.02. Available at: <http://www.number10.gov.uk/output/Page1725.asp>.

11. Blair's speech opening debate on Iraq in House of Commons, 18.03.2003. Available at: <http://www.guardian.co.uk/politics/2003/mar/18/foreignpolicy.iraq>;

12. Tony Blair's speech opening the 18th March debate on the Iraq crisis in the house of Commons, as released by 10 Downing Street. Available at: <http://www.theguardian.com/politics/2003/mar/18/foreignpolicy.iraq1>

УДК 883 (092)

Н. М. Ильченко, С. В. Пепеляева

«Сикстинская мадонна» Рафаэля в восприятии В. А. Жуковского и Ф. М. Достоевского

Рассматривается традиция толкования «Сикстинской Мадонны» Рафаэля в русской литературе. Она складывается в эпоху романтизма в связи с утверждением божественной природы вдохновения и выделением идеальной составляющей в искусстве. В дальнейшем с восприятием Мадонны Рафаэля соотносится тема реализма и идеализма, «реализма в высшем смысле», усиленном идеальным компонентом. Выделяются позиции В. А. Жуковского и Ф. М. Достоевского как показательные в эволюции рецепции «Сикстинской Мадонны». Оба участвовали в создании так называемого «дрезденского текста» русской литературы, были посетителями Дрезденской галереи, видели в картине Рафаэля образец высшей гармонии и красоты. Сохранение мечты об идеале, олицетворением которого является «Сикстинская Мадонна» Рафаэля, способствует возрождению национальной духовной традиции. Это является специфически русским восприятием картины с позиций православного богословия.

We honor the tradition of the interpretation of "Sistine Madonna" by Raphael in Russian literature. It consists of the Romantic era in connection with the enchantment of divine nature of inspiration and of an ideal component in the evolution of art. In the future, the perception of the Madonna by Raphael will relate to the theme of realism and idealism, "realism in the highest sense," enhanced by the ideal component: V. A. Zhukovsky and F.M. Dostoyevsky as an exhibition of evolution in reception of "Sistine Madonna." Both participated in the creation of the so-called "Dresden text" in Russian literature, the Dresden Gallery visitors were interpreted in the painting by Raphael as figures of supreme harmony and beauty. Keeping the dream of the ideal, summarized by the "Sistine Madonna" by Raphael, it contributes to the revival of national spiritual traditions. It is specifically the interpretation of Russian paintings from the standpoint of Orthodox Theology.

Ключевые слова: рецепция, идеал, традиция, художественный мир, образ, картинная галерея, поэтика.

Keywords: reception, ideal, tradition, the art world, an image, a picture gallery, poetics.

Величайший итальянский художник Рафаэль (Рафаэлло Санти, 1483–1520) стал одним из самых почитаемых в России. Начиная с эпохи романтизма, две его картины – «Сикстинская Мадонна» и «Преображение» – особенно часто становятся предметом переживания, вдохновения и осмысления русскими поэтами и писателями.

«Сикстинская Мадонна» была создана для алтаря церкви Святого Сикста итальянского города Пьяченца. С середины XVIII в. она находится в Дрезденской галерее.

Центром картины Рафаэля является Мадонна. Откуда бы зритель ни смотрел, его взгляд должен возвратиться к Мадонне: ее силуэт выделяется на фоне неба, а фигура кажется парящей, что подчеркивает развивающееся от ветра покрывало и край плаща.

Мадонна сходит с облаков, направляясь к предполагаемому зрителю, спускается с небес на землю. Чудесное видение становится символом красоты, человечности, жертвенности. Не случайно Ал. Иванов называл Рафаэля «поэтом христианским» [1].

Самая известная картина дрезденского собрания обладала притягательной силой для многих русских путешественников XIX в. Свои впечатления о ней высказали Н. М. Карамзин, В. К. Кюхельбекер, А. И. Тургенев, В. Г. Белинский, Л. Н. Толстой и др. Особое значение Мадонна Рафаэля значила в жизни и творчестве В. А. Жуковского и Ф. М. Достоевского.

Во время заграничного путешествия 1820–1822 гг. В. А. Жуковский оказывается в Дрездене. Так, в апреле 1821 г. создатель русского романтизма шесть раз посетил Дрезденскую картинную галерею. Самое сильное впечатление на него произвела «Сикстинская Мадонна» Рафаэля. Ф. М. Достоевский во время длительного заграничного путешествия 1867–1871 гг. почти два года прожил в Дрездене, где стал частым посетителем галереи. Среди полотен «Старых Мастеров» он тоже выделяет Мадонну.

В. А. Жуковский и Ф. М. Достоевский воспринимали Рафаэля как «архетипического художника идеального видения» [2]. Кабинет Жуковского в Шепелевском доме был украшен картинами К.-Д. Фридриха, а «между дверью и окном Мадонна Рафаэля» [3]. В петербургской квартире Достоевского, в рабочем кабинете над диваном, висела фотокопия «Сикстинской Мадонны» без окружающих ее фигур [4].

Восприятие картины Рафаэля в художественном мире Жуковского и Достоевского знаменательно, поскольку определяет наличие идеального компонента в русском национальном сознании не только в эпоху романтизма, но и во второй половине XIX в.

Началом рецепции образа Сикстинской Мадонны в русской литературе стала статья В. А. Жуковского «Рафаэлева “Мадонна”», опубликованная в альманахе «Полярная звезда» (СПб, 1824) с подзаголовком «Из письма о Дрезденской галерее». Написанная еще в 1821 г., она превратилась эстетический манифест, оказавший влияние на культурное сознание общества того времени, что проявилось в творчестве многих романтиков – Н. А. Полевого, А. В. Тимофеева, В. Ф. Одоевского и др.

Знаменательным для понимания значения образа Мадонны является определение, данное ей Жуковским – «это не картина, а видение» [5]. Поэт отмечает невесомость, легкость, воздушность, исходящие от картины, и заставляющие душу прочувствовать «что-то неестественное». Время, проведенное перед картиной, он называет счастливым. «Час, который провел я перед этою Мадонною, принадлежит к счастливым часам жизни, если счастьем должно почитать наслаждение самим собою» [6]. Жуковский говорит, что только одиночество, в котором он пребывал в этот момент, способствовало вхождению в его душу нечто трогательного и одновременно великого. Именно такое единение становится для поэта изображением неизобразимого.

Тайна запечатления удивительного образа остается для поэта загадкой, поскольку в живописи Жуковский отмечает прежде всего ее ограниченность. Мадонна для романтика является именно тем миготом, когда «в минуту чуда: занавес раздёрнулся, и тайна неба открылась глазам человека» [7]. Интересно, что здесь произошло соединение художественных миров Рафаэля и Жуковского. Образ занавеса, являющийся ключевым на полотне, становится одним из наиболее значимых в творчестве Жуковского («Лала Рук», «Привидение», «Таинственный посетитель» и др.). Это своеобразное олицетворение открытия художнику, человеку тайны бытия, скрывающейся за этим занавесом, покрывалом.

Таким открытием явилась Мадонна для поэта, «тайна неба», как он сам ее называет в статье. Как и любое неизведанное явление, данный образ наполнен для Жуковского величием, спокойствием. Мадонна – символ чистоты, смирения. Ее взгляд словно устремлен в никуда, в вечность, что позволяет ей видеть безграничность и безмерность бытия. Отмечая характер взгляда Мадонны, поэт продолжает ряд зрительных образов: он говорит, что Рафаэль писал картину именно для души, не для глаз, не способных проникнуться глубиной изображенного. Только душа, внутрь которой устремлен взгляд Богоматери, может постичь тайну образа. Идея божественности, лежащая в основе полотна, проникла, по мысли Жуковского, буквально в каждый изображенный образ благодаря присутствию небесной девы.

Находясь под впечатлением от картины Рафаэля, Жуковский в 1821 г. пишет стихотворение «Лала Рук». Лирический герой мечтает о земле обетованной, где возможно обретение мира и спокойствия. Именно туда является Мадонна. Говоря о ней, поэт следует за описаниями, данными в статье, снова отмечая непорочность, молодость, божественность Мадонны, сравнивая ее с ангелом.

Стихотворение становится своеобразным «поэтическим переводом» самой картины. Жуковский вводит в текст описание полотна. Здесь и занавес, из-за которого зрителю предстает Мадонна, и ее взгляд, описанный поэтом в статье. Говоря о ней, поэт использует такие эстетические категории, как красота, безмятежность, стыдливость, величие, олицетворяющие внешний облик Богоматери. Именно в этом стихотворении Жуковский вводит знаменитую формулу – «гений чистой красоты». Образ вдохновения, центральный в тексте, сравнивается поэтом с утренним сном, мечтанием, с чем-то невесомым, эфирным. Этот момент наития позволяет лирическому герою Жуковского проникнуть за земные границы бытия. Несмотря на четкое определение

вдохновения как принадлежащего сфере духовного, поэт отмечает, что именно оно способно показать все прекрасное, находящееся в обыденной действительности, раздвинуть его рамки.

Образ Мадонны как олицетворение вдохновения оказывается центральным и в стихотворении «Я музу юную, бывало...», которое Жуковский пишет в 1823 г. Вдохновение посещает лирического героя ночью. Единение творческого акта и «подлунной стороны» создает тот особый для творца миг, когда «жизнь и поэзия одно». Это долгожданное для художника Жуковского время, о котором он тоскует и которое скорее желает ощутить. Его душа стремится к этой неразрывной связи с божественным наитием.

В 1840 г. Жуковский пишет стихотворение «Елизавете Рейтерн». Лирический герой просит Бога дать возможность побыть ему рядом с ней. Описывая возлюбленную, автор неустанно повторяет слово «небесный». Такой она представляется герою. В письме к родственникам от 10 (22) августа – 5 (17) сентября 1840 г. Жуковский говорит о будущей жене и сравнивает ее с «Сикстинской Мадонной»: «Я любовался ею, как образом Рафаэлевой Мадонны, от которой, после нескольких минут счастья, удаляешься с тихим воспоминанием...» [8]

Одно из самых эмоциональных описаний восприятия Ф. М. Достоевским «Сикстинской Мадонны» оставила А. Г. Достоевская в «Дневнике 1867 года»: «Федя никогда не может хорошенько рассмотреть Сикстинскую мадонну, потому что не видит так далеко, а лорнета у него нет. Вот сегодня он и придумал стать на стул перед Мадонной, чтоб ближе ее рассмотреть... К Феде подошел какой-то служитель галереи и сказал, что это запрещено. Только что лакей успел выйти из комнаты, как Федя мне сказал, что пусть его выведут, но что он непременно еще раз станет на стул и посмотрит на Мадонну... через несколько минут пришел и Федя, сказав, что видел Мадонну» [9]. Здесь уместно вспомнить начало статьи В. А. Жуковского об этой картине Рафаэля: «Я смотрел на нее несколько раз; но видел ее только однажды так, как мне было надобно» [10]. В этом контексте ответ Ф. М. Достоевского жене о том, что он «видел Мадонну» разъясняется: он связан не с близорукостью писателя, а с возможностью переживать мистическое откровение, «тайну», лишь иногда, «однажды», на мгновение.

Ф. М. Достоевский увидел в Рафаэле выражение гармоничного духа, мечту о прекрасном человеке. Впечатления от картины Рафаэля нашли отражение в его знаменитом Пятикнижии. При этом авторские идеи об искусстве Достоевский передал одному из героев романа «Бесы», основная работа над которым проходила именно в Дрездене в 1870–1871 гг. Тема этого романа, сформулированная в письме к А. Н. Майкову («кто теряет свой народ и народность, тот теряет и веру отеческую и бога» [11]), его идейный смысл связаны, в частности, с восприятием Достоевским «Сикстинской Мадонны».

Картина Рафаэля в романе «Бесы» соотносится с образом Степана Трофимовича Верховенского. Именно вокруг этого героя разворачивается большинство событий «Бесов»: с главы о нем («Вместо введения: несколько подробностей из биографии многотимого Степана Трофимовича Верховенского») начинается роман, главой о нем («Последнее странствие Степана Трофимовича») роман завершается. Достоевский выделяет этот образ и связывает с ним мотив перерождения.

Перерождение Степана Трофимовича, ужаснувшегося «бесовству», происходит постепенно. Важную роль в этом обновлении сыграла «Сикстинская Мадонна» Рафаэля. Свое видение красоты он хочет донести и до других, чтобы вернуть их к истинному пониманию смысла жизни.

Впервые о картине Рафаэля в романе «Бесы» говорит Варвара Петровна, сообщая Юлии Михайловне Лембке о прежних заслугах Степана Трофимовича, а также о его нынешней работе – написать «о положении теперешних немецких университетов и, кажется, еще что-то о дрезденской Мадонне» [12]. «Кажется» и «что-то» в словах Ставрогинойстораживают. Последующий диалог Варвары Петровны и Степана Трофимовича вносит ясность в ее позицию. Злопамятная генеральша припоминает своему «другу» сцену из прошлого: когда-то она поделилась с ним своим впечатлением от «Сикстинской Мадонны», но Степан Трофимович ее не дослушал и даже улыбнулся, что ее сильно обидело. Верховенский не может отчетливо вспомнить этот эпизод, но уверяет свою «повелительницу», что она его неправильно поняла. При этом понимает, что «тайна» этой картины вряд ли могла ей, практичной и властной, раскрыться. Из дальнейших слов Варвары Петровны видно, что могло быть неприемлемым для Степана Трофимовича: «Нынче никто, никто уж Мадонной не восхищается и не теряет на это времени, кроме закоренелых стариков» [13]. Тип красоты, ценимый в эпоху романтизма, пересматривается в шестидесятые годы. Ставрогина разделяет позицию сторонников практической пользы: «Эта кружка полезна, потому что в нее можно влить воды; этот карандаш полезен, потому что им можно все записать, а тут женское лицо хуже всех других лиц в натуре» [14]. Слова Варвары Петровны о «новом устройстве», о «новых идеях», о «первом луче свободного исследования» в противоположность «вашим теориям» ужасают Степана Трофимовича. Он убеждается, что процесс отторжения красоты от

добра и истины, а значит, от Бога захватил не только молодое поколение. Поэтому на вопрос о теме выступления на литературном утре он без раздумий восклицает: «...об этой царице, об этом идеале человечества, мадонне Сикстинской» [15].

Кульминационной в перерождении Верховенского-старшего становится его выступление на литературном утре. Хроникер отмечает настроение Степана Трофимовича: «Сам он смотрит на теперешнее появление свое на эстраде как на решение судьбы своей или вроде того»; «разве можно было остановить человека *решившегося*? Увы, я понял Степана Трофимовича»; сам Степан Трофимович заявляет: «Я принес последнее слово» [16].

Ораторский талант позволил герою «с первого слова» завладеть вниманием зала. «Господа, я разрешил всю тайну», – уверенно говорит он [17]. Тайну «беснующихся» Степан Трофимович видит «в их глупости»: «Это самая обнаженная, самая простодушная, самая коротенькая глупость...» [18] «Коротенькие люди» переместили цели, заместили одну красоту другой: «Все недоумение лишь в том, что прекраснее: Шекспир или сапоги, Рафаэль или петролей?» [19] В словах Степана Трофимовича намеренно заостряется утилитаризм 1860-х гг. Реплики из известного романа о нигилистах И. С. Тургенева не повторяются, но сразу вспоминаются: «Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта», «Рафаэль гроша медного не стоит» [20]. Аллюзии на тургеневские «Отцы и дети» вряд ли случайны, тем более что Степан Трофимович выступает после Кармазинова, прототипом которого считается Тургенев.

Для Степана Трофимовича «Сикстинская Мадонна» – откровение, явленный идеал, в котором наглядно воплощаются любовь и самопожертвование: «Я объявляю, что Шекспир и Рафаэль – выше освобождения крестьян, выше народности, выше социализма, выше юного поколения, выше химии, выше всего человечества, ибо они уже плод, настоящий плод всего человечества, и, может быть, высший плод, какой только может быть!» [21]

Степан Трофимович говорит, что пришел с «оливковой ветвью» (символ мира), что верит в молодое поколение: «...дух жизни веет по-прежнему и живая сила не иссякла... Энтузиазм современной юности так же чист и светел...» [22] Верховенский-старший чувствует свою вину в появлении «бесовства», хочет «увести» их с неверного пути. Он уверен, что их «отклонение» связано с ошибочным пониманием «формы прекрасного». Степан Трофимович называет себя «убитым, оскорбленным отцом», желающим помириться. Однако он не находит понимания, поэтому свое выступление заканчивает словами: «Отрясаю прах ног моих и проклинаю... Конец... конец...» [23]

Хроникер обращает особое внимание на поведение толпы: сначала «зала разом притихла», затем «шевелинулась», потом стала «кричать» и «орать»; публику охватывает «испуг», когда оратор «зарыдал истерически»; пятая доля залы заплодировала семинаристу, напомнившему Верховенскому-старшему, «господину эстету», о проигранном когда-то в карты Федьке Каторжном, большая часть публики «хлынули к выходу» [24].

Необычно поведение Степана Трофимовича во время этой сцены. Хроникер отмечал раньше в поведении Верховенского-старшего актерство и позерство. Теперь он выделяет в жестах и интонациях оратора высшую степень искренности: «срывающийся голос», «в совершенном испуге», «в последней степени азарта», «нелепо прокричал», «стукнул изо всей силы по столу кулаком» [25]. Наконец, Степан Трофимович «поднял обе руки, как бы распространяя их над публикой» [26]. Этот жест соответствует «крику страдания и отчаяния, выражает эмоциональную реакцию, пик тревоги и страха одновременно» [27]. Поднятые руки Степана Трофимовича, которые он простирает над собравшимися, свидетельствуют об изменении его душевного состояния, выражая, с одной стороны, мольбу, отчаяние, одиночество и т. п. С другой стороны, этот жест говорит о желании героя, чувствующего свою вину, заступиться за людей, не понимающих, что они губят себя и родину. Степан Трофимович внезапно осознает свой долг. Хроникер фиксирует появление в Степане Трофимовиче юродства. К скорби и страданию присоединяется определенная степень безумия, похожего на мученичество. Не найдя понимания, он «побежал за кулисы, махая и грозя руками» [28]. Степан Трофимович отказывается от всех благ, предоставленных ему Варварой Петровной, отказывается даже от себя самого, чтобы уйти на «большую дорогу». В результате скитальчество Степана Трофимовича, объединяющее его с другими героями, превращается в исконно русское странничество, и герой гибнет просветленным и очищенным.

Таким образом, трактовка «Сикстинской Мадонны» Рафаэля, возникшая, прежде всего, под влиянием позиции В. А. Жуковского с акцентом на мистические способности художника видеть внутренним взором, способствовала усилению божественного, идеального компонента в русской литературе эпохи романтизма. Тип красоты, связанный с добром, истиной, а значит, Божественным, не исчез и во второй половине XIX в., несмотря на ярко выраженную практическую, утилитарную составляющую в понимании мира. «Фантастический реализм» Ф. М. Достоевского стал ярким подтверждением невозможности отказаться от понимания красоты, запечатленной в Ма-

донне Рафаэля. Герой романа «Бесы», Степан Трофимович Верховенский – выразитель позиции автора – обрел «народ и народность», «веру отеческую и бога». Возрождение национальной духовной традиции произошло в герое, сохранившем мечту об идеале. Олицетворением идеала стала «Сикстинская Мадонна» Рафаэля, в которой соединились высокая духовность и гуманизм.

Примечания

1. Цит. по: Неклюдова М. Г. Рафаэль в творческой жизни Александра Иванова // Рафаэль: сб. статей / сост. и науч. ред. В. В. Стародубова. М., 1987. С. 77.
2. Ямпольский М. Ткач и визионер. Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. М., 2007. С. 247.
3. Киреевский И. В. Из писем к родным // В. А. Жуковский в воспоминаниях современников / сост., подгот. текста и вступ. ст. О. Б. Лебедевой, А. С. Янушкевича. М., 1999. С. 263.
4. Фотографическую копию фрагмента «Сикстинской Мадонны» Достоевскому подарила С. А. Толстая, вдова поэта А. К. Толстого. Она и сейчас является частью Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского (см.: Русский мир Дрездена. Прогулки по историческим адресам с Ольгой Гроссман. СПб., 2010. С. 40–41).
5. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. / сост. и ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. М.: Языки русской культуры, 2012. Т. 12. С. 343.
6. Там же.
7. Там же.
8. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 2. С. 728.
9. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1990. Т. II. С. 73.
10. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 12. С. 343.
11. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1986. Т. 29. Кн. I. С. 145.
12. Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 12 т. М., 1982. Т. VIII. С. 291.
13. Там же. С. 328.
14. Там же.
15. Там же. С. 329.
16. Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В двенадцати томах. М., 1982. Т. IX. С. 27, 28, 29.
17. Там же. С. 28.
18. Там же.
19. Там же. С. 29.
20. Тургенев И. С. Отцы и дети // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М., 1989. Т. VII. С. 28, 52.
21. Достоевский Ф. М. Бесы. С. 29.
22. Там же.
23. Там же. С. 31.
24. Там же. С. 27–31.
25. Там же. С. 27, 28, 29, 30.
26. Там же. С. 31.
27. Пасквинелли Б. Жест и экспрессия. М., 2009. С. 183.
28. Достоевский Ф. М. Бесы. С. 31.

Notes

1. Cit. by: Nekludova M. G. *Rafaehl' v tvorcheskoj zhizni Aleksandra Ivanova* [Raphael in the creative life of Alexander Ivanov // *Rafaehl': sb. statej* - Raphael: collection of articles / comp. and scient. edited by Vladimir Starodubov. M. 1987. P. 77.
2. Yampolsky M. *Tkach i vizioner. Ocherki istorii reprezentacii, ili O material'nom i ideal'nom v kul'ture* [Weaver and the visionary. Essays on the history of representation, or material and ideal culture]. M. 2007. P. 247.
3. Kireevsky I. V. *Iz pisem k rodnym* [From letters to relatives] // V. A. Zhukovskij v vospominaniyah sovremennikov - V. A. Zhukovsky in the memoirs of contemporaries / comp., prep. of text and preface by O. B. Lebedeva, A. S. Yanushkevich. M. 1999. P. 263.
4. Photographic copy of a fragment of the "Sistine Madonna" Dostoevsky was given by S. A. Tolstaya, widow of the poet A. K. Tolstoy. It is now part of the literary-memorial museum of F. M. Dostoevsky (see: *Russkij mir Drezdena. Progulki po istoricheskim adresam s Ol'goj Grossman* - Russian world in Dresden. Trips to historical locations with Olga Grossman. St. Petersburg. 2010. Pp. 40-41).
5. V. A. Zhukovsky *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters]: in 20 volumes. and edited by O. B. Lebedeva, A. S. Yanushkevich. M. Languages of Russian culture. 2012. Vol. 12. P. 343.
6. Ibid.
7. Ibid.
8. V. A. Zhukovsky *Polnoe sobranie sochinenij i pisem* [Complete works and letters]. Vol. 2. P. 728.
9. *F. M. Dostoevskij v vospominaniyah sovremennikov: v 2 t.* - F. M. Dostoevsky in memoirs of contemporaries: in 2 vol. M. 1990. Vol. II. P. 73.
10. V. A. Zhukovsky *Polnoe sobranie sochinenij i pisem* [Complete works and letters]. Vol. 12. P. 343.

11. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t.* [Complete works in 30 vol.] L. 1986. Vol. 29. Book I. P. 145.
12. Dostoevsky F. M. *Besy* [Devils] // Dostoevsky F. M. Works: in 12 T. M., 1982. T. VIII. S. 291.
13. Ibid. S. 328.
14. Ibid.
15. Ibid. S. 329.
16. Dostoevsky F. M. *Besy* [Devils] // Dostoevsky F. M. Works: In 12 volumes. M. 1982. Vol. IX. Pp. 27, 28, 29.
17. Ibid. P. 28.
18. Ibid.
19. Ibid. P. 29.
20. Turgenev I. S. *Otcy i deti* [Fathers and sons] // Academy edition of Turgenev's complete works and letters: in 30 vol. M. 1989. Vol. VII. Pp. 28, 52.
21. Dostoevsky F. M. *Besy* [Devils]. P. 29.
22. Ibid.
23. Ibid. P. 31.
24. Ibid. Pp. 27-31.
25. Ibid. Pp. 27, 28, 29, 30.
26. Ibid. P. 31.
27. Pasquinelli B. *Zhest i ehkspressiya* [Gesture and expression]. M. 2009. P. 183.
28. Dostoevsky F. M. *Besy* [Devils]. P. 31.

УДК 82-313.3

А. К. Исламова

Эпическая перспектива в романе У. Голдинга «Тесное соседство»

Статья посвящена проблеме взаимоотношений жизненного содержания и литературной формы эпического повествования в романе-травелогe У. Голдинга «Тесное соседство». Структурный порядок эпического дискурса рассматривается в составе жанровой организации текста и в отношении к сюжетно-драматическим линиям и диспозициям субъектно-лирического плана. Комплексная разработка темы позволяет определить эпическую перспективу данного произведения как формообразующую структуру архитектоники, которая обеспечивает поле-горизонт художественного пространства для описания дороги странствий в связи с изображением частных судеб вовлеченных лиц и сопутствующих обстоятельств исторического времени. Анализ локальных участков и обрамляющих проекций перспективы влечет за собой вывод о том, что ее динамические аспекты направлены на представление целостной картины действительности за счет многостороннего освещения явлений жизни.

The article is devoted to the problem of interrelation between the actual contents and the literary forms of the epic narrative in the novel-travelogue "Close quarters" by W.Golding. The sequence of the epical discourse is considered with respect to with the dramatic story line and the subjective dispositions of lyrical elements within the genre organisation of the text. The systematic development of the problem enables to define the epic perspective of the novel as the formative structure of architectonics which provides the horizon of genre space for the description of the travel in connection with the presentation of individual life stories of characters involved and the social circumstances of the historic epoch. The analysis of the local and projective framings of the perspective leads to the conclusion that the dynamic principle of the whole structure aims to create a complete picture of reality due to multilateral images of various phenomena.

Ключевые слова: роман-травелог «Тесное соседство», морская эпопея, эпическое повествование, порядок эпического дискурса, эпическая перспектива, формообразующая структура, архитектоника романа, диспозиции субъектно-лирического плана, поле-горизонт художественного пространства, писательский объективизм.

Ключевые слова: novel-travelogue "Close neighborhood", maritime epic, epic, order of epic discourse, epic perspective, formative structure, the architectonics of the novel, the disposition of the subject-lyric plan, field - horizon of art space, literary objectivism.

Уильям Голдинг является видным представителем художественно-философской прозы и одним из самых выдающихся романистов в литературе Великобритании второй половины XX в. Его достижения в области романного творчества во многом обусловлены искусством построения жанровых форм, способных нести в себе богатое жизненное содержание и глубокий идейный

смысл. С особой очевидностью искусство мастера сказалось в произведениях крупного эпического плана, где принцип целостной организации повествования поддерживается строгой согласованностью содержательных и формообразующих элементов на всех уровнях его структуры. Законченные образцы монолитной жанровой архитектоники представлены писателем в романе-эпопее «На край света: Морская трилогия», объединяющей три отдельные книги о заокеанском плавании в общую историю о свершении человеческих судеб на путях трудных жизненных испытаний.

Освещая исторические аспекты бытийных и философских обобщений в морской эпопее Голдинга, английский литератор С. Коннор усматривает в ней наличие глубинных «связей между историей и повествованием, которые служат средствами трансляции, или передачи смысла» [1]. Присутствие смысловых связей в «Морской трилогии» удостоверяется общей направленностью исторического дискурса и сюжетного повествования на описание индивидуальной судьбы как неотъемлемой части общественной жизни. При этом изначальная установка на личностное воплощение социального опыта осуществляется в широком эпическом пространстве, которое позволяет автору запечатлеть явления повседневной действительности в их отношении к событиям и обстоятельствам первостепенной важности в масштабах всей эпохи. Определяя пространство художественного произведения в терминах семиологии, французский исследователь Ж. Женнет замечает, что оно создается полисемическими «фигурами» литературного письма, которые создают знаковые коннотации предметных образов и приносят в повествование идейный смысл: «Именно это пространство обозначается словом *фигура*, сама двусмысленность которого оказывается удачной: фигура – это одновременно и та форма, в которую облекается пространство, и та, в которой воплощается язык, это подлинный символ пространственности литературного языка в его отношении к смыслу» [2].

В трилогии Голдинга возможность высоких смысловых корреляций литературного текста реализуется в пространственной форме эпической перспективы по мере того, как ее локальные участки разрабатываются в романах «Ритуалы плавания» (1980), «Тесное соседство» (1987) и «Огонь внизу» (1989). Основу общего проекта эпопеи как монолитной содержательной формы конституирует унифицирующий принцип ее соответствия требованиям жизненной достоверности, художественного единства и взаимной совместимости логики смысла каждой из частей. Первичной предпосылкой унификации служит переходящая сквозная тема, поскольку все романы трилогии посвящены истории одного морского путешествия, совершенного английскими переселенцами в Австралию в начале XIX в. Однако развитие этой темы на стадии практического выполнения проекта предполагало применение аутентичных форм для правдоподобного изображения характеров, событий и обстоятельств минувших времен в заданной хронологической ретроспективе. Во избежание недопустимых анахронизмов и иных нарушений соответствия, Голдинг решает вопрос о сочетаемости исторического содержания с литературной формой при помощи реконструктивных методов жанрового моделирования по давним, но добротным образцам писательского творчества в исполнении старых мастеров. Согласно авторскому замыслу, главным объектом реставрации становится формульная структура романа-травелога, детально разработанная в классической литературе XIX в. [3] Восстанавливая традиционные типы формульных схем, писатель одновременно видоизменяет и упорядочивает их таким образом, чтобы создать полимодель трехчастного эпического травелога с увеличивающейся перспективой художественного пространства [4]. В данном отношении первая книга под названием «Ритуалы плавания» представляет собой средостение перспективных проекций, сведенных здесь к собственно романическому, личностному началу в субъектной форме путевых записок героя-рассказчика. В последней книге, «Огонь внизу», намеченные линии проекций расходятся по направлению к отдаляющейся черте горизонта и образуют вместе с ней масштабную мировоззренческую перспективу, открытую для всестороннего изображения и глубокого осмысления явлений человеческой реальности. Роман «Тесное соседство» составляет промежуточный этап в процессе формирования художественной и философской картины мира в «Морской трилогии». Занимая срединное положение между предельным началом и открытым завершением эпопеи, ее вторая книга конституирует границы того центрального участка общей перспективы, где происходит и развертывается построение несущих конструкций, обеспечивающих эпические свойства обрамляемого ими полотна.

В романе «Тесное соседство» эпические аспекты выдвинулись на передний план повествования после того, как ведущий герой-рассказчик по имени Эдмунд Тальбот предпринял решительные шаги на литературном поприще, чтобы изменить привычную точку зрения на окружающую действительность и открыть для себя дальние горизонты мирозерцания. Закончив книгу «Ритуалы плавания» по личным впечатлениям, он убедился в недостаточности эпистоляр-

ных форм и собственных суждений для изложения истории большого путешествия как героической эпопеи странствий по просторам мирового океана. Сознание ограниченности субъективных воззрений вызвало внутреннее побуждение начинающего романиста к немедленному переходу на позиции писательского объективизма: «Эдмунд, заклинаю – стань писателем!» [5]

Помимо изменения позиции рассказчика, эпический проект произведения был обусловлен предварительными разработками реального автора. Авторская идея развертывающейся пространственной перспективы предпослана эстетическому плану травелога в кодовом названии «Close quarters», заключающем в себе условную формулу конструктивного принципа и жанровой модели названного произведения. Этот формульный заголовок подразумевает два смысловых понятия, а именно «тесное соседство» и «две четверти румба». Применительно к обсуждаемому роману первая версия обозначает ситуацию на борту корабля, тогда как второй вариант указывает на поворот его пути по отношению к первоначальному курсу. При этом точный термин «две четверти румба», заимствованный из лексикона морской навигации, также выполняет двойственную семантическую функцию. В плоскости дорожной карты травелога он фиксирует обстоятельства и знаки изменения маршрута, удостоверяющие факт все большего отдаления морского транспорта от оптимальной линии пути. В полномерном пространстве эпопеи «две четверти румба» составляют константу перспективных проекций, которая задает параметры их приращення по мере расхождения предписанной и действительной траекторий движения. Подчеркивая концептуальное значение фактора отклонения для построения эпической перспективы, российский литературовед Т. Г. Струкова отмечает его существенное воздействие не только на жанровое обрамление романа, но и на качество заключенных в нем картин исторического прошлого: «С другой стороны, прошлое, уходя все дальше, получает перспективу, более глубокое осмысление, отдельные происшествия систематизируются и обобщаются в единое целое» [6].

Эдмунд Тальбот впервые проникся ощущением неодолимой силы отклонения, когда узнал о необходимости остановки для очищения корпуса корабля от наслоившегося плавника и водорослей. Однако тревожное предчувствие рокового поворота сбылось и оправдалось намного раньше, чем судно смогло достичь спокойной гавани и восстановить там свои ходовые качества. Надежды мореплавателей погибли вместе с большей частью мачтовой оснастки, когда корабль был отдан на волю волн по роковой ошибке младшего мичмана Виллиса и недосмотру старшего офицера вахтенной смены Девереля. Одномоментное крушение мачт и практическая потеря парусного вооружения были равнозначны низвержению тех защитных опор и устоев, которые до сих пор ограждали замкнутый мир «тесного соседства» от пространства мирового океана и господствующих в нем стихий.

Тальбот услышал громовой удар судьбы сквозь хрупкие перегородки своей каюты, где он сосредоточенно размышлял над трудностями литературных начинаний. Когда он выбрался на верхнюю палубу, то стал свидетелем и участником отчаянного боя моряков с гигантскими стволами сломанных мачт, которые грозили разбить весь корпус поврежденного парусника. Участие Тальбота в сражении ограничилось неловкой попыткой помочь остановить катящийся обломок, после чего неопытный помощник был остановлен сам ударом парусного бумеранга и вынесен с арены битвы с тяжелой травмой головы. Однако благородный порыв и терпеливые страдания смельчака отозвались наградой по заслугам – ибо именно сквозь огненные вспышки собственной боли он воочию увидел настоящих героев в тех людях, которые прежде казались ему заурядными, а ныне уверенно вели свой бой к победе вопреки смертельной опасности. Влияние пережитого опыта сказалось в наибольшей степени на отношении повествователя к командиру морского воинства. Если совсем недавно Тальбот воспринимал капитана как живое олицетворение старорежимного авторитаризма, то сейчас тот предстал перед ним в облике предводителя, снижавшего авторитет среди подчиненных без всякого принуждения со своей стороны и исключительно за счет личных заслуг и профессиональных достоинств: «От яркого света я закрыл глаза и лежал, дожидаясь, когда утихнут разнообразные болезненные ощущения. Мне было слышно, словно издалека, как капитан Андерсон непрерывным потоком выдавал приказания. Никогда прежде я не понимал его так плохо и не думал о нем так хорошо. В голосе его звучали спокойствие и уверенность» [7].

Впоследствии способность Тальбота к объективному восприятию реальности еще более укрепилась благодаря увеличению обозримого пространства, после того как изолирующие преграды «тесного соседства» окончательно утратили свою непроницаемость, а неуправляемый корабль со спутниками-соседями на борту пустился в свободное плавание «на край света» по направлению «две четверти румба». Начало перспективного развертывания пространства отмечено в романе существенным изменением морского вида у дальней линии горизонта. Привычное однообразие картины нарушил неизвестный транспорт, который не подавал сигналов о своих

намерениях, но шел на неуклонное сближение с кораблем Андерсона. Сосредоточивая внимание на загадочном судне под белыми парусами, повествователь все более отвлекается от обыденных реалий жизни на борту и постепенно обращается к событиям социально-политической важности и всемирно-исторического масштаба, поскольку они имели решающее значение для путников ввиду возможного столкновения их судна с кораблем недружественного государства.

При освещении внешних обстоятельств путешествия повествователь избегает пространственных отступлений от событий на локальной сцене с тем, чтобы не прерывать основную сюжетную линию рассказа и сохранить жанровое единство романа-травелога. Эпический план выстраиваемой перспективы наполняется реальным содержанием при помощи участников плавания, обсуждающих международную обстановку, политическое положение своей страны и стратегию собственных действий в случае встречи с чужеземцами и агрессии с их стороны. Использование дискуссионного полилога в качестве источника фактического материала позволяет Тальботу создать масштабный набросок эпического полотна, сосредоточив знаковые вехи общественной истории в горизонте ожиданий отдельных вовлеченных лиц. Контаминация геополитической карты и дорожной карты путешествия в рамках представленного эскиза способствует, в свою очередь, возведению перспективных проекций, необходимых для выявления реальных связей частных судеб с универсальными конфликтами современности. Так, из разноречивых суждений пассажиров и членов судовой команды следует, что опасное положение одинокого британского корабля в Мировом океане было во многом обусловлено неблагоприятной позицией Великобритании на мировой арене. Причина наихудших опасений путешественников заключалась в том, что они покинули свою страну, когда она находилась в состоянии враждебного соперничества или вооруженного противоборства практически со всеми морскими державами. Особую угрозу представляли французские и американские линкоры, поскольку они могли уничтожить беспомощное судно вместе со всеми, кто оказал сопротивление, и захватить в плен оставшихся мирных граждан. Подобный исход почти ни у кого не вызывал сомнений из-за того, что армия и флот Соединенного королевства вели тогда сражения с наполеоновскими войсками и одновременно с ополченцами Североамериканских штатов, которые вторую войну за независимость (1812–1815) вели при поддержке Франции, Испании и Нидерландов.

По завершении ретроспективных проекций эскиза писатель возвращается к событиям локальной сцены и ставит в центр внимания фигуры уже известных персонажей, но дополняет их портреты новыми чертами по мере развития очередной чрезвычайной ситуации. В сложившихся условиях определяющие свойства образов-характеров проявляются перед лицом решающего выбора между мужественной борьбой с превосходящим противником и смирением с бесславной участью пленников войны. Капитан Андерсон не допускал и мысли о каких-либо уступках противнику, потому что не мог нарушить традиций отечественного флота и сдать свое судно иностранному кораблю без единого выстрела: «Если мы сблизимся, и окажется, что перед нами враг, я намерен сразиться» [8]. Лейтенант Кабершам, армейский офицер Олдмедоу, артиллерист Аскью и другие служащие принялись укреплять рубежи обороны, беспрекословно исполняя свой долг и подчиняясь приказу капитана. Джек Деверель, отстраненный от исполнения обязанностей за допущенную провинность, встал во главе отряда волонтеров, чтобы снискать славу героя и вернуть себе доброе имя в предстоящем сражении: «Кровавый бой спишет все долги» [9]. Маленький мистер Пайк решил взять в руки оружие ради защиты самых близких и дорогих его сердцу людей: «Я не стану сражаться за короля, за корабль или капитана. Но я стану сражаться против любого короля любой страны мира, защищая мою... мою семью...» [10] Сам Эдмунд Тальбот вошел в ряды ополченцев по велению морального долга и вопреки тяжелой ране головы, которая, к тому же, была еще более усугублена новым ударом во время военных приготовлений: «А что же получу я? Я только потеряю все, что имею!» [11]

Вопреки тревожным ожиданиям путников, грозный вызов судьбы обернулся счастливым случаем, уготовив для них не кровопролитное столкновение с неприятелем, а радостную встречу с соотечественниками. Приблизившийся парусник оказался английским фрегатом «Алкиона», который следовал в Индию под командованием сэра Сомерсета. Помимо устранения напряжения на местной сцене драматического действия, неожиданное появление дружественного корабля повлекло за собой положительные изменения в эпической картине сопутствующих обстоятельств. Устаревшая экспозиция окружающей обстановки окончательно сместилась в ретроспективную часть эпического полотна и уступила место синхронизированному изображению актуальной действительности после того, как командир «Алкионы» сообщил новости о поражении Наполеона и наступлении периода Реставрации во Франции: «Война с Францией окончена. Бони (Бонапарт. – А. И.) побит и отрекся. Будет теперь править Эльбой. Да хранит Господь нашего милостивого короля и Его христианнейшее Величество Людовика, восемнадцатого, носящего это

имя!» [12] Выравнивая хронологические рамки художественной перспективы по векам исторических событий, Тальбот привносит в них эпические обобщения, которые включают в созданное обрамление единую картину переходной эпохи с ее неразрешенными конфликтами и неизбежными противоречиями: «Война кончена, все изменилось, но я не мог заполнить пустоту ничем, что имело бы для меня значение. Пытался представить Людовика XVIII на французском троне – и не смог. Пробовал думать о процветании старого режима – теперь его уже можно назвать новым – и не верил, что ему дано когда-либо возродиться. Здравый смысл, политическое просвещение этого не стерпят. Слишком сильно военные катастрофы изменили положение в мире... и положение самой Франции: уничтожены великие роды, поколение, вкусившего сперва соблазнов невиданной свободы и равенства, затем тягот тирании и бедности; нация, обескровленная постоянными призывами на военную службу... Новый мир, рождение которого наши матросы приветствовали столь шумно, – это печальный мир. Вот какова была моя невольная мысль» [13]. Осмысление событий всеобщей исторической значимости сопровождается переходом повествователя к натурным разработкам социальных аспектов эпохи на месте встречи двух судов и в реальном времени их совместной стоянки. Объективной предпосылкой для перехода послужила уникальная ситуация «двоемирия», которая способствовала построению более широкой пространственной перспективы в изображении актуальной действительности: «Это затерянное в тропиках *нигде* было целым миром – воображаемым миром, поместившимся на перешейке истории, знаменующим конец величайшей войны, середину длиннейшего путешествия...» [14]

Эпическому освоению новой территории предшествует укрепление лирических диспозиций повествования и активизация драматического движения сюжета с тем, чтобы они могли выполнять повышенную функциональную нагрузку в процессе экстенсивных модификаций заданной перспективы. Принятая целевая установка осуществляется за счет введения в роман истории любви Эдмунда Тальбота к юной путешественнице по имени Марион Чамли, направлявшейся к дальним родственникам в Индию на «Алкионе» в сопровождении супругов Сомерсет. Лирическое начало этой истории обретает напряженное драматическое продолжение по мере того, как межличностные отношения героев вовлекаются в общественную сферу и вступают в противоречие с действующими там запретами и нормами практического поведения. Поскольку возникшая коллизия ищет разрешения на грани субъективных устремлений человека и объективного порядка вещей, то ее событийное развитие раскрывает многообразные звенья связей между течением индивидуальной жизни и законодательствующими принципами, обусловленными взаимосогласованным опытом участников социума.

Если на предыдущих стадиях жанровой организации текста повествователь выступал, по преимуществу, в качестве исполнителя авторского замысла, то теперь, по ходу изложения собственной истории, он становится независимым оператором уже сложившихся повествовательных структур и активным разработчиком принципиально новых содержательных и формообразующих элементов. Исследовав ряд аналогичных явлений в области романного жанра, российский литературовед М. М. Бахтин заметил, что авторская стратегия повышения созидательной активности персонажа проистекает из «эстетически продуктивного отношения автора к герою – отношения напряженной вневходимости автора всем моментам героя, пространственной, временной, ценностной и смысловой вневходимости, позволяющей собрать *все* героя» [15]. В романе «Тесное соседство» особенность отношения автора к герою состоит в том, что последний наделяется полномочиями рассказчика и получает вместе с ними статус автономного субъекта эстетической деятельности. Исключительное право автономии позволяет уполномоченному представителю писателя не только полностью выразить себя в творчестве, но и «собрать», или свести к эпическому единству весь мир романа, воплощающий реальность эпохи.

Продолжая литературную стезю в отсутствие фактического автора, повествователь находит верный путь во вновь образовавшемся пространстве «двоемирия» при помощи ведущей героини своего романа. Эдмунд Тальбот увидел путеводную звезду на темном небосклоне во время первой встречи с Марион Чамли, когда прекрасная незнакомка с «Алкионы» озарилась ослепительным сиянием неопишуемых совершенств: «Палуба разверзлась; электрические флюиды сжидали меня заживо. Передо мной, в белом светящемся круге, стояла девушка» [16]. Однако высокое назначение избранной героини не оправдалось бы в дальнейшем, если бы мотивы выбора исчерпывались идеализацией ее облика в воображении зачарованного героя. Напротив, ответственная миссия Марион Чамли успешно состоялась по той причине, что Эдмунд Тальбот как писатель запечатлел в ее лице не мнимый идеал, но тип реального характера, который открыл подступы к созданию собирательных образов общественной среды в ее типических проявлениях. На этом трудном переходе мисс Чамли выступала в качестве характерной представительницы второго сословия, оказавшейся в зависимом и крайне неустойчивом положении после смерти своего отца,

бедного священника. Тем не менее юная героиня уверенно вошла в широкий круг общения и увлекла за собою романиста благодаря притягательной силе обаяния и тонкому чувству меры в отношениях с людьми. Приняв некогда уравнилельные правила уместности и меры соответствий за непреложный принцип индивидуальной жизни и совместного существования людей, Тальбот усматривает в сдержанной умеренности своей новой знакомой не только залог моральной добродетели, но и признак незаурядного и взыскательного ума [17].

Тем не менее страстное желание Эдмунда обрести в Марион неразлучную спутницу столкнулось с жесткими преградами культурных и социальных обычаев, которые устанавливали меру дозволенного и потому были обязательны и для него самого, и для очаровавшей его девушки. Счастливая встреча с молодым дворянином, его бескорыстная любовь и серьезное намерение вступить в брак избавляли бедную сироту от будущей унижительной доли гувернантки или приживалки в чужом доме. Однако строгие правила пуританской морали не допускали обнадеживающих заверений со стороны девушки в ответ на самые искренние предложения достойнейших поклонников без одобрения старших членов ее семьи. Типическая ситуация перспективного матримониального союза еще более осложнялась тем, что мисс Чамли была вверена заботам супругов Сомерсет до прибытия в Индию, где ей предстояло воссоединиться с дальней родней. Даже в том случае, если сопровождающие лица были бы полноправными опекунами, они могли доверить судьбу своей воспитанницы только человеку с твердым социальным статусом и материальным достатком без риска уронить собственную репутацию в глазах общественного мнения. Поскольку положение Тальбота оставалось неясным до фактического назначения на государственный пост в Австралии, Сомерсет, при всем своем расположении к благоприличному молодому человеку, не высказали обещаний поддержки в установлении дальнейшей связи с мисс Чамли и принимающей ее семьей.

После расхождения кораблей и разлуки героев неразрешенная коллизия личных устремлений и социальных ограничений приобретает затяжной характер и продолжает оказывать значительное влияние на жанровую организацию повествования. Она дает вторичные сюжетные ответвления и раздвигает границы эпической перспективы за счет включения в поле обзора не освещенных ранее сторон действительности. При этом магистральная полоса сюжетного движения обозначается линией наиболее актуальных событий, а логика их развития сосредоточивает мысль повествователя на неявной реальности человеческого бытия – системе ценностей, вокруг которых складывается духовная жизнь людей. Изменение перспективного направления эпопеи началось с возобновлением дороги странствий, когда писатель-романист Тальбот встретился с поэтом-романтиком Бене и представил его в качестве ключевой фигуры авансены, открывающей подходы к преобладающим тенденциям в культурном сознании эпохи.

Бене привнес в прозаический рассказ о путешествии элегическую поэтику недостижимых идеалов, но вместе с тем дух скептицизма и романтической иронии по отношению к благопристойным образам «дурной реальности» в исполнении Тальбота. В ответ на настоятельные вопросы писателя он поделился той частью своего опыта, которая была связана с пребыванием на «Алкионе» и потому более всего прочего интересовала его собеседника. Особое впечатление на Тальбота произвели саркастически похвальные слова по поводу поразительной искушенности мисс Чамли, которая охраняла тайну любовных свиданий великосветской дамы Сомерсет с мистером Бене, ее восторженным почитателем: «Она оберегала наше уединение» [18]. Подобные детали поправки дополнили картину нравов существенными элементами социальной критики, изблотив порок и нечестие за видимостью безупречной добродетели. Однако обновлению картины довлекла прогрессия ее эпической перспективы, которая предоставляла широкий простор для либеральных взглядов на пороки общества и несовершенства человеческого натуры. Эдмунд Тальбот благоразумно воспользовался открытой возможностью и сохранил светлый облик Марион Чамли в неприкосновенности если не в книге, то в своей памяти.

Бене вполне разделяет реалистические взгляды Тальбота на прозу человеческой жизни, но отвергает тактику лояльных уступок в вопросе о духовных ценностях, отстаивая свободу воли и просвещенной мысли в противоборстве с рутиной и косностью филистерской среды: «Прежде, чем я уйду в отставку, сэ, и посвящу себя перу, я надеюсь доказать флоту, что не следует недооценивать разум, равно как и полагать его добродетелью, свойственной единственно старшим офицерам» [19]. Лейтенант Бене подтвердил свой вызов в принципиальном споре со старшим лейтенантом Саммерсом о неотложных мерах по восстановлению жизнеспособности и ходовых качеств поврежденного судна. Верным залогом успеха младшего офицера послужил стратегический проект безопасности, который предусматривал полную очистку корабельного корпуса от коралловых наростов и водорослей и намного превосходил скромное предложение его старшего коллеги смелостью и дальновидностью инженерной мысли. Решающие доказательства преимуществ образованного ума над обыденным здравым смыслом были представлены автором проек-

та во время полевых испытаний, когда он взял на себя практическое руководство операцией и довел ее до победного конца, невзирая на риск и трудность маневров в открытом море.

Писатель Тальбот воздал щедрую дань почтения герою-победителю. При описании финала битвы с морской «гидрой», опутавшей корабль, он удостоил предводителя и его соратников высокого эпического слога, уподобив их триумф победам легендарных героев над темными силами зла в обличье чудовища: «Не знаю, что это за обличье, да и не хочу больше об этом думать. Но тогда утром, стоя на прыгающем корабле, продуваемый соленым ветром, я вдруг своими глазами увидел, как у бешено пляшущей ватерлинии снизу проталкивается сквозь водоросли нечто похожее на огромную макушку. Рядом со мной раздался испуганный мужской возглас. Оно поднялось, таща кверху бахрому из водорослей. Это была голова, или лапа, или плечо какого-то, огромного как Левиафан, существа» [20]. Однако, изображая героя-подвижника в центре эпической перспективы, писатель уделяет равное внимание деталям, подчеркивающим достоинства запечатленного образа и наводящим на них тень сомнений. Значительную долю скептицизма в оценку деяний и заслуг Бене привносят споры о происхождении изгнанного «чудовища», так как многие на корабле настаивали на том, что оно было не инородным плавуном, а частью сломанного кия. Помимо неприязненного общественного мнения, большое недоверие вызывает и собственная позиция протагониста по отношению к обществу, которая служит ему основанием для защиты личных интересов и ограждением от тревог и чаяний других людей. Индивидуалистическая сущность этой позиции заметно проявляется в холодно-сдержанном обращении Бене со всеми спутниками, а еще более – в надменном безразличии к поверженному противнику. Моральная дискредитация «аристократа духа» довершается признанием Саммерса, униженного и оскорбленного выходца из социальных низов. После вынужденных уступок сопернику он потерял всякие виды на будущее, кроме жалкого пристанища для «бедняг», которые пробилась на офицерскую должность без всякой поддержки и «которых в любой момент могут вышвырнуть с места, чтобы заменить» [21].

Подводя итоги эстетического суда после развязки драматических событий на корабле, Тальбот разделяет тревоги Саммерса и потому испытывает чувство нерешительности в определении подлинного места романтического героя, выдвинувшегося на ключевые позиции в романе. Писатель отчетливо различает в этом герое черты раскрепощенной личности, а в них – бесспорные свидетельства эпохальных перемен в формировании индивидуального сознания: «Бене был личностью. Он был личностью в гораздо большей мере, чем я» [22]. Однако, признавая самоценность индивидуума, Тальбот не отвергал и опасности его экспансии во внешний мир, чреватой притеснением других людей и нарушением общественной системы ценностей. Повторный взгляд на половинчатый портрет героя времени обратил мысль автора к проблеме целостности образов и побудил его к критическому пересмотру всех путевых картин в поисках приемлемого решения. Ретроспективный обзор отдельных зарисовок в составе общей композиции повлек за собой вывод о недостаточности впечатлений текущего момента для всестороннего описания действительности по законам эпического жанра: «Необходима пауза, не столько для обдумывания, сколько для передышки» [23].

Тем не менее уже заложенное основание эпической перспективы, с ее первоначальными установками на переменные величины временной длительности и пространственной протяженности, предоставляло благоприятные возможности не только для выражения впечатлений автора, но и самовыражения персонажей при условии полного рассказа о событиях и обстоятельствах их совместного пути. Принимая во внимание это условное допущение, Тальбот признает, что его второй роман представляет собой открытую книгу, вопрошающую о продолжении: «Но мне самому, как любому читателю, оборванный конец моего дневника – назовем его “Книга вторая” – не давал и не дает покоя» [24]. Открытый финал второй книги склоняет Тальбота к завершению эпопеи в рамках очерченной перспективы, но с позиций приобретенного опыта и знания о жизни: «Несомненно, следовало бы сделать более точное и подробное описание нашего путешествия. В моей памяти этот вояж живет как единое целое – с началом, продолжением и концом» [25]. Высказанное намерение было успешно осуществлено героем и автором по окончании романа «Огонь внизу», составившем заключительную книгу эпического цикла Уильяма Голдинга «На край света: Морская трилогия».

Примечания

1. Connor S. The English Novel in History, 1950–1995. L.; N. Y.: Routledge, 1996. P. 152.
2. Женнет Ж. Литература и пространство // Фигуры: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во Сабашниковых, 1998. С. 281.
3. О влиянии традиционных фабульных моделей на расстановку действующих лиц и сюжетное движение событий в «Морской трилогии» У. Голдинга см. Crompton D. A. A View from the Spire: William Golding's later novels. Oxford: Basil Blackwell Publisher, 1985. P. 127–157.

4. О соотношении классических традиций и обновленческих тенденций в архитектонике «Морской трилогии» У. Голдинга см.: Струкова Т. П. «Морская трилогия» У. Голдинга: Традиция и новаторство. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. С. 15–32.

5. *Голдинг У.* В непосредственной близости. На край света: [трилогия] / пер. с англ. Е. Корягиной, А. Панасюк. М.: Астрель, 2012. С. 221.

6. О соотношении классических традиций и обновленческих тенденций в архитектонике «Морской трилогии» У. Голдинга см.: Струкова Т. П. «Морская трилогия» У. Голдинга: Традиция и новаторство. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. С. 60.

7. *Голдинг У.* Указ. соч. С. 232.

8. Там же. С. 242.

9. Там же. С. 232.

10. Там же. С. 243.

11. Там же. С. 254.

12. Там же. С. 256.

13. Там же. С. 258.

14. Там же. С. 274.

15. *Бахтин М. М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Автор и герои: к философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 41.

16. *Голдинг У.* Указ. соч. С. 284.

17. Извлечение этической меры единства индивидуальных запросов и социальных ограничений явилось одним из уроков опыта, изложенного от имени Тальбота в романе «Ритуалы плавания». Подробнее об этом см., в частности: *Шанина Ю. А.* Обряды перехода и экзистенциальная проблематика в английском романе последней трети XX века // Вестник Башкирского ун-та. 2014. Т. 19. № 1. С. 121–130. С. 121–123.

18. *Голдинг У.* Указ. соч. С. 384.

19. Там же. С. 389.

20. Там же. С. 413.

21. Там же. С. 420.

22. *Golding W.* Close Quartes. L.: Faber & Faber, 1990. P. 217.

23. *Голдинг У.* Указ. соч. С. 416.

24. Там же. С. 430.

25. Там же. С. 431.

Notes

1. Connor, S. The English Novel in History, 1950-1995. L.; N.Y.: Routledge, 1996. P. 152.

2. Jennet J. *Literatura i prostranstvo* [Literature and the environment] // *Figury - Figures*: in 2 vol. Vol. 1. M. Publishing house of Sabashnikovs. 1998. P. 281.

3. On the influence of traditional plot models on the correlation of actors and plot the movement of events in the "Sea trilogy" by William Golding see Crompton D. A. A View from the Spire: William Golding's later novels. Oxford: Basil Blackwell Publisher, 1985. Pp. 127-157.

4. On the ratio of the classical tradition and the revisionist trends in the architectonics of "Sea trilogy" by William Golding see: Струкова Т. П. «*Morskaya trilogiya*» У. *Goldinga: Tradiciya i novatorstvo* ["Sea trilogy" by William Golding: Tradition and innovation]. Voronezh. Publishing house of Voronezh State University. 2000. Pp. 15-32.

5. *Golding W.* *V neposredstvennoj blizosti. Na kraj sveta: [trilogiya]* [In the immediate vicinity. On the edge of the world [trilogy]] / transl. from Eng. E. Koryagina, A. Panasyuk. M. Astrel 2012. P. 221.

6. On the ratio of the classical tradition and the revisionist trends in the architectonics of "Sea trilogy" by William Golding see: Струкова Т. П. «*Morskaya trilogiya*» У. *Goldinga: Tradiciya i novatorstvo* ["Sea trilogy" by William Golding: Tradition and innovation]. Voronezh. Publishing house of Voronezh State University. 2000. P. 60.

7. *Golding W.* Op.cit. P. 232.

8. Ibid. P. 242.

9. Ibid. P. 232.

10. Ibid. P. 243.

11. Ibid. P. 254.

12. Ibid. P. 256.

13. Ibid. P. 258.

14. Ibid. P. 274.

15. *Bakhtin M. M.* *Avtor i geroj v ehsteticheskoy deyatel'nosti* [Author and hero in aesthetic activity] // *Avtor i geroi: k filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk* - Author and the characters: the philosophical foundations of human sciences. SPb. Azbuka. 2000. P. 41.

16. *Golding W.* Op. cit. P. 284.

17. The extraction of ethical measures for the unity of individual needs and social constraints has been one of the lessons of the experiences presented on behalf of Talbot in the novel "The rituals of sailing". More about this see in particular: *Shanina Yu. A.* *Obryady perekhoda i ehkzistencial'naya problematika v anglijskom romane poslednej treti XX veka* [Rites of passage and existential issues in the English novel of the last third of the XX century] // *Vestnik Bashkirskogo un-ta* - Herald of the Bashkir University. 2014, vol. 19, No. 1, pp. 121-130, pp.121-123.

18. *Golding W.* Op. cit. P. 384.

19. Ibid. P. 389.
20. Ibid. P. 413.
21. Ibid. P. 420.
22. W. Golding *Close Quarters*. L.: Faber & Faber, 1990. P. 217.
23. Golding W. *Op. cit.* P. 416.
24. Ibid. P. 430.
25. Ibid. P. 431.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АГЛЕЙ Елена Андреевна – соискатель кафедры религиоведения, ассистент кафедры телевидения и телепроизводства отделения массовых коммуникаций Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета. 420025, г. Казань, ул. Профессора Нужина, д. 1/37.

E-mail: EleAllina@kpfu.ru

БАЧУРИН Вадим Дмитриевич – ассистент кафедры иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации Тюменского государственного университета. 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6 .

E-mail: magov2@rambler.ru

БУГРОВ Константин Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

ГУДОВ Александр Яковлевич – кандидат исторических наук, доцент по кафедре всеобщей и российской истории Вятского государственного университета. 610000 г. Киров, ул. Московская 36.

E-mail: kaf_vi@vyatsu.ru

ЕРШОВ Богдан Анатольевич – доктор исторических наук, профессор Воронежского института ГПС МЧС России. 394052, г. Воронеж, ул. Краснознаменная, 231.

E-mail: bogdan.ershov@yandex.ru

ЗУБОВ Игорь Валентинович – кандидат педагогических наук Воронежского института ГПС МЧС России. 394052, г. Воронеж, ул. Краснознаменная, 231.

E-mail: bogdan.ershov@yandex.ru

ИЛЬЧЕНКО Наталья Михайловна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской и зарубежной филологии Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина, 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1.

E-mail: ilchenko2005@mail.ru

ИСЛАМОВА Алла Каримовна – доцент кафедры английского языка экономики и права Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.

E-mail: alla.islamova.52@mail.ru

КИСЕЛЕВ Михаил Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

E-mail: strateg-mk@rambler.ru

ЛИТВИНОВА Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского., 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 46-в.

E-mail: litvinova_olganik@mail.ru

МАТВЕЕВА Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета. 344006, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42.

E-mail: gegemat2337633@rambler.ru

МИХАЙЛОВА Наталия Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники. 220013, Республика Беларусь, Минск, ул. Петруся Бровки, д. 6.

E-mail: michailova_mshrc@mail.ru

НАСРТДИНОВА Валентина Михайловна – соискатель кафедры религиоведения, преподаватель кафедры английского языка в социогуманитарной сфере отделения Высшая школа иностранных языков и перевода Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета. 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18.

E-mail: vmnasrtdinova@mail.ru

ПЕПЕЛЯЕВА София Валерьевна – магистр факультета гуманитарных наук Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина. 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1.

E-mail: ilchenko2005@mail.ru

СОЛОВЬЕВ Рустам Арсланович – аспирант кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. профессора И. Г. Петровского. 241036 г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14.

E-mail: solorus@mail.ru

СУХИХ Никита Иванович – аспирант кафедры онтологии и теории познания департамента философии института социальных и политических наук Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51.

E-mail: n.i.suhih@urfu.ru

ТИМШИН Вадим Алексеевич – кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры философии Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: timshinvadim@mail.ru

ФЕДЯНИН Виталий Иванович – доктор технических наук, профессор Воронежского института ГПС МЧС России. 394052, г. Воронеж, ул. Краснознаменная, д. 231.

E-mail: bogdan.ershov@yandex.ru

ХАНИНА Елена Александровна – аспирант кафедры немецкой филологии Южного федерального университета. 119313, Москва, Ленинский проспект, 95 а.

E-mail: haninaea@rambler.ru

ХАРУНЖЕВА Мария Александровна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

ЧЕРНЫШЕВА Наталья Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работы Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: russkihnatalia@mail.ru

ЮЛОВ Владимир Федорович – доктор философских наук, профессор кафедры философии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

AGLEY Elena Andreevna – postgraduate student on the Department of religious studies, assistant of Department of TV broadcasting and TV production of section of mass communication of the Institute of Socio-Philosophical Sciences and mass communications of Kazan (Volga region) Federal University. 1/37 Professor Nuzhin str., 420025, Kazan.
E-mail: EleAllina@kpfu.ru

BACHURIN Vadim Dmitrievich – Assistant Professor of Department of foreign languages and professional intercultural communication of Tyumen State University. 6 Volodarskiy str. 625003, Tyumen.
E-mail: magov2@rambler.ru

BUGROV Konstantin Dmitrievich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of Russian history of Ural Federal University n.a. the first President of Russia B. N. Yeltsin. 51 Lenin Ave., 620000, Ekaterinburg.
E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

GUDOV Alexander Yakovlevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor in the Department of general and Russian history of Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: kaf_vi@vyatsu.ru

ERSHOV Bogdan Anatolievich – Doctor of Historical Sciences, Professor of Voronezh Institute of State Fire Service of EMERCOM of Russia. 231 Krasnoznamennaya str., 394052, Voronezh.
E-mail: bogdan.ershov@yandex.ru

ZUBOV Igor Valentinovich – Candidate of Pedagogic Sciences of Voronezh Institute of State Fire Service of EMERCOM of Russia. 231 Krasnoznamennaya str., 394052, Voronezh.
E-mail: bogdan.ershov@yandex.ru

ILCHENKO Natalia Mikhailovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian and foreign Philology of the Nizhny Novgorod State Pedagogical University n.a. Kozma Minin. 1 Ulyanov str., 603950, Nizhny Novgorod.
E-mail: ilchenko2005@mail.ru

ISLAMOVA Alla karimovna – Associate Professor in the Department of English of Economics and law of the Faculty of Philology of St. Petersburg State University. 11 Universitetskaya emb., 199034 St. Petersburg.
E-mail: alla.islamova.52@mail.ru

KISELEV Mikhail Aleksandrovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of Russian history of Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. 51 Lenin Ave., 620000, Ekaterinburg.
E-mail: strateg-mk@rambler.ru

LITVINOVA Olga Nikolaevna – Candidate of Historical Sciences, the senior lecturer of the Department of Russian history of Yaroslavl State Pedagogical University n.a. K. D. Ushinsky. 46-B Kotorosl'naya emb., 150000, Yaroslavl.
E-mail: litvinova_olganik@mail.ru

MATVEEVA Galina Grigorievna – Doctor of Philology, Professor of the Department of German Philology of Institute of Philology, journalism and intercultural communication of Southern Federal University. 105/42 B. Sadovaya str., 344006, Rostov-na-Donu.
E-mail: gegemat2337633@rambler.ru

MIKHAILOVA Natalia Viktorovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of philosophy at the Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics. 6 Petrus Brovka str., 220013, Republic of Belarus, Minsk.
E-mail: michailova_mshrc@mail.ru

NASRTDINOVA Valentina Mikhailovna – postgraduate student of Department of religious studies, the teacher of the Department of English in the socio-humanitarian sphere of Department of the Higher school of foreign languages and translation of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies of Kazan (Volga region) Federal University. 18 Kremlevskaya str., 420008, Kazan.
E-mail: vmnasrtdinova@mail.ru

PEPELIAEVA Sofia Valeryevna – Master of the Faculty of Humanities of the Nizhniy Novgorod State Pedagogical University n.a. Kozma Minin. 1 Ulyanov str., 603950, Nizhniy Novgorod.
E-mail: ilchenko2005@mail.ru

SOLOVIEV Rustam Arslanovich – graduate student on the Department of Russian history of the Bryansk State University n.a. Professor I. G. Petrovsky. 14 Bezhitskaya str., 241036 Bryansk.
E-mail: solorus@mail.ru

SUKHIKH Nikita Ivanovich – postgraduate student of the Department of ontology and theory of knowledge of Department of philosophy of Institute of social and political Sciences of Ural Federal University n.a. the first President of Russia B. N. Yeltsin. 51 Lenin Ave., 620000, Ekaterinburg.
E-mail: n.i.suhih@urfu.ru

TIMSHYN Vadim Alekseevich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, doctoral candidate of the Department of philosophy of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.
E-mail: timshinvadim@mail.ru

FEDYANIN Vitaly Ivanovich – Doctor of Technical Sciences, Professor of Voronezh Institute of State Fire Service of EMERCOM of Russia. 231 Krasnoznamennaya str., 394052, Voronezh.
E-mail: bogdan.ershov@yandex.ru

HANINA Elena Aleksandrovna – postgraduate student of the Department of German Philology of South Federal University. 95 Lenin Ave., 119313, Moscow.
E-mail: haninaea@rambler.ru

KHARUNZHEVA Maria Aleksandrovna – Candidate of Philosophical Sciences, the senior lecturer of the Department of Philosophy of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.
E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

CHERNYSHEVA Natalia Viktorovna – Candidate of historical Sciences, Associate Professor of social work at Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.
E-mail: russkihnatalia@mail.ru

ULOW Vladimir Fedorovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.
E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета

Научный журнал № 2 (2016)

Подписано в печать 29.02.2015 г.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,5. Тираж 1000. Заказ № 33.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 208-964

Отпечатано в полиграфическом цехе
издательства ООО «Радуга-ПРЕСС»
610044, г. Киров, ул. Лепсе, 69-48
(8332) 262-390